

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы
народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук

На правах рукописи

Плеханов Артемий Александрович

**Инструментализация истории в политике нацистроительства Украины в
постсоветский период.**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология
Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, академик РАН
Тишков Валерий Александрович

Москва – 2018

Оглавление

Введение	3
Глава I. Использование инструментализации истории в государственной политике.	21
§ 1.1. Феномен инструментализации истории	21
§ 1.2. Репрезентация прошлого в политическом языке Украины	44
§ 1.3. Разрушение советского исторического нарратива и пространства его символического господства	68
Глава II. Воспроизводство и восприятие элементов украинского исторического нарратива в социальных практиках	92
§ 2.1. Инструментализация истории в сфере образования	92
§ 2.2. Формирование календаря государственных праздников и памятных дат	111
§ 2.3. Национальный пантеон героев: проблемы формирования и динамика ...	133
Глава III. Радикальный украинский национализм и инструментализация прошлого	157
§ 3.1. Государство, элиты и радикальный национализм	157
§ 3.2. Исторический миф праворадикального национализма	183
Заключение	201
Источники	210
Полевые наблюдения и материалы	228
Список используемой литературы	234

Введение

Трактовка событий истории, оценка исторических личностей, символы и способы их воплощения на протяжении истории были и остаются местом борьбы политических сил. Особую роль данная тема играет в процессе формирования наций, в рамках которого представления о прошлом играют ключевую роль. Они выступают в качестве обоснования величия нации — символов сплочения разрозненных множеств социальных групп в единый народ и придают легитимность политическим элитам и проводимой политике. Актуальность данной темы трудно переоценить, так как вопросы инструментализации и политизации истории часто выступают основанием для этнополитических конфликтов и территориальных споров между государствами, выводя вопросы истории и памяти на международный уровень.

Яркими примерами тому являются территориальные споры между государствами Южного Кавказа (за статус автохтонного населения), Индией и Пакистаном (в связи со статусом штатов Джамму и Кашмир), Таиланда и Камбоджи (вокруг храмового комплекса Прэахвихеа), арабо-израильское противостояние, сербско-албанский конфликт вокруг Косово и Метохии, македонский вопрос. Во всех конфликтах каждая из сторон апеллировала к истории для обоснования своих политических интересов. Как отмечает В. А. Тишков, такое инструментальное использование истории является особенностью современной исторической культуры, для которой основными критериями отношения к прошлому является возможность манипулирования им в собственных интересах, полезность в качестве компонента нациестроительства или переосмысления национальной идентичности¹.

¹ Тишков В. А. Новая историческая культура. — М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2011. — С. 16.

Подобное отношение к национальному прошлому характерно и для политики государств, образовавшихся после распада СССР. Украина в данном случае не является исключением. Более того, в постсоветский период использование истории в качестве инструмента политики стало важнейшим элементом не только национального строительства, но и публичной политики. Начиная с периода перестройки формируются новые образы исторических событий, героев и недругов, создавая новые жизненные ориентиры, которые в дальнейшем станут мощными рычагами мобилизации политической энергии. Изучение их дает возможность понимания современных этнополитических процессов, феномена национализма и нациестроительства².

Активное участие в этом принимали представители разных социальных классов и общественных страт — политические элиты, общественные и профессиональные организации, СМИ, культурные и религиозные структуры. Подобного рода обращения к истории и национальной памяти преследуют несколько ключевых задач: обоснование независимости украинского государства, формирование пространства информационной гегемонии национализированной версии украинского прошлого, создание инструментов украинского внешнеполитического влияния и культурной дипломатии, основанных на использовании сюжетов о национальном прошлом. Память используется для выгодоприобретения от конструируемого образа жертвы и «экспорта вины» за тяжелое наследство. Таким образом, прошлое присутствует в ситуации непрерывной борьбы в публичной политике, в ходе которой используются символы и материальные объекты прошлого как способ капитализации политических сил. В постсоветский период смешения политических координат и способов описания реальности история стала одним из языков разговора о современной политике, а люди, выступающие в качестве производителей этого языка — историки, писатели, журналисты, — приобрели статус идеологов в

² Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. — М.: Наука, 2007. — С. 11.

ситуации, когда любое высказывание по поводу истории становилось высказыванием политическим.

Сложившееся положение воплотилось в «войнах памяти» между Украиной и её ближайшими соседями, когда на повестку дня выносились вопросы истории и памяти о таких событиях и исторических явлениях, как Переяславская рада, Северная война, Великая Отечественная война, коллаборационизм, холокост, межэтнические столкновения в XX в., история и наследие Советского Союза, обоснование Украины как независимого государства и другие. В качестве институции реализации государственной политики в отношении прошлого в 2006 г. был создан Украинский институт национальной памяти. Он стал ключевым органом исполнительной власти, реализующим функцию исторической политики и государственного контроля над процессами коммеморации и памяти в обществе. Помимо спекуляций политиков, отношение общества к истории складывалось через сложную систему взаимодействий между государственными и культурными институтами и силами гражданского общества. Основными компонентами которой стали формы отношения людей к праздникам, образованию, местам памяти, региональной дифференциации исторической памяти, музеям и иным институтам и практикам, воспроизводящим эту память.

Искаженные представления о политике в отношении национального прошлого на Украине привели к неадекватному пониманию происходящих в стране изменений и процессов. Ярким примером того, как представления о прошлом и спекуляции на тему истории могут оказывать свое губительное воздействие, стали события 2014 г. на востоке Украины. В ходе конфликта противоборствующие стороны активно использовали различные мифологемы, связанные с историческим прошлым Украины, для обеспечения поддержки и оправдания своих действий, что привело в конечном итоге к кровопролитию и тысячам жертв с обеих сторон.

Актуальность данного исследования заключается в анализе тенденций последних 25 лет, которые показывают как динамику политики государства в

отношении истории, так и восприятие этой политики в украинском обществе. Успешная реализация программ поддержки соотечественников за рубежом, объективный рассказ в СМИ о ситуации на Украине, создание эффективных инструментов культурной дипломатии, создание научных центров невозможно без преодоления стереотипов и мифов об истории и о положении памяти на Украине. Понимание представлений украинского общества о своем прошлом и отношении к действиям государства по этому поводу также необходимо для предупреждения ошибок в сфере политики памяти в многоэтнических государствах-нациях. Решение данных задач требует комплексного изучения процессов политического использования истории в современной Украине.

Вместе с тем нельзя не отметить, что территория современной Украины является местом формирования Киевской Руси, одного из первых государственных образований восточных славян. Территория Украины входила в состав Российской империи и на правах республики — в состав Советского Союза. В постсоветский период она является одним из ближайших соседей России, их общая граница составляет 2093,6 км — это четвертая по протяженности граница РФ с иностранным государством. Несмотря на сокращение торговли после 2014 г., Украина остается важным экономическим партнером: доля этой страны в товарообороте России в 2016 г. составила 2,2%³. Несмотря на ослабление своей субъектности на международной арене, Украина остается важным политическим игроком в пространстве ближнего зарубежья, являющимся соучредителем СНГ, членом ГУАМ, ОЧЭС⁴.

Степень научной разработанности темы. В российской и зарубежной литературе существует большой корпус научных текстов, посвященных разным аспектам проблемы инструментализации истории. Данная область исследований связана с такими важными темами, как национальная историография,

³ Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 4 (42). Март [Электронный ресурс] // Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, РАНХиГС при Президенте РФ, Всероссийская академия внешней торговли. — Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2017_4-42_March.pdf (дата обращения: 01.04.18).

⁴ Гуцин А. В. Украина: двадцать пять лет упущенных возможностей // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. — М.: НП РСМД, 2017 — С. 201.

историческое образование, историософия, коллективные представления, память, национальное строительство, национализм, и иными проблемными областями, которые изучаются специалистами разных научных дисциплин.

Проблематика исследований памяти и политического использования истории как области научного знания является междисциплинарной и изучается в рамках разных дисциплин социальных и гуманитарных наук. Этот вопрос активно исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Среди зарубежных специалистов следует отметить работы А. Ассман, Я. Ассмана, У. Блекера, Б. Зелицера, Я. Зерубавель, Х. Кёнига, П. Коннертона, Д. Лоуэнталь, А. Лангеноля, Дж. У. Лоуэна, Л. А. Мосионжника, П. Нора, Дж. Олика, П. Рикёра, Р. Суни, С. Требста, М. Ферро, М. Хальбвакса, П. Хаттона, Дж.-П. Химки, А. Эткина, а также ряда других исследователей⁵.

⁵ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.; Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.; Blacker U. Living among the Ghosts of Others: Urban Postmemory in Eastern Europe // Memory and Theory in Eastern Europe. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — Р. 173–193; Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 10–29; Зерубавель Я. Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры // История и коллективная память: сборник статей по еврейской историографии. — М.: Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2008. — С. 193–231; Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // Critical Studies in Mass Communication. — 1995. — №2. — Vol. 12. — Р. 214–239; Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ — М.: РОССПЭН, 2012. — 164 с.; Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. — Київ: Ніка-Центр, 2004. — 184 с.; Лангеноль А. Официальные визиты. Интернационализация памяти о Второй мировой войне в России и Германии // Неприкосновенный запас — 2005. — № 2–3(40–41). — С. 403–418; Лангеноль А. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 115–141; Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 624 с.; Loewen J.W. Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong. — New York: The New Press, 1995. — 383 p.; Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 416 с.; Нора П. Тенерішніє, нація, пам'ять. — Київ: Кліо, 2014. — 272 с.; Нора П. Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. — 2010. — № 1–2. — С. 181–188; Нора П. Франция — память. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 328 с.; Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. — 2012. — Т. 11. — №1. — С. 40–74; Olick J. K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. — New York: Routledge, 2007 — 229 pp.; Рикёр П. М. Память, история, забвение. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.; Суни Р. Диалог о Геноциде: Усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Ab Imperio. — 2004. — № 4. — С. 87–131; Сюни Р. Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 52–86; Suny R. G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. — Stanford: Stanford University Press, 1993. — 200 pp.; Требст С. «Какой такой ковер?» // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 142–180; Troebst S. Erinnerungskultur — Kulturgeschichte — Geschichtsbild. Ostmitteleuropa in Europa. — Stuttgart: Steiner, 2013. — 440 s.; Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М.: Книжный клуб 36.6, 2010. — 480 с.; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.; Хаттон П.Х. История как искусство памяти.

Отечественные исследователи работают в рамках разных социальных и гуманитарных дисциплин. Среди историков нужно выделить исследования А. И. Борозняка, посвященные работе с трудным прошлым и в целом процессам памяти в Германии. Исследования А. Г. Васильева затрагивают теоретические и историографические аспекты *memory studies*. Также необходимо отметить труды А. И. Миллера, в которых рассматривается феномен исторической политики как явление, приобретающее особое значение в контексте формирования государственной политики идентичностей в посткоммунистических странах Восточной и Центральной Европы (в том числе в России и Украине). Н. Е. Копосов в своих работах рассматривает динамику изменений коллективных представлений об истории, месте истории в идеологической сфере, исторической политике России начиная с периода перестройки. Труды Л. П. Репиной посвящены методологии и теории исторического познания, феноменам исторической памяти и историографии. Историки И. М. Савельева и А. В. Полетаев разрабатывают теоретические аспекты проблем методологии и терминологии исторической науки, инструментализации истории и исторического образования на примере США. П. М. Полян обращается к проблемам политического использования прошлого и коммеморации и сохранения памяти о тяжелых событиях XX века в России⁶.

— СПб: Владимир Даль, 2004. — 424 с.; Himka J.-P. Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History // *The Convolutions of Historical Politics*. — Budapest: Central European University Press, 2012. — P. 211–238; Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.

⁶ Борозняк А. И. ФРГ: волны исторической памяти // *Неприкосновенный запас*. — 2005. — № 2–3. — С. 58–65; Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. — М.: РОССПЭН, 2014. — 352 с.; Борозняк А. И. «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев // *Российская история*. — 2012. — № 3. — С. 174–188; Васильев А. Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства // *Искусствознание*. — 2009. — № 1–2. — С. 16–39; Васильев А. Г. *Memory Studies*: единство парадигмы — многообразие объектов // *Новое литературное обозрение*. — 2012. — №5(117). — С. 461–480; Миллер А. И. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. — 2009. — №3-4. — С. 6–23; Касьянов, Г. В. Миллер А. И. Россия — Украина: как пишется история. Диалоги — лекции — статьи. — М.: РГГУ, 2011. — 311 с.; Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // *Историческая политика в XXI веке* — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 328–367; Миллер А.И. Образ России и русских в западноукраинской прессе // *Полис. Политические исследования*. — 1995. — № 3. — С. 124–132; Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика — М.: Круг, 2011. — 560 с.; Репина Л.П. Национальная история, историческая память и «история историков» // *Вестник Российской нации*. — 2010. — №3. — С. 65–77; Репина Л. П. Историческая память и современная историография // *Новая и новейшая история*. — 2004. — №5. — С. 39–52; Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. — СПб.: Наука, 2003. — 632 с.; Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т.2. — СПб.: Наука,

Среди специалистов в сфере этнологии и социально-культурной антропологии следует отметить работы А. В. Буганова, посвященные разным аспектам отражения событий истории в памяти и массовом сознании русского крестьянства XIX–XX вв. и вопросам коллективной памяти. В. С. Малахов обращается к проблемам нации и национализма, национальной и расовой нетерпимости, глобальных миграций и их влиянию на формирование национальных идентичностей. В исследованиях И. А. Снежковой рассматриваются формирование и трансформации национальных и этнических идентичностей в постсоветской Украине. В своих трудах академик В. А. Тишков освещает проблематику изменения культуры памяти в XXI в., регулирование представлений истории правовыми методами, соотношение и сосуществование глобальной и национальных историй, бытование истории в интернет-пространстве, а также влияние истории и интеллектуалов на конструирование идентичностей. Е. И. Филиппова в своих работах рассматривает инструменты формирования памяти и способы коммеморации таких тем, как иммиграция и рабство во Франции и её заморских департаментах. Исследования В. А. Шнирельмана посвящены борьбе политиков за историю и археологические памятники, конструированию этнократических мифов, радикальному национализму на примере российских республик северного Кавказа, Поволжья и государств Закавказья⁷.

2006. – 751 с.; Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 456 с.; Полян П.М. Юбилей à la Glapvour? Российский организационный комитет «Победа» как естественная монополия // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 40–41. — С. 162–169; Полян П. М. Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте. — М.: АСТ, 2016. — 624 с.

⁷ Буганов А. В. Историческая память русского народа об Отечественной войне. — Тула: Гриф и К., 2012. — 240 с.; Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX — начала XX в.: Историко-этнографическое исследование — М.: Принципиум, 2013. — 296 с.; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. — М.: Книжный дом «Университет», 2010. — 318 с.; Малахов В. С. Расовый образ мыслей после расизма: случай России на общеевропейском фоне // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели. М.: Новое литературное обозрение, 2013. — С.115–138.; Малахов В. С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. — М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. — 272 с.; Снежкова И. А. Формирование этнических представлений украинских и русских школьников // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 83–89; Снежкова И. А., Москаленко Н. П., Чебанюк Е. Ю. Образ России и Украины в контексте геополитических изменений // Этнографическое обозрение. — 2009. — №2. — С. 75–92; Тишков В. А. Новая историческая культура // Новая и новейшая история. — 2011. — № 2. — С. 3–23; Тишков В. А. Новая историческая культура. — М.: Изд-во МГОУ, 2011. — 60 с.; Тишков В. А. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Вестник Российской нации. — 2010. — №12–13. — С. 12–25; Филиппова Е. И., Филиппов В. Р. Скованные одной

В рамках политической науки тема рассматривалась В. А. Ачкасовым, чьи работы посвящены феномену политики памяти, ее связи с нациестроительством и ролью интеллектуальных элит в этом процессе. Д. В. Березняковым и С. В. Козловым исследуется украинская символическая политика в контексте соотношения категорий советского и национального в идеологическом аспекте. В. Н. Ефремова обращает внимание на роль государственных праздников как предмета политической борьбы. Работы О. Ю. Малиновой посвящены государственной символической политике в современной России, изменениям советских идейных конструктов в современности и особенностям публичного дискурса представителей власти. А. А. Журухина рассматривает отношения формирования национализированной версии истории в постсоветский период через призму политического дискурса⁸.

В русле социологического направления исследований необходимо отметить работы Л. Д. Гудкова о памяти и событиях прошлого в сознании граждан России и использовании прошлого политическими элитами. Труды Б. В. Дубина посвящены механизмам работы, изменения, забвения коллективной памяти в российском обществе по отношению к Великой Отечественной войне. Исследования Е. Ю. Рождественской обращаются к проблемам рефлексии и

цепью. Память о рабстве и национальная история Франции // Новое литературное обозрение. — 2016. — № 6(142). — С. 110–128.; Филиппова Е. И. Перегрузка памяти // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 4. — С. 78–91; Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье - М.: «Академкнига», 2003. — 592 с.; Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. — М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. — 312 с.

⁸ Ачкасов В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2012. — Вып. 1. — С. 126–148; Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — № 4(69). — С. 106–123; Березняков Д. В., Козлов С. В. Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим»? // Символическая политика. — М.: ИНИОН, 2015. — Вып. 3: Политические функции мифов. — С. 171–191; Березняков Д. В., Козлов С. В. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Полис. Политические исследования. — 2015. — №4. — С. 34–45; Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2014. — Вып. 2. — С. 66–79; Ефремова В. Н. День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2012. — Вып. 1. — С. 286–300; Журухина А. А. Политизация истории на постсоветском пространстве (на примере украинских учебников истории) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2010. — №1(44). — С. 180–192; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: РОССПЭН, 2015. — 207 с.; Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. — 2016. — №6. — С. 139–158.

музеефикации культурных травм на примере памяти о холокосте и Афганской войне⁹.

Отдельно хочется обратить внимание на украинских исследователей, поднимавших вопросы инструментализации истории и памяти. Труды Г. В. Касьянова охватывают большинство ключевых тем, связанных с политикой памяти, инструментализацией истории, национальным строительством и проблемами истории в системе образования постсоветской Украины. Также он охватывает ряд тем, связанных с анализом понятия «нация», генезисом нации в истории, а также феноменом украинского нацистроительства и национализма. Историк А. В. Портнов в своих работах обращается к проблемам украинской историографии, польско-украинско-российских отношений, проблематики памяти в Европе, положения памяти и интеллектуальных дискуссий в обществе в состоянии конфликта. Особенности региональной дифференциации памяти, истории и памяти в политическом дискурсе посвящены работы В. В. Середа. Вместе с тем необходимо упомянуть работы украинских исследователей, касающиеся проблем исторического знания, памяти, исторической политики — А. М. Киридон, В. В. Кравченко, С. Н. Плохийя, М. Ю. Рябчука, В. Ф. Солдатенко, Н. М. Яковенко¹⁰.

⁹ Гудков Л. Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас – 2005. — №2□3(40□41). — С. 46□57; Гудков Л. Д. Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2009. — Т. 101. — №3. — С. 84□102; Гудков Л. Д. 1917 год в структуре легитимности российской власти // Неприкосновенный запас. — 2017. — №6. — С. 154□172; Дубин Б. В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. — 2004. — №5(20). — С. 68□84; Дубин Б. В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. — 2008. — № 4(43). — С. 6□21; Рождественская Е. Ю. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. — 2017. — № 5(120). — С. 87□114; Rozhdestvenskaya E.Yu. The Space of Memory in Afghanistan War Museum // Collective Memories in War. — London: Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. — P. 85□98.

¹⁰ Касьянов Г. В. Теорії нації та націоналізму — Київ: Либідь, 1999. — 352 с.; Касьянов Г. В. Danse macabre: голод 1932□1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). — Київ: Наш час, 2010. — 271 с.; Касьянов Г. В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая Экспертиза. — 2016. — №2. — С. 28□55; Киридон А. М. Гетеротопії пам'яті: Теоретико-методологічні проблеми студій пам'яті. — Київ: Ніка-Центр, 2016. — 320 с.; Киридон А. М. «Війни пам'ятей» і моделі примирення: інтерпретація понять // Війни пам'ятей та політика примирення : зб. наук. праць / голов. ред. В. Ф. Солдатенко; Укр. ін-т нац. Пам'яті. — Київ: Пріоритети, 2013. — С. 27□37; Кравченко В. В. Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // Ab imperio. — 2004. — №2. — С. 329□367; Портнов А. В. Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. — Київ: Критика, 2013. — 344 с.; Плохий С. Национализация украинского казачества в XVII–XVIII вв. // Ab Imperio. — 2004. — № 2. — С. 567□596; Плохий С. М. Козацький міф. Історія та нацистворення в епоху імперій. — Київ: Laurus, 2013. — 440 с.; Портнов А. В. Між «Центральною Європою» та «Русским миром»: Сучасна Україна у просторі міжнародних інтелектуальних дискусій. — Київ: НІСД, 2009. — 160 с.; Портнов А. В. Історії істориків.

Данная тематика является неотъемлемой частью исследований национального строительства и национализма. Среди зарубежных и отечественных ученых этого направления, чьи работы посвящены украинскому национализму, следует выделить работы Р. Дж. Армстронга, Я. И. Грицака, В. Б. Евтуха, Т. Ю. Журженко, П. Колсто, Т. Кузьо, В. М. Кулыка, О. Дж. Мотыля, П. А. Рудлинга, Дж. Смита, А. Е. Финько, Дж.-П. Химки, А. В. Шеховцова¹¹.

Объектом данного исследования является феномен инструментализации истории в постсоветской Украине.

Предметом исследования являются социальные практики, политический язык, институты, политические силы, включенные в процесс инструментализации истории.

Цель исследования — комплексное исследование феномена инструментализации истории в ходе национального строительства в

Обличчя й образи української історіографії ХХ століття - Київ: Критика, 2011. — 245 с.; Серета В. В. Регіональні виміри українського соціуму: історичне минуле і національні ідентичності // Агора. Україна – регіональний вимір. Випуск 3. – Київ: Стіло, 2006. – С. 29–41; Серета В. В. Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. — Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. — С. 69–96; Солдатенко В.Ф. Національна пам'ять (ресурси та наголоси): збірник наукових праць. — Київ: ДП «НВЦ “Пріоритети”», 2016. — 304 с.; Яковенко Н. М. Вступ до історії. — Київ: Критика, 2007. — 376 с.

¹¹ Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 368 с.; Грицак Я. И. Страсті за націоналізмом. Стара історія на новий лад. — Київ: Критика, 2011. — 350 с.; Євтух В. Б. Про національну ідею, етнічні меншини, міграції. — Київ: Стило, 2000. — 236 с.; Євтух В. Б. Центри етнічної проблематики. — Київ: Інтерсервіс, 2014. — 253 с.; Журженко Т. Ю. Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства – Вильнюс: ЕГУ, 2008. — 256 с.; Kolstø P. Political construction sites: Nation-building in Russia and the post-Soviet States. — Boulder, Colorado: Westview press, 2000. — 320 pp.; Kuzio T. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence. The Right and its Politics, 1989–1994 // Nationalities Papers. — 1997. — № 2. — P. 211–242; Kuzio T. Populist-Nationalists in Ukraine // Ukraine Analyst. — 2009. — Vol. 1. — №16. — P. 1–4; Кулик В. М. Национализм в Украине. 1986–1996 гг. // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т.2. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 101–127; Motyl A.J. The turn to the right: the ideological origins and development of Ukrainian nationalism, 1919–1929. — New York: Boulder, 1980 — 212 pp.; Smith J. Red Nations: The Nationalities Experience In And After The USSR. — Cambridge: University Press, 2013. — 412 pp.; Rudling A. Multiculturalism, Memory, and Ritualization: Ukrainian Nationalist Monuments in Edmonton, Alberta // Nationalities Papers. — 2011. — Vol. 39. — №5. — P. 733–768.; Rudling P. A. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology // Canadian-Slavonic Papers. — 2006. — Vol. 48. — № 1–2. — P. 81–119; Rudling A. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of the OUN-UPA (the Organization of Ukrainian Nationalists — the Ukrainian Insurgent Army) // East European Jewish Affairs — 2006. — Vol. 36. — №2. — P. 163–189; Финько А. Е. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 282–381; Химка І.-П. Воєнні злочини: біла пляма у колективній пам'яті північноамериканської української діаспори // Україна модерна. — 2006. — Ч.10. — С. 95–106; Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994–2009 гг. // Ab Imperio. — 2010. — № 2. - С. 219–249.

постсоветской Украине, обусловленного историческими, политическими и этнокультурными процессами.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи** исследования:

1. Рассмотреть историографию вопроса, основные теоретические подходы к изучению инструментализации истории и особенности этого процесса на территории Украины.

2. Изучить представления о национальном прошлом в политическом языке правящего класса.

3. Проанализировать этапы, методы и модели разрушения советского символического господства.

4. Рассмотреть динамику изменения календаря государственных праздников постсоветской Украины.

5. Проанализировать основные тенденции инструментализации истории в сфере образования и культуры.

6. Изучить формирование национального пантеона героев Украины.

7. Рассмотреть положение и место радикального украинского национализма в политической системе Украины.

8. Изучить структурные компоненты исторического мифа радикального украинского национализма.

Хронологические и географические рамки работы. Диссертационное исследование охватывает постсоветский период существования украинского государства. Территориально исследование обусловлено границами Украины, сложившимися после 1991 г. При этом исключаются неконтролируемые украинским правительством после 2014 г. территории непризнанных республик ДНР и ЛНР, а также Автономной республики Крым, ввиду того, что процессы и особенности инструментализации истории на данных территориях являются особыми предметами изучения (*sui generis*), заслуживающими отдельного исследования и описания.

Источниковую базу можно разделить на несколько основных типов. Во-первых, это официальные нормативно-правовые акты украинского государства: декларация государственного суверенитета Украины, Конституция Украины, законы и подзаконные акты, постановления Верховной Рады, указы президентов Украины, Уголовный кодекс Украины, Кодекс законов о труде и иные законодательные акты.

Во-вторых, официальные документы, не имеющие законодательного статуса: письма, инструкции и распоряжения министерств, органов исполнительной власти, уставные документы, программы и заявления политических партий, общественных организаций.

В-третьих, материалы печатных и электронных СМИ, отражающие политическое использование истории и памяти. Наряду с электронными СМИ источниками в данной работе выступает информация из официальных и неофициальных страниц социальных сетей, данные из блогов «Livejournal» и подобного рода сервисов, материалы веб-сайтов движений, партий, общественных и государственных организаций.

В-четвертых, материалы полевой работы (интервью, фото-, видео- и печатные материалы). В рамках экспедиции 2017 г. были собраны интервью в четырех населенных пунктах: г. Киев, г. Кропивницкий (бывший Кировоград), г. Харьков и г. Черновцы. Всего в ходе полевой работы было проинтервьюировано 66 человек. В числе интервьюируемых были представители сферы культуры и образования Украины, своей работой влияющие на представления об истории в украинском обществе, а также информанты, работающие в иных областях и лишь воспринимающие то, как преподносится история и память. Отдельный акцент был сделан на представителях молодого поколения, социализировавшихся и получивших образование в период независимой Украины. Информантам было предложено ответить на ряд открытых вопросов, разделенных на несколько блоков, посвященных: личному опыту в отношении системы образования в целом и преподавания истории в частности; отношению к существующим

государственным праздникам, семейным традициям празднования и коммеморации; декоммунизации и демонтажу памятников, переименованию улиц и населенных пунктов, образу Украины в истории, представлениям о разных периодах её прошлого.

В-пятых, в качестве материала для анализа отношения к истории и историческим персонажам были использованы данные социологических исследований, проведенных социологической группой «Рейтинг», Институтом социологии НАН Украины, Research & Branding Group, Украинским центром экономических и политических исследований им. Олександра Разумкова, фондом «Демократические инициативы» совместно с социологической службой «Ukrainian Sociology Service».

Методы, логика и методическая база исследования выстроены на общих методологических принципах: объективность, историзм, комплексность и аналитических методах, применяемых в общественных науках: анализ и синтез, сравнение, обобщение и т. д. Принципиальным методологическим требованием при осуществлении данного исследования является комплексный подход, всестороннее и целостное рассмотрение инструментализации истории как сложного и многогранного феномена национального и государственного строительства, этнической идентификации и иных составляющих. Диссертационное исследование исходит из теоретической рамки конструктивистского подхода к нации и этничности¹².

Специфика решаемых исследовательских задач обусловила потребность в привлечении, прежде всего, методов этнологии, а также методов исторических и социологических дисциплин. Среди них:

- Методы анализа законодательства, нормативно-правовой базы, статистических данных социологических исследований и вторичный анализ социологических опросов;

¹² Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука. 2003. — С. 157; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 45–50.

- Метод включенного наблюдения в ходе поездок на Украину (23–30.11.2015; 19.05.–28.06.2017);
- Метод глубинных интервью с представителями сферы культуры и образования;
- Контент-анализ официальных речей политиков Украины, публицистической, идеологической, научно-популярной и учебной литературы, социальных сетей и др.
- Вторичный анализ статистических данных социологических исследований.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в анализе и описании общих тенденций инструментализации истории за весь постсоветский период в различных исследовательских направлениях, связанных с историей и памятью. А именно: изобретение традиции, формирование новых праздников, сложение национального пантеона, бытование системы образования, нациестроительство и национализм. Впервые, после событий 2013–2014 гг., был проведен анализ отношения граждан Украины к политике государства, касающейся прошлого. Было проанализировано сложившиеся в украинском обществе восприятие истории, представление о роли и положении государства в данной сфере. В научный оборот вводятся материалы интервью, собранные в ходе экспедиции 2017 г. Особо отметим, что полевое исследование проведено в сложное время изменения политики государства в отношении символов прошлого и реакции общества на эту политику. Социально-политические события в постсоветской Украине анализируются как борьба двух исторических видений прошлого Украины, которые можно условно обозначить как националистический и советско-ностальгический нарративы.

Практическая значимость работы. Содержание данного диссертационного исследования, полевые материалы и выводы могут быть использованы при написании научных работ (монографий, статей, учебных пособий, аналитических докладов), посвященных исследованиям исторической политики, национализма, новейшей истории Украины, развитию стран

постсоветского пространства и Восточной Европы. В настоящий момент отношения между Россией и Украиной переживают сложный период, и выход из данного кризисного состояния невозможен без объективного анализа и понимания сложившейся ситуации в соседней стране. События 2013–2014 гг. и последующий конфликт на востоке Украины показали, насколько оказались фрагментарны и недостаточны знания касательно представлений об истории в современной Украине и насколько оказались губительны последствия распространения в обществах исторических мифов. Описание феномена инструментализации истории в постсоветской Украине открывает перспективу для сравнительного анализа и аналогичной работы в отношении других стран Восточной Европы. Отдельные положения диссертационного исследования могут иметь прикладное значение для проведения российской политики культурной дипломатии.

Научные положения, выносимые на защиту

1. Политический язык властвующих элит, пережив за постсоветский период ряд изменений, демонстрирует борьбу в политическом пространстве двух исторических нарративов об истории Украины: националистического и советско-ностальгического.
2. Сосуществование в публичных пространствах населенных пунктов советского символического наследия и символов независимой Украины закончилось при наполнении советских символов новым значением. Старые символы были маркированы как форма присутствия России в роли врага внутри страны. Таким образом, после 2013 г. символы советского прошлого оказались под угрозой уничтожения, символической национализации либо коммеморации в качестве «тоталитарного искусства».
3. Общие тенденции восприятия политизированной истории в сфере образования обусловлены разработкой курса истории Украины еще в советский период, при этом само украинское историческое образование несет в себе характерные черты, связанные с традициями советского

историописания, националистической историографии конца XIX — середины XX вв. и общемодерными особенностями рассказа об истории.

4. Отказ от советских традиций праздников побуждает к формированию новых традиций коммеморации и памятования, развитию украинской гражданской религии, связанной с культом жертв голода первой половины XX в. Вместе с тем по отношению к разным праздникам реализуется несколько основных типов стратегии их символического обоснования, забвения или замещения.
5. В течение постсоветского периода растет позитивное отношение к историческим личностям из числа националистического пантеона героев и постепенное забвение героев, связанных с Россией и СССР. Причинами сложившегося положения стали региональная дифференциация исторической памяти, героизация ОУН□УПА, военный конфликт на востоке Украины. Язык истории как политический язык остается одним из важнейших элементов высказывания о политике. Сложилась ситуация, при которой каждая историческая фигура прошлого уже распределена между политическими лагерями. Отношение граждан Украины к тем или иным историческим фигурам воспринимается как нечто большее, чем отношение к истории, являясь актом политической идентификации в настоящем. Результаты полевого исследования демонстрируют запрос общества на нейтральных исторических героев, связанных с культурой, наукой, образованием, примиряющих, а не раскалывающих общество.
6. За постсоветский период радикальный украинский национализм пережил заметные изменения, пройдя путь от правых крыльев в национально-демократических партиях и региональных организациях до самостоятельной всеукраинской политической силы. Особенностью его современного положения является изменение контекста существования. Радикальные организации серьезно повлияли на отношении к истории и памяти политических элит, государственных институтов, а также на государственный патриотизм, сместив его курс вправо и сделав более похожим на украинский

этнонационализм с его специфическими шаблонами отношения ко всему, связанному с Россией.

7. Исторический миф радикального украинского национализма характеризуется эклектичностью, дискурсивными практиками культурного расизма, историческим перенесением политических принципов и идеологических установок радикального национализма (таких, как антилиберализм, аристократизм, милитаризм) на прошлые эпохи. В качестве «золотого века» Украины был избран период Киевской Руси как идеально-типической модели, которой присваиваются характеристики сильного, авторитарного, влиятельного на международной арене государства. Таким образом, представители радикального национализма продуцируют свои политические взгляды на прошлое, обращаясь к потенциальным сторонникам в настоящем.

Апробация работы. Основные результаты исследования были опубликованы в статьях (см. список опубликованных работ), а также изложены в тезисах и докладах, подготовленных в рамках международных и российских научно-практических конференций: «Этнокультурное развитие регионов: молодежный взгляд» (13.12.2015 — Москва), «Векторы развития современной России. Гуманизм vs. Постгуманизм» (22-23.04.2016 — Москва), IX Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (26-27.09.2016 — Пермь), «Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего» (22-23.09.2016 Екатеринбург), «Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (14-15.04.2017 — Санкт-Петербург), «Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания» (20-22.04.2017 — Москва), «Антропология времени» (6-7.03.2017 — Москва), «Ломоносов-2017» (10.04.2017 — Москва), XVII Международная школа-конференция «Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии» (4-10.05.2017, Переславль-Залесский). XII конгресс этнографов и антропологов России» (3-6.07.2017 — Ижевск), «Проблемы идентичности

в контексте мирового опыта» (12–14.12.2017 — Москва); «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (6–7.03.2018 — Москва).

Структура работы. Данное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников, литературы, полевых материалов и приложений. В первой главе рассматриваются основные подходы и историография исследований политической инструментализации истории, выделяются основные этапы политики украинского государства по отношению к прошлому, рассматриваются репрезентация прошлого в политическом языке украинского правящего класса и демонтаж советского символического наследия. Во второй главе исследуется восприятие обществом национального исторического нарратива и действия органов государственной власти через систему образования и культурных институтов: отношение к системе образования и истории в целом, к праздникам, к национальным героям. Третья глава посвящена положению радикального украинского национализма в политической системе страны. В ней анализируются характерные особенности и структурные компоненты исторического мифа. В заключении диссертационного исследования делаются выводы, описывается роль и место инструментализации истории в политике национального строительства, рассматриваются перспективы исследования.

Глава I. Использование инструментализации истории в государственной политике.

§ 1.1. Феномен инструментализации истории

В российской и зарубежной литературе существует большой корпус научных текстов, посвященных разным аспектам проблемы инструментализации истории. Данная тематика в последние десятилетия переживает большой интерес со стороны исследовательского сообщества, что породило феномен так называемого «бума памяти» или «мемориального бума», и чрезвычайно активного апеллирования институтов государства и общества к прошлому, что приводит нас к ситуации «всемирного торжества памяти», как это обозначает историк П. Нора¹³. Исследования памяти являются междисциплинарной областью исследований и связаны с такими важными темами как историческая память, историческая политика, национализм, национальное строительство и другими смежными вопросами, которые активно изучаются различными специалистами социального и гуманитарного знания. Это порождает разные подходы к изучению объекта и, в свою очередь, неравнозначность понятий. Как отмечает психолог Э. Тульвинг, одних только «памятей» можно выделить более 200 видов и определений¹⁴.

В данной работе мы обращаемся к политическим практикам, чьей целью является направленное конструирование и утилитарное использование исторической памяти и других форм коллективных представлений о прошлом и

¹³ Berliner D.C. The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // *Anthropological Quarterly*. - 2005. - Vol. 78. - №1. - P. 197-211; Романовский Н.В. Новое в социологии - Бум памяти // *Социологические исследования*. - 2011. - №6. - С. 13-23; Васильев А.Г. Memory Studies: единство парадигмы — многообразие объектов // *Новое литературное обозрение*. - 2012. - №5(117). - С. 461; Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. - 2005. - № 2-3(40–41). - С. 391.

¹⁴ Roediger H.L. III, Wertsch J. V. Creating a new discipline of memory studies // *Memory Studies*. - 2008. - Vol. 1. - №1. - P. 10.

его воспроизводстве, реализуемых в контексте интересов политических игроков на разных уровнях, культурных индустрий, а так же профессиональной историографии¹⁵. В этом случае история выступает как политика или, точнее, как историческая политика¹⁶. Как уже было сказано, проблема выработки понятийного аппарата для описания действий политических акторов в отношении таких объектов как прошлое и память, обсуждается зарубежными и отечественными учеными. О. Ю. Малинова отмечает, что инструментализация истории как объект изучения в разных исследованиях получает разные наименования: «историческая политика», «политика прошлого», «политика памяти», «история памяти», «политическое использование истории», «режимы памяти», «культура памяти», «игры памяти», «символическая политика»¹⁷. В данной работе под инструментализацией истории будет пониматься особая конфигурация методов, практикуемых политическими акторами, общим для которых является использование в собственных интересах административных, финансовых и других ресурсов в сфере истории и политики памяти¹⁸. При этом понятия историческая политика и инструментализация истории будут использоваться как синонимичные.

История изучения коллективных представлений и памяти коренится в традициях различных научных дисциплин. Со второй половины XIX - начала XX вв. в науке усиливается интерес к коллективным представлениям больших масс людей. Такая ситуация обусловлена происходящими в это время социальными изменениями, усилением процессов урбанизации, когда все большее число новых социальных групп включаются в политическую сферу жизни и начинают претендовать на представленность во власти. В процессе изучения коллективных представлений новых социальных классов и слоев активно участвуют психологи, социологи, этнологи и антропологи, философы, которые стремятся

¹⁵ Касьянов В.Г. Історична пам'ять та історична політика: до питання про термінологію й генеалогію понять // Український історичний журнал. – 2016. – № 2. – С. 135.

¹⁶ Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. — 2011. — №2. — С. 9.

¹⁷ Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: РОССПЭН, 2015. - С. 17.

¹⁸ Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе в XXI веке // Историческая политика в XXI веке. - М.: Новое литературное обозрение, 2012. - С. 18-19.

концептуализировать массовые образы прошлого на языке описания своих дисциплин. Г. Ле Бон, С. Сигеле, Г. Тард обратились к их исследованию через понятия масс и толпы в контексте криминальной психологии того периода времени¹⁹. Синхронно происходит попытка описать массы через их этническую сущность и этнопсихологическую общность. Данное направление развивалось Г. Штейнталем, М. Лацарусом, Т. Вайцом, В. Вундом, А. Фуйе, среди отечественных исследователей следует выделить работы А. А. Потебни, П. И. Ковалевского, Г. Г. Шпета, посвященные связи этнического и психологии групп²⁰.

Для современных исследований памяти важнейшими источниками понятийного аппарата являются труды французских антропологов и социологов Э. Дюркгейма, М. Мосса, Л. Леви-Брюля, Ш. Блонделя, в чьих работах обосновываются такие категории как коллективные представления и менталитет²¹. От категориального аппарата, созданного этими авторами, будут отталкиваться представители зарождающейся школы Анналов и один из учеников А. Бергсона и Э. Дюркгейма – М. Хальбвакс, обратившийся к вопросам коллективной памяти в своей знаменитой работе «Социальные рамки памяти»²². В ней он обосновал идею зависимости памяти индивида от социальной среды ввиду сложных связей между социальными группами. Таким образом, М. Хальбвакс представил память как социальный конструкт, ориентирующийся на актуальные интересы социальных групп, развивающийся через общественные институты путем языковых и социальных практик, нуждающийся в коммеморативных актах

¹⁹ Лебон Г., Тард Г. Психология толп. — М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. — 416 с.; Лебон Г. Психология народов и масс. — М.: Академический проект, 2011. — 238 с.; Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. — СПб.: Издание Ф. Павленкова; Типография Ю.Н. Эрлих, 1893. — 120 с.

²⁰ Вундт В. Проблемы психологии народов. — М.: Академический проект, 2010. — 136 с.; Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. — СПб.: тип. М. Акинфиева, 1912. — 394 с.; Потебня А.А. Мысль и язык. Язык и народность. О национализме. — Харьков: Типография «Мирный труд», 1913. — 225 с.; Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. Вып. 1. — М.: Государственная академия художественных наук, 1927. — 147 с.; Fouillee A. Esquisse psychologique des peuples européens. — Paris: Félix Alcan, 1903. — 550 p.

²¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991. — 576 с.; Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. — СПб.: «Европейский Дом», 2002. — 400 с.; Blondel C. Introduction A La Psychologie Collective. — Paris: A. Colin, 1928. — 210 p.

²² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.

для поддержания социальных рамок памяти²³. Другим классиком исследований памяти, не получившим такой известности как М. Хальбвакс, может считаться его современник немецкий историк искусств А. Варбург. Он предложил концептуальное обоснование понятию «социальной памяти», близкое по своим свойствам к «социальным рамкам памяти» М. Хальбвакса, но в отличие от него А. Варбург не онтологизирует социальные группы как неизменных носителей социальной памяти²⁴.

Данные работы послужили теоретической основой современных социальных и гуманитарных дисциплин в исследованиях памяти, национализма, идентичностей и иных междисциплинарных областях. Современные исследования памяти и инструментализации прошлого представляют собой «раскрошенную историографию» в виде ряда работ, посвященных разным историческим эпохам и наследующих разным дисциплинарным традициям, будучи объединенными направлением исторической памяти²⁵. Поэтому, говоря о междисциплинарных исследованиях памяти, следует отметить ряд научных сообществ, объединенных общим проблемным полем, но разделенных теоретическими подходами и задачами.

Среди подобных сообществ следует выделить представителей французской школы Анналов. Они контекстуально и методологически неразрывно связаны с французскими исследованиями памяти. Необходимо упомянуть работы первого поколения школы - Л. Февра, Ж. Ле Гоффа, и последующих - Ф. Арьеса, П. Нора и других²⁶. Среди вышеперечисленных стоит упомянуть разработанную П. Нора концепцию мест памяти, которая проистекает из положений М. Хальбвакса о

²³ Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. – 2011. - Т. 153: Серия: Гуманитарные науки. Кн. 3. - С. 191-201.

²⁴ Васильев А.Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. - 2009 - № 1-2. - С. 16-39.; Васильев А.Г. Философия культуры и теория социальной памяти Аби Варбурга // Научные труды МПГУ. Сер. Соц.-ист. науки. – М.: Прометей, 2005. – С. 708–717.; Warburg A.M. *Ausgewählte Schriften und Würdigungen*. – Baden-Baden: Verlag V. Koerner, 1980. – 619 s.

²⁵ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. - №2. - С. 117.; Васильев А.Г. *Memory Studies: единство парадигмы — многообразие объектов* // Новое литературное обозрение. - 2012. - №5(117). - С. 462

²⁶ Февр Л. *Бои за историю*. - М.: Наука, 1991. — 629 с.; Ле Гофф Ж. *История и память*. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.; Нора П. *Франция - память* - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.; Нора П. *Расстройство исторической идентичности* // Вестник Российской нации. - 2010. - № 1-2. - С. 181-188; Нора П. *Теперішнє, нація, пам'ять* – Київ: Кліо, 2014. – 272 с.

важности коммеморативных практик для национальной памяти в контексте идеи дихотомии памяти и истории, как противостоящих друг другу начал. Память, согласно П. Нора, в силу своей природы, избирательно относится к историческим деталям и проистекает из чувственных воспоминаний. Она податлива и изменяема. Память стремится сакрализировать воспоминание, в то время как история его критически разрушает, стремясь переосмыслить спонтанную память, «делигитимировать» пережитое прошлое ввиду своей претензии на научность и универсальность. Таким образом, история представляется П. Нора как репрезентация прошлого, а память как актуальный феномен переживания связи с вечным настоящим.

В том же ключе развивает свои идеи египтолог Я. Ассман. На основе вышеописанных работ и данных о высокоразвитых культурах древности он создал концепцию культурной памяти как формы непрерывного процесса передачи культурных смыслов, отчужденную от опыта отдельных людей и групп²⁷. Критикуя идею коллективной души и выделения коллективных онтологических сообществ, он предложил программу исследований памяти, объектом которой выступили представления о прошлом как самоценный предмет культурной памяти.

Необходимо также упомянуть авторов, чьи труды важны для парадигмы социального конструктивизма в социологии и этнологии. История исследований памяти неразрывно связана с этим направлением, так как ряд его представителей, таких как Б. Андерсон, П. Бергер и Т. Лукман, Э. Гелнер, Э. Хобсбаум и другие, поставили вопрос о социальной обусловленности и сконструированности категорий нации, традиции, этничности²⁸. Также тематика исследования памяти и политического использования истории тесно связана с изучением философии и

²⁷ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.

²⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.; Э. Геллнер. Нации и национализм. — М.: Прогресс. 1991. — 320 с.; Eric Hobsbawm, Terence Ranger The Invention of Tradition. — Cambridge: CUP, 1983. — 327 p.; Blacker U., Etkind A., Fedor J. (eds.). Memory and Theory in Eastern Europe. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — 279 p.

эпистемологии истории, исторической теории. Среди прочих авторов следует отметить работы Ф. Р. Анкерсмита, А. Данто, В. А. Подороги, П. Рикера, Х. Уайта²⁹.

Исследования памяти активно изучались в отечественной научной традиции в связи с изучением философии истории, историографии, семиотики. В настоящее время считаются классическими работы А. М. Барга, А. Л. Шапиро, Ю. М. Лотмана, и в целом наследие советской семиотической школы, в рамках которой выделялась мнемоническая функция культуры, описывающая её как коллективную память³⁰. В 1990-2000-е гг. тема исследований памяти и инструментализации прошлого активно изучалась историками, специалистами по всемирной и интеллектуальной истории, на работы которых оказала влияние западная историографическая и методологическая традиция³¹. Важными форумами для обсуждения данных вопросов стали журналы «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории» и ряд других. Среди этой группы исследователей необходимо упомянуть ряд авторов. Труды Л. П. Репиной посвящены интеллектуальной истории, а также историографическому и теоретическому аспектам изучения феномена исторической памяти³². М. С. Бобкова в своих исследованиях обращается к

²⁹ Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 496 с.; Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — М.: Европа, 2007. — 612 с.; Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 292 с.; Подорога В.А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. - М.: Рипол классик, 2017 – 268 с.; Подорога В.А. Память и забвение. Т.В. Адорно и время «после Освенцима» // Новое литературное обозрение - 2012. - № 116. - С. 123–148; Подорога В.А. Дерево мертвых: Варлам Шаламов и время Гулага: опыт отрицательной антропологии // Новое литературное обозрение. - 2013. - № 2. - С. 193-224; Рикёр П.М. Память, история, забвение. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. - 728 с. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. — Екатеринбург, 2002. -528 с. White H. The Practical Past Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014. - 118 p.

³⁰ Барт М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. - М.: Мысль, 1987. - 348 с.; Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. - СПб.: Искусство-СПб., 2001. - 703 с.; Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // История и типология русской культуры. - СПб.: Искусство, 2002. - С. 5–20; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. — М.: Культура, 1993. — 761 с.

³¹ Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2014. - №2. - С. 107-108.

³² Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. - М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 5-14; Репина Л.П. Исторические представления и культурное многообразие мира // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 16. - М.: Комкнига, 2006. - С. 5-14; Репина Л.П. Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник российской нации. - 2010. - №3. - С. 65-77; Репина Л.П. Историческая память и история историков // Исторические записки. - 2010. - №13 (131) - С. 154-164.

проблематике исторического сознания и пути его формирования³³. И. Н. Ионов рассматривает проблемы памяти в рамках имперского и колониального дискурса³⁴. Вместе с тем данная тематика становится популярной и среди тех, чьи исследования связаны с различными историческими периодами. Так историческая память допетровского времени исследуется в работах И. В. Ведюшкина, К. Ю. Ерусалимского, П. В. Лукина, А. С. Усачева³⁵. Большой корпус работ исследователей памяти также посвящен ее политическому использованию в периоды нового и новейшего времени. Труды А. В. Буганова посвящены отражению истории в памяти и массовом сознании русского крестьянства XIX–XX вв. и в целом народной памяти³⁶. Среди работ, связанных с изучением опыта взаимодействия политических режимов середины XX в. с памятью о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне, следует выделить работы А. И. Борозняка, Л. Д. Гудкова И. Л. Щербаковой³⁷. Через категорию «травмы»

³³ Бобкова М.С. У истоков формирования исторического сознания западноевропейского общества Нового времени // НиНИ, - №6. – 2008. - С. 24–34; Бобкова М.С. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М.: ИВИ РАН, 2010. – 339 с.

³⁴ Ионов И.Н. Образы пространства и времени в имперском колониальном и постколониальном дискурсах // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. - М.: Кругъ, 2008. - С. 337–370; Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. - 2009. - № 2. - С. 33–60; Ионов И.Н. Стратегии деисторизации // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад. - М.: Кругъ, 2010. – С. 48–65.

³⁵ Ведюшкина И.В. Самоназвание и «чувство-мы»: формы проявления коллективной идентичности в «Повести временных лет» // Культура исторической памяти: материалы науч. конференции (19–22 сентября 2001 г.). - Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. - С. 18–25; Ведюшкина И.В. Историческая память домонгольской Руси: религиозные аспекты // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. - М.: Кругъ, 2006. - С. 554–608; Ерусалимский К.Ю. Понятие «История» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. - М.: Кругъ, 2003. - С. 365–401; Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России в XVI века // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. - М.: Кругъ, 2006. - С. 609–634; Лукин П.В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого. Коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. - М. Кругъ, 2003. - С. 257–285; Усачев А.С. Образ языческой Руси в Степенной книге // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. - М.: Кругъ, 2003. - С. 349–364; Усачев А.С. Древнейший период русской истории в исторической памяти Московского царства // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени - М.: Кругъ, 2006. - С. 609–634.

³⁶ Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. - 207 с.; Буганов А.В. Историческая память русского народа об Отечественной войне. - Тула: Гриф и К., 2012. - 240 с.; Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX — начала XX в.: Историко-этнографическое исследование - М.: Принципиум, 2013. — 296 с.; Буганов А.В. Героическое в историческом фольклоре и народном сознании русских XIX–XX вв. // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX–начала XX вв. - М.: ИЭА РАН, 2013. - С. 14–29.

³⁷ Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. - М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 352 с.; Борозняк А.И. «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев // Российская история. - 2012. - № 3. - С. 174–188; Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас – 2005. - №2–3(40–41). - С. 46–57; Щербакова И.Л. Карта памяти о ГУЛАГе - проблемы и лакуны //

исследуют память Э.-Б. М. Гучинова, О. В. Мороз, С. А. Ушакин³⁸. Работе с памятью в период перестройки и постсоветского периода посвящены работы В. А. Ачкасова, А. В. Ваньке, Е. В. Полухина, О. Ю. Малиновой, В. А. Тишкова³⁹. В данных работах поднимаются вопросы о механизмах национального и государственного строительства и месте прошлого, истории, «народной памяти» в этих процессах, придание им важного, зачастую сакрального значения.

Особенностью подобной инструментализации истории является символическое опосредование, когда память отделяется от живых носителей и представляется в виде символов, артефактов, медиаторов, практик и институций⁴⁰. Контролировать ее и властвовать над ней всегда стремятся различные политические силы, главной из которых является государство, стремящееся к реализации монополии на символическое насилие через систему образования, финансирования науки, музеев, архивов, контроля над календарем, системой распространения информации, и через иные формы влияния и контроля над репрезентацией коллективной памяти⁴¹.

Laboratorium. Журнал социальных исследований. - 2015. - № 1. - С. 114-121; Щербакова И.Л. Над картой памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 195-221.

³⁸ Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. - Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005 – 282 с; Мороз О.В., Суверина Е.В. Trauma Studies: история, репрезентация, свидетель. // Новое литературное обозрение. – 2014. - №125. - С. 59–74; Ушакин С.А. Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России - М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С. 306-345; Ушакин С.А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. – 2011. - №6(80). – С. 10-16.

³⁹ Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. – 2012. – Вып.1. – С. 126-148; Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2013. - Т. XVI - №4(69) - С. 106-123; Ваньке А.В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. - 2015. - № 3(101). - С. 203-220; Ваньке А.В., Полухина Е.В. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // ИНТЕР. - 2014. - № 8. - С. 36-51; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: РОССПЭН, 2015. – 207 с.; Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. - 2016. - №6. - С. 139-158; Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. – 2009. – №3-4. – С. 6-23; Касьянов, Г.В. Миллер А.И. Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. — М.: РГГУ, 2011. — 311 с.; Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке - М.: Новое литературное обозрение, 2012. - С. 328-367; Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 2. — С. 4-16.; Тишков В.А. Новая историческая культура // Новая и новейшая история. 2011. - № 2. - С. 3-23; Тишков В.А. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Вестник Российской нации. - 2010. - Т. 4-5. - № 12-13. - С. 12-25.

⁴⁰ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 32-34.

⁴¹ Бурдые П. Социология социального пространства. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. - С. 92-93.

При этом следует отметить, что как таковая политизация истории неизбежна и зависит от политических пристрастий, национальных и культурных предпочтений авторов, пишущих об истории, а также от общественно-политического контекста, который сопровождает написание их работ и ряда других факторов⁴². Данное исследование будет посвящено именно политическим практикам, целью которых является направленное конструирование и утилитарное использование исторической памяти и других форм коллективных представлений о прошлом, и его воспроизводство, реализуемое в контексте интересов политических игроков на разных уровнях, культурных индустрий, а также профессиональной историографии⁴³.

Все это применимо и к проблемам политического использования истории на Украине, когда страна оказалась в специфической ситуации, связанной с формированием новых идентичностей и их борьбой, где важнейшую роль играло национальное прошлое. Разные исследователи концептуализировали противостояние идентичностей как противоборство исторических нарративов и политических сил их продуцирующих. В. М. Кулык выделяет в качестве противоборствующих нарративы о прошлом «восточнославянский» или «советский», сущность которого состоит в утверждении двуязычия украинского общества, истории единства Украины с Россией, нерушимости братства двух народов, и «националистический» или «антисоветский», построенный на эксклюзивной этнонациональной идентичности, делегитимации русского языка и РПЦ МП, характеризующийся европоцентризмом, который представляется защитой от русской угрозы⁴⁴.

В. В. Кравченко, говоря о сложной ситуации складывания идентичностей в постсоветской Украине, рассматривает формирование гибридных идентичностей,

⁴² Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. - 2009. - Т.13. - №3-4. - С. 6.

⁴³ Касьянов В.Г. Історична пам'ять та історична політика: до питання про термінологію й генеалогію понять // Український історичний журнал. – 2016. – № 2. – С. 135.

⁴⁴ Кулык В.М. Націоналістичне проти радянського: історична пам'ять у незалежній Україні [Электронный ресурс] // Інтернет-мережа гуманітаріїв в Україні і світі – Режим доступа: <http://historians.in.ua/index.php/en/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/379-volodymyr-kulyk-natsionalistychne-proty-radianskoho-istorychna-pamiat-u-nezalezhnii-ukraini> (дата обращения: 01.04.18).

представляющих собой сочетания советских, православно-славянских, украинско-националистических и либерально западных компонентов. Он выделяет несколько основных типов, которые сводятся к двум полюсам - инклюзивным идентичностям и эксклюзивным. Инклюзивные идентичности тяготеют к пророссийской направленности, это «неосоветская» и «православно-славянская» и эксклюзивная «украинско-националистическая»⁴⁵.

М. Ю. Рябчук рассматривает два противостоящих проекта. Первый он обозначает как «украинский» и наделяет его характеристиками националистического, прозападного и преимущественно либерально-демократического. Данный проект преподносит большую часть истории Украины как оккупацию и советско-имперское наследие. Ему противостоит «малороссийский» проект, являющийся прямым антиподом «украинского». Ему автор присваивает характеристики имперско-шовинистского, антизападного и ксенофобского. Его исторический нарратив развился из регионализма в Российской империи и СССР, представляя собой синтез размытой советско-русской идентичности и идеологии нового украинского русофонного национализма⁴⁶.

Украинский историк Г. В. Касьянов, описывая украинскую историческую политику в постсоветский период, выделяет три основных типа работы государства с памятью называя их «моделями коллективной/исторической памяти». Первую модель он описывает как «эксклюзивную», которая характеризуется исключением из общенационального рассказа о прошлом альтернативных исторических нарративов, мифов и репрезентаций прошлого. Эта модель жестко разделяет историю и мир на своих и чужих, представляя свой вариант исторического рассказа о прошлом как единственно возможный и правильный, и базируется на противостоянии двух нарративов украинской истории «национального/националистического» и «советско-ностальгического». Нарративы он обозначает как тексты, образы и символы, складывающиеся в

⁴⁵ Кравченко В.В. Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // *Ab imperio*. – 2004. - №2. - С. 337

⁴⁶ Рябчук М.Ю. Культура памяти и политика забвения // *Отечественные записки*. - 2007. - №.1 (34). - С. 42-55.

некий непротиворечивый рассказ. Особенности бытования эксклюзивной модели ярко иллюстрируются историком А.В. Портновым: «националисты охотно говорят о преступлениях СССР, но не националистического подполья; коммунисты – о жертвах УПА, но не о методах советизации Восточной Галиции или поведении Красной Армии в Восточной Пруссии; а большинство населения – равнодушно к войнам памяти, вопреки тому, что его в них все время пытаются втянуть»⁴⁷.

Вторая модель, обозначенная как «инклюзивная», предусматривает интеграцию в общий нарратив разных вариантов «коллективной/исторической памяти» на основе некоего государственного украинского патриотизма. Проявлениями подобной модели Г. В. Касьянов считает работу с памятью о событиях Евромайдана и депортациях крымских татар.

Третий тип «смешанная/амбивалентная» модель характеризуется сочетанием различных вариантов коллективной памяти, сосуществующих в виду либо спонтанного складывания подобной ситуации, либо целенаправленной нормализации положения. Примером тому служит ассамбляж мест памяти и других символически наполненных артефактов, связанных с комплексом объектов в районе улицы Январского восстания в г. Киеве, переименованной в улицу Ивана Мазепы, на которой сосуществуют памятники восстанию на заводе Арсенал, Мемориал и парк Вечной Славы и Мемориал жертвам Голодомора⁴⁸.

Для анализа современного состояния исторической политики потребовалось рассмотреть ее генезис при помощи периодизации, начиная с периода перестройки, что позволило вычленить основные вехи и ключевые события. Рассмотрим имеющиеся модели периодизации. Так Г. В. Касьянов выделяет три основных этапа. Конец 1980 – начало 1990-х гг. характеризуется ситуацией как

⁴⁷ Портнов А.В. О комплексах жертвы с чистой совестью, или украинские интерпретации «Волынской резни» 1943 года [Электронный ресурс] // Проект «Уроки истории» – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/article/2029> (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁸ Касьянов Г.В. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006 – 2016) [Электронный ресурс] // Интернет-мережа гуманітаріїв в Україні і світі – Режим доступа: <http://historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-institutu-natsional-noj-pamyati-2006-2016> (дата обращения: 01.04.18).

экслюзивная модель памяти и серьёзное противостояние между двумя основными историческими нарративами. 1990-е - начало 2000-х гг. – смешанная модель, когда конфликт исторических нарративов вошел в латентную стадию. В период с 2005 г. по настоящее время - это возвращение к экслюзивной модели памяти, обострившейся вплоть до войн памяти, крайним пиком противостояния стал конфликт на востоке Украины в 2014 гг., когда обе стороны конфликта использовали историю для оправдания своих действий⁴⁹.

А. М. Киридон выделяет пять этапов «политики памяти». Первый этап (вторая половина 1980-х. – 1994 гг.) характеризуется плюрализмом в стратегиях политики памяти и формированием разных типов памяти. На втором этапе (1994-2004 гг.) политика неопределённая, характеризуется «многовекторностью» и реверансами как в сторону националистического нарратива, так и в бережном отношении к советским мифам. Для третьего этапа (2005-2010 гг.) характерно изменение курса на националистическую версию политики памяти, резкий отказ от советских шаблонов, что вызвало «украино-российскую войну национальных мифологий». Четвертый этап (2010-2014 гг.) это изменение курса политики памяти на интернационалистический и пророссийский вектор. Пятый этап (2014 – н.в.) - изменение акцентов на националистический с соответствующей ему резкой декоммунизацией и десоветизацией⁵⁰.

Нами была разработана периодизация исторической политики в постсоветской Украине, в основу которой положены периоды президентства первых лиц Украины как важнейших акторов, влияющих на проводимую политику. При этом выделяется шесть основных этапов реализации исторической политики в постсоветской Украине.

I этап (вторая половина 1980-х - 1991 гг.) – латентный этап исторической политики, который характеризуется критикой советской историографии и широким общественным обсуждением острополюемических тем, связанных с

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Киридон А.М. Гетеротопії пам'яті Гетеротопії пам'яті: Теоретико-методологічні проблеми студій пам'яті. – Київ: Ніка-Центр, 2016. – С. 136-138.

прошлым. В этот период происходит критическое переосмысление советской истории и места в ней истории Украины. Обсуждаются темы, связанные с событиями революции и гражданской войны 1917 – 1921 гг., образованием СССР, сталинских репрессий, голода 1932 – 1933 гг., Великой Отечественной войны. Происходит окончательная формализация будущего курса истории Украины в школе и предмет История Украинской ССР получает статус школьного предмета⁵¹. Важное символическое событие этого периода – празднование 500-летней годовщины Запорожской Сечи, активно освещавшееся республиканскими СМИ, способствовавшее возрождению казачьего исторического мифа в массовом сознании⁵². В этот период история Украины в выступлениях оппозиционных СМИ, политиков из Народного руха Украины, Украинской Хельсинской группы, ДемПУ и других использовалась для обоснования необходимости увеличения полномочий в будущем союзном государстве, а более радикальными политиками – для обоснования права на независимость от СССР. Данный этап заканчивается вместе с распадом Советского союза и началом построения независимой Украины.

II этап (1991–1994 гг.) – историческая политика характеризуется активным этнонациональным и государственным строительством. С помощью истории предпринимается попытка выстроить символическую связь между новоприобретенной украинской государственностью и государственным опытом УНР начала XX в., признавая при этом правопреемство границы, законодательства, институциональной структуры и международных договоров УССР⁵³. 22 августа 1992 г. Микола Плавчук, президент УНР в изгнании, вместе с председателями Правительства УНР и Украинской рады сложил полномочия и передал символы власти, в том числе крест Гетмана Ивана Мазепы, УНР и заявил о том, что «...провозглашенная 24 августа и утвержденная 1 декабря 1991 г. народом Украины Украинское Государство продолжает государственно-

⁵¹ Баханов К.О. Сучасна шкільна історична освіта: інноваційні аспекти. — Донецьк: Юго-Восток, 2005. – С. 45-47.

⁵² Касьянов Г.В. Украина 1991-2007: очерки новейшей истории. - Киев: Наш час, 2008. - С. 26.

⁵³ Закон України Про правонаступництво України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1543-12> (дата обращения: 01.04.18).

национальные традиции УНР и является правопреемником Украинской Народной Республики»⁵⁴. В том же 1992 г. были утверждены новые флаг и малый герб.

К первой половине 1990-х гг. схема истории, сложившаяся в конце 80-х гг., окончательно институционализируется, воплощаясь в форме национализированной истории, синтезирующей историографию нач. XX в. и украинскую эмигрантскую с советской традицией историописания. Очищенный от наиболее явных проявлений советской идеологии, нарратив сохраняет такие важные мифы, как образ сильной Киевской Руси, героическое прошлое времен Богдана Хмельницкого и Гетманщины, большой роли Украины в годы Великой Отечественной войны. При этом идет национализация и приватизация наследия Киевской Руси как государства, имеющего отношение только к современной Украине, в пик теории древнерусской народности и советскому концепту колыбели трех братских народов. Сама советская история описывается крайне негативно, особенно конфликтна тема националистического движения и УПА, как и требования реабилитации участников ОУН-УПА⁵⁵. Идут изменения в публичном пространстве по вытеснению советского представления об истории и в целом уход от советского политического языка. Для выступлений Л. Д. Кравчука характерно объяснение проблем существующего положения вещей как тяжелого наследия прошлого, через колониальные модели репрезентации Украины, как пострадавшей от империализма и тоталитаризма.

III этап (1994-2004 гг.) – происходит некоторое падение интереса политических элит к теме истории, связанное с приоритетом проблем экономического характера, вызванных серьезным кризисом, продолжающейся приватизацией советского имущества, дискуссиями вокруг конституции Украины, заключением договора о Черноморском флоте, подавлением сепаратистского движения в Крыму. Немалую роль сыграла личность пришедшего к власти

⁵⁴ Плав'юк М. Україна - життя моє Т.1: Від селянського сина - до державника [Електронний ресурс] // Електронна бібліотека – Режим доступу: <http://ukrlife.org/main/evshan/plaviuk2.htm> (дата обращения: 01.04.18).

⁵⁵ Касьянов Г.В., Миллер А.И. Россия – Украина: как пишется история. Диалоги, лекции, статьи - М.: РГГУ, 2011. - С 39-40.

Л. Д. Кучмы, сделавшего ставку на образ непринципиального в гуманитарных вопросах крепкого хозяйственника. Несмотря на провозглашенную многовекторность во внешней политике, президент осторожно, но планомерно институционализирует историческую политику предшествующего периода, поскольку избранные для её реализации методы институционально еще советские. В 1998 г. президент Л. Д. Кучма устанавливает официальную мемориальную дату День памяти жертв голодоморов, а в 2003 г. парламент утверждает обращение к нации, где голод 1932–1933 гг. уже назван «геноцидом против украинского народа»⁵⁶. В 1999 г. утверждается день Украинского казачества (14 октября), ставший одновременно днем образования Украинской повстанческой армии⁵⁷.

IV этап (2005–2010 гг.) связан с новым интересом и обращением к арсеналу возможностей исторической политики. Главная роль в этом принадлежит президенту В. А. Ющенко и его окружению, активно использующим историю для легитимации и достижения своих целей. В 2006 г., по аналогии с Польским институтом национальной памяти, как практическая реализация тезиса об уравнивании советской и нацистской политических систем, был создан Украинский институт национальной памяти (Український інститут національної пам'яті). Его целью стала политика преодоления «тоталитарного наследия», а задачами были обозначены: «общее осмысление общественностью борьбы украинской нации за восстановление государственности и преодоления остатков тоталитаризма в сознании граждан»; разработка предложений «восстановления объективной и справедливой истории Украинского народа»; «пропаганда давности происхождения украинской нации и ее языка», «организации работы по формированию патриотизма у граждан Украины», определение «направления и методов восстановления исторической правды и справедливости в изучении

⁵⁶ Про Звернення до Українського народу учасників спеціального засідання Верховної Ради України 14 травня 2003 року щодо вшанування пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради - Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/789-15> (дата обращения: 01.04.18).

⁵⁷ Указ Президента України Про День Українського козацтва № 966/99 [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://archive.li/u51cg> (дата обращения: 01.04.18).

истории Украины»⁵⁸. Вместе с тем, Украинский институт национальной памяти (далее – УИНП) был создан в русле программы, направленной на «увековечивание памяти жертв политических репрессий и голодоморов в Украине»⁵⁹. В качестве органа центральной исполнительной власти он занимается «реализацией государственной политики и координацией деятельности в сфере восстановления и сохранения национальной памяти Украинского народа», а также «усилением внимания общества к собственной истории, распространением объективной информации о ней в Украине и мире». С другой стороны, его целью является разрушение советско-ностальгического нарратива путем социальных практик: «осуществление комплекса мероприятий по увековечению памяти жертв голодоморов и политических репрессий, участников национально-освободительной борьбы», изучения вопросов репрессий, событий 1917–1921 гг. и иных тем, разговор о которых в советское время был либо под запретом, либо под серьезным давлением.

В том же 2006 г. в законе «О Голодоморе 1932–1933 годов» закрепляется трактовка событий голода 1932-1933 гг. как геноцида украинского народа, организуются массовые коммеморативные мероприятия⁶⁰. При содействии краеведов и ученых историков по всей Украине собираются книги памяти, в музеях организуются нарративные выставки, в школах вводятся уроки памяти, инициируются зачастую экстравагантные способы коммеморации:

«В школе у нас в вестибюле водрузили эдакий мини-монумент... Могилку, со свечечкой. Памяти жертв Голодомора. И это было во времена правления Виктора Андреевича, когда эта тема стала довольно-таки хайповой. А у меня, на данный момент, чисто такое, возрастное, отторжение всего, что

⁵⁸ Постановка Про затвердження Положення про Український інститут національної пам'яті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/927-2006-п> (дата обращения: 01.04.18).

⁵⁹ Касьянов Г.В. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006 – 2016) [Электронный ресурс] // Интернет-мережа гуманітаріїв в Україні і світі – Режим доступа: <http://historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-institutu-natsional-noj-pamyati-2006-2016> (дата обращения: 01.04.18).

⁶⁰ Закон України Про Голодомор 1932-1933 років в Україні [Электронный ресурс] // Верховная Рада Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/376-16> (дата обращения: 01.04.18); Касьянов Г.В. Историческая политика в Украине и Голодомор // Прошлый век. — М.: ИНИОН РАН, 2013. - С. 309-310.

обладает... глобальным каким-то... То есть, все, что содержит хайп — мне не интересно! Вот. И Голодомор попал именно под эту тему»⁶¹;

«Д.И.: В холле одной из школ по центру поставили гроб и возле гроба дежурили ученики, это была как память о голодоморе.

А.П. Очень советское...

Д.И. Нет, не гроб, - могила была. По центру с черным покрывалом, крест, все это... и школьники стояли вахтой над могилой. Люди-то, все те же самые. Они по-другому не умеют. Паттерны абсолютно советские. Причем, насколько видно сейчас, как легко они возродились, людям это комфортно, это привычно, люди попали в нормальную для них ситуацию, когда есть главная линия партии»⁶².

Таким образом, в период правления В. А. Ющенко во главу угла исторической политики ставится позиционирование Украины как жертвы тоталитарного советского режима:

«Особенно то, как работал Ющенко с голодомором, конечно, это была во многом попытка копирования опыта разных других стран или там народов, начиная от Армении и заканчивая Израилем. Когда нациообразующая - национальная катастрофа ставилась во главу угла, получилось так себе, мягко говоря, но вот это инструментальный такой подход, он впервые был введен тогда настолько очевидно, как выстроенная технология»⁶³.

Несмотря на новые тенденции, инструменты и методы остаются советскими:

«А.Г.: Ну, мы там были пару раз. Один раз мы это репетировали, а второй раз, на открытие самого памятника [«Жертвам голодомора»] приезжал Ющенко, мы его прождали часа два. Нам раздали лампадки. Мы стояли с лампадками... С горящими свечами. Ну, как... В смысле все, даже дети... Ну мы тогда подростки, мы понимаем, что это все ужасно и вообще. Но просто... Не

⁶¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, 22.06.2017, А.Т. 1996 г.р.

⁶² Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, 13.06.2017, Д.К. 1969 г.р.

⁶³ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. правозащитник, эксперт проекта "Без кордонів" ГО "Центр соціальна дія".

было этой взаимосвязи между вот этим вот большим, новым памятником и тем, что к нам президент едет, и мы его ждем два часа, мерзнем. Ну как-бы, вроде бы пытаются сделать, почтить память, а в результате, просто выгнали детей померзнуть. А дети и без этого понимают, что это было ужасно. Ну и стенгазеты всякие рисовали об этом. Со всеми этими фотографиями. У нас, по-моему, пару лет подряд... Как раз, когда президентом был Ющенко. Когда... весь этот Голодомор стали... Ну, внесли его, так сказать, в список того, о чем стоит помнить. Тогда у нас были стенгазеты пару лет подряд, со всеми этими фактами, со всеми этими фотографиями. Ну и... Так как я и моя подруга, мы были, как бы, рисующими, мы этим занимались.

А.П.: А вам как, получается, классный руководитель говорил, что их нужно рисовать?

А.Г.: Ну, это опять-таки директор, очень активный, говорит всем классным руководителям: «Сделайте стенгазету». Классные руководители выбирают тех, кто делает стенгазету. Ну и... Мы делаем стенгазету. Стенгазеты были по всем поводам. Там, День учителя, 8-ое марта, может быть, День знаний иногда. Просто, не всегда, каждый год, все праздники выпадали так...»⁶⁴.

Благодаря активной деятельности правительства В. А. Ющенко за рубежом, голод 1932–1933 гг. был признан геноцидом законодательными органами США, Канады, Австрии и других стран. В. А. Ющенко сделал ставку на националистическое прочтение истории Украины, и Роман Шухевич и Степан Бандера посмертно награждены званием героя Украины.

V этап (2010–2014 гг.) - противодействие предыдущему периоду исторической политики со стороны президента В. Ф. Януковича. В 2010 г. были отменены звания героев Украины С. А. Бандере и Р. И. Шухевичу. Начинается «дегеноцидизация» Голодомора, президент В. Ф. Янукович, выступая на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы, заявляет, что «признавать Голодомор как факт геноцида против того или иного народа будет неправильно,

⁶⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, 19.06.2017, А.Г. 1995 г.р.

несправедливо»⁶⁵. Происходит отказ от признания Голодомора как геноцида, что является жестом, направленным на улучшение отношений с Россией (хотя сам дискурс вокруг Голодомора сохраняется). В этот период историческая политика отчасти возвращается на второй этап. В дискурсе происходит синтез риторики обыденного национализма и советского опыта коммеморативных практик⁶⁶. В целом можно констатировать попытку, не принимая решений в сфере гуманитарной, продолжать линию, позволяющую заигрывать с разными сторонами на внешнеполитической арене:

«А.П. В период Януковича, именно в сфере гуманитарной политики, было представление о том, что нужно было делать?»

А.Д. Никакого, нам это давало определённую свободу.

А.П. В чем?

А.Д. В тот период было меньше контроля и над формой, и над содержанием наших фильмов, если говорить о фильмах. Самое главное, не задевай, каких-то пунктов конституции, не наглей, и все остальное можно было делать. Мне это было удобно.

А.П. И это можно экстраполировать на все телевидение?

А.Д. Наверное, да.... При Януковиче, понимаете, было ощущение такое, что режим боится любой определённости, в любую сторону. Какая-то такая трусоватая многовекторность. Т.е. и с Россией мы рвать не хотим, но вместе с тем Западу мы говорим, что мы не с Россией. Не был снят идиотский лозунг Ющенко европеизации, европоцентризма. Это все не было снято, но, вместе с тем, и с Россией тоже не порывали. Т.е. пытались сидеть на двух стульях и при этом хорошо себя обеспечивать. Хитрые коммерсанты, деляги»⁶⁷.

При В. Ф. Януковиче в 2010 г. УИМП упраздняется, но уже в начале 2011 г. переучреждается с изменением формата. Перестав быть органом исполнительной

⁶⁵ Янукович сказав депутатам ПАРЄ, що Голодомор – не геноцид [Электронный ресурс] // Уніан – Режим доступа: <http://eunews.unian.ua/352130-yanukovich-skazav-deputatam-pare-scho-golodomor-ne-genotsid.html> (дата обращения: 01.04.18).

⁶⁶ Billig M. Banal Nationalism. – London: Sage, 1995. - 208 p.

⁶⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев 15.06.2017, Д.А. 1947 г.р.

власти, он становится научно-исследовательским учреждением под управлением кабинета министров Украины. Помимо общеакадемических задач, связанных с изучением вопросов национальной памяти, формированием украинской нации и гражданского общества, а также «традиций украинского народа, его борьбы за свободу и соборность Украины», институт становился экспертным органом, предоставляющим «научное и аналитическое обеспечение формирования государственной политики по вопросам национальной памяти; разработку в пределах своих полномочий научно обоснованных рекомендаций кабинета министров Украины в сфере реализации гуманитарной политики»⁶⁸. УИМП стал в большей степени академическим институтом и консультативным органом и в меньшей - инструментом реализации исторической политики. Его главой был назначен член-корреспондент НАНУ, член КПУ В. Ф. Солдатенко, что вызвало недовольство среди части академической среды, несмотря на то, что он приостановил членство в КПУ на время работы в УИМП.

В целом при В. Ф. Януковиче, позиционировавшим себя прагматичным политиком, складывается ситуация одновременного существования во власти разных позиций, но это – ситуация вынужденного соседства. Подобный плюрализм памяти существует не как пространство диалога, а как замкнутые в себе и достаточно агрессивные нарративы, которые сосуществуют лишь потому, что не могут уничтожить конкурента. Каждый из них избегает вопросов о собственной ответственности: за погромы, репрессии или карательные операции»⁶⁹. Это – канун серьезных политических потрясений, когда «агрессивные нарративы» воплотятся в конфликтные действия.

VI этап (2014 г. – н.в.) – кардинальная смена в сфере исторической политики, возвращение к националистическому дискурсу периода В. А. Ющенко, радикализация общества. УИМП вновь переживает трансформацию, возвращаясь

⁶⁸ Постанова Кабінету міністрів України від 12 січня 2011 р. № 8 Про утворення Українського інституту національної пам'яті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/8-2011-%D0%BF> (дата обращения: 01.04.18).

⁶⁹ Портнов А. Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. - Київ: Критика, 2013. – С. 182.

к статусу органа исполнительной власти, координирующегося кабинетом министров через министра культуры⁷⁰. Теперь его задачи были определены как изучение истории украинского государства периода Украинской революции 1917-1921 гг., голода 1920-х, 1930 и 1940-х гг., политических репрессий советского периода, действий ОУН-УПА, а также участников АТО⁷¹. Утвержденные темы стали основными направлениями политического использования истории в период П. А. Порошенко. По сути, главной задачей УИМП стало формирование позиции государственной политики в отношении недопущения использования символов тоталитарных режимов XX в. Институт инициирует принятие в апреле 2015 г. так называемого мемориального пакета из четырех законов, посвященных кардинальному изменению государственного регулирования прошлого, который, несмотря на протесты профессионального сообщества украинистов, прошел процедуру регистрации и вынесения на пленарное заседание за одну неделю, и был принят, как верно отметил В. Г. Касьянов, со спринтерским результатом в течении 40 минут⁷². Это законы: «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их символики», «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939—1945», «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917—1991 годов»; «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX в.».

Ещё одним главным направлением становится декоммунизация, а закон о запрете символики тоталитарных режимов закрепляет на законодательном уровне запрет на коммунистическую и советскую идеологии, а также символику левых движений в целом. На основании этого закона была запрещена КПУ П.Н. Симоненко, и, по большому счету, сама возможность воспроизводить в

⁷⁰ Постанова Кабінету міністрів України від 9 липня 2014 р. № 292 Питання Українського інституту національної пам'яті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/292-2014-%D0%BF> (дата обращения: 01.04.18).

⁷¹ Постанова Кабінету міністрів України від 12 листопада 2014 р. № 684 Положення про Український інститут національної пам'яті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/684-2014-%D0%BF> (дата обращения: 01.04.18).

⁷² Open Letter from Scholars and Experts on Ukraine Re. the So-Called "Anti-Communist Law" [Электронный ресурс] // Krytyka magazine – Режим доступа: <https://krytyka.com/en/articles/open-letter-scholars-and-experts-ukraine-re-so-called-anti-communist-law> (дата обращения: 01.04.18).

публичном пространстве советско-ностальгический нарратив, реализовывать легальные действия по сопротивлению декоммунизации названий населённых пунктов, городских объектов, памятников и иных символов. Это грозит уголовным преследованием. Как отметил на очередной годовщине Дня памяти жертв голодоморов П.А. Порошенко: *«Впервые почти за сто лет, в украинском парламенте не будет коммунистов – этой пятой колонны, которая полностью разделяет ответственность за геноцид украинского народа»*⁷³.

Происходит легитимация членов ОУН-УПА, законодательно закрепляется их статус борцов за независимость Украины. Закон «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX в.» уравнивает в правах бойцов Красной армии и членов Организаций украинских националистов⁷⁴.

Общий дискурс Украины после событий Евромайдана во всех сферах жизни связан с тематикой евроинтеграции, концептом возвращения Украины в европейскую семью народов. Важную роль приобрела перестройка исторического знания и аргументации, исходя из положения об извечной борьбе Украины и России. П. А. Порошенко в своих речах возвращается к позиционированию Голодомора как геноцида украинского народа, но делает и следующий шаг. Если в период В. А. Ющенко велись исторические войны, в том числе вокруг событий голода 1932-1933 гг., то П. А. Порошенко уже играет на сложившемся в обществе образе врага в виде России. Если до этого вина за реализацию Голодомора напрямую не связывалось с современной Россией, то в дискурсе посланий 2014–2015 гг. Россия оказывается виновной в преступлениях Голодомора⁷⁵.

⁷³ Выступление Президента в День памяти жертв голодоморов в Украине в 2014 г. // Официальное интернет-представительство Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/slovo-prezidenta-u-den-vshanuvannya-pamyati-zhertv-golodomor-34103> (дата обращения: 01.04.18).

⁷⁴ Закон України Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/314-viii> (дата обращения: 01.04.18).

⁷⁵ Выступление Президента в День памяти жертв голодоморов в Украине в 2014 г. // Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/slovo-prezidenta-u-den-vshanuvannya-pamyati-zhertv-golodomor-34103> (дата обращения: 01.04.18); Выступление Президента на церемонии памяти жертв голодоморов в Украине в 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vshanuvannya-pamyati-zhertv-36377> (дата обращения: 01.04.18).

Можно сделать вывод, что, помимо министерства образования и министерства культуры, основными организациями, репрезентирующими государственную политику в сфере политического использования истории и национального строительства, являются институты, созданные для решения конкретных проектных задач, важнейшая из которых - Украинский институт национальной памяти. Таким образом, рассмотрев ретроспективу основных действий в сфере исторической политики современной Украины, обратимся к анализу отдельных её проявлений и форм.

§ 1.2. Репрезентация прошлого в политическом языке Украины

Исследование языка политики является важным направлением в изучении исторических процессов, политической культуры, государственной политики, этических норм и других областей, включая собственно языкознание⁷⁶. Данное явление изучается в разных научных традициях. В рамках немецкой научной традиции это — «история понятий» (Begriffsgeschichte), основывающаяся на теоретических работах историка Р. Козеллека, тесно связанная с его основополагающим трудом «Исторический словарь социально-политического языка»⁷⁷. Основным тезисом истории понятий Р. Козеллека является переход от исследований оторванных от исторического контекста идей и понятий к их изучению в конкретном культурном, историческом, социально-экономическом контексте. Данная традиция настаивает на том, что исторические события неразрывно связаны с языком и контекстуализируют наполнение понятий⁷⁸.

Другим подходом является история концептов (history of concepts), связанная с англо-американской научной традицией. Ее ключевыми фигурами являются британские ученые Дж. Покок и К. Скиннер⁷⁹. В своем анализе политического языка авторы предлагают рассматривать язык и как средство коммуникации, и как политическое действие, связанное с автором текста и поставленными перед ним целями: «...тексты являются действиями. Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми

⁷⁶ Топычканов А. В. История понятий как политологическая дисциплина (к выходу перевода "Словаря основных исторических понятий") // Полис. Политические исследования. — 2016. — №3. — С. 181–182.

⁷⁷ Koselleck R. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. — Bd. 1. — Klett-Cotta, Stuttgart: 1972. — S. 8–27.

⁷⁸ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 22–23.

⁷⁹ Pocock J.G.A. The history of politics and the politics of history // Political Thought and History: Essays on Theory and Method. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — P. 123–144.

они создавались, а следовательно, должны понять и какое действие совершали их авторы посредством написания этих текстов»⁸⁰.

В рамках французской научной традиции был сформирован дискурсивный подход, представленный работами М. Фуко, Ш. Муфф, Т. А. ван Дейка, Н. Фейрклафа⁸¹. В рамках этого подхода анализируются дискурсы и дискурсивные методы, с помощью которых создаются тексты и закрепляется гегемония. Этот подход являет собой основу для понимания социальных практик, вносящих свой вклад в конструирование социального мира⁸². При этом дискурс понимается как форма языковых практик, которые создают и закрепляют социальный мир и воплощаются в социальных практиках. При этом данные практики подвержены влиянию социальных сил недискурсивного характера, таких как политическая система страны, институциональная инфраструктура, СМИ и других. Язык как дискурс является формой действия, которая сама находится в историческом и социальном контексте⁸³.

В данном параграфе будет рассмотрено то, как в постсоветский период в выступлениях президентов Украины воспроизводятся представления о национальной истории и нации. Обе темы тесно связаны между собой, так как понимание представлений об истории обуславливается тем, для какой нации эта история пишется, кто входит в состав нации, а кто исключается из нее, какие характеристики присваиваются политической нации, а какие предаются забвению. В ходе национального строительства внутри империи или движений за независимость к XX в. тип нации-государства (nation-state) стал основным в международных отношениях, а концепт нации занял господствующее положение как отправная точка легитимации большинства современных политических

⁸⁰ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 66. — С. 65.

⁸¹ Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013. — 344 с.

⁸² Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — С. 109.

⁸³ Там же. С.111.

режимов⁸⁴. Украина в данной ситуации не является исключением. Опыт украинской государственности, принципиальной основой которой является украинская нация, берет свои корни в деятельности Украинской народной республики и последующих политических образований. В универсалах — нормативно-правовых документах УНР — закрепляется стремление зафиксировать наличие неочевидной для жителей юго-западных губерний связи между правительством в Киеве и населением близлежащих регионов⁸⁵.

В документах, фундирующих независимость постсоветской Украины, происходит обращение к понятиям нации и истории. Уже в преамбуле Конституции 1996 г. происходит разделение населения Украины на украинскую нацию, без которой невозможно реализовать право наций на самоопределение, и украинский народ⁸⁶. При этом упоминается «многовековая история украинского государственного строительства», которая существует как бы в отрыве от первого и второго понятий. Вместе с тем вопрос о том, что подразумевается под понятием нации, и какое значение данное понятие имеет в разных ситуациях, обусловлен историческим контекстом, состоянием государства и общества.

Был проведен анализ текстов 21 послания президентов Украины Верховной Раде в период с 1996 по 2016 гг. Обращение с ежегодными и внеочередными посланиями является, согласно 2 пункту 106 ст. Конституции Украины, одним из полномочий президента Украины. Подобные послания выступают важным инструментом, определяющим текущие и будущие действия органов государственной власти для достижения долговременных и среднесрочных приоритетных задач. Они определяют общее направление политики. Утверждаемые в посланиях тезисы обращены как к политической элите, так и к населению страны⁸⁷.

⁸⁴ Penrose J. Nations, states and homelands: territory and territoriality in nationalist thought // Nations and Nationalism. — 2002. - Vol. 8. — № 3. — P. 283.

⁸⁵ Перший універсал Української Центральної ради [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-1.html> (дата обращения: 01.04.18).

⁸⁶ Конституция Украины [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 01.04.18).

⁸⁷ Конституція України – Розділ V [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/constitution/konstituciya-ukrayini-rozdil-v> (дата обращения: 01.04.18);

Единицами измерения проведенного контент-анализа выступили лексемы «нация», «украинский народ», «народ Украины», «граждане» и их словоформы. Единицами анализа функций упоминания слов «нация» и «народ» стали текстовые фрагменты, включающие в себе понятия нации и народа, объединенные общим смыслом, вне зависимости от размера самого фрагмента. Во второй части анализа данных единицами измерения стали текстовые фрагменты из посланий президентов Украины, вне зависимости от размера фразы, объединенные определенной темой и/или отсылкой к событию, временному периоду, персоне. В качестве классифицирующих категорий выступила историческая периодизация: «постсоветский период», «советский период», «история Украины в досоветский и межвоенный периоды». В последнюю категорию входят исторические события и личности, связанные с историей украинских земель со времен Киевской Руси до революции 1917 г., события революции и гражданской войны, а также период между Первой и Второй мировыми войнами в составе Польши. В категорию «история Украины в целом» вошли высказывания об истории Украины, не связанные с каким-либо историческим периодом или событием. Каждая ссылка на прошлое классифицирована по функции, которую она выполняет. Было выделено шесть основных функций: «легитимация традиций», «демонстрация достижений нынешнего политического курса», «оправдание критически оцениваемого настоящего трудностями прошлого», «подкрепление современных политических решений ссылками на уроки истории и исторических личностей», «определение/переопределение прошлого как политический акт», «апелляция к истории как к высшему суду». Данная методологическая рамка создана на основе работ О. Ю. Малиновой, в которых были проведены исследования использования политического прошлого в посланиях президентов Российской Федерации⁸⁸.

Следует также обратить внимание на использование понятия «нация» и на

Жиляєв І. Б. Послання Президента України як інструмент державної політики // Стратегічні пріоритети. – 2007. – №1(2). – С. 29.

⁸⁸ Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: РОССПЭН, 2015. — С. 130—138.

соотношение слов «нация» и «народ» в современном украинском языке. Как и в русском, эти понятия имеют схожее, но не одинаковое значение. Большой толковый словарь современного украинского языка (ВТССУМ) и Словарь украинского языка (СУМ-11) приводят три значения слова «нация»: эссенциалистское определение нации как высшей стадии развития этноса («конкретно-историческая форма общности людей, объединенных единым языком и территорией...»); в значении страны, государства; ироническое обозначение некоторой группы людей⁸⁹.

В политическом языке украинской эмиграции значение нации также было скорее связано с её определением как украинского этнического сообщества. К примеру, эмигрантский историк В. Щербаковский в своих работах по описанию истории формирования украинской нации начинает с периода каменного века и заканчивает временем Киевской Руси, которая определяется им как государство украинского народа⁹⁰. Изданная в эмиграции энциклопедия украиноведения, являющаяся важным источником для анализа языка украинской эмиграции, определяет данное понятие как высшую стадию развития этноса, с присущей ей общностью родства, языка, культуры и т.д. Несмотря на то, что в дальнейшем в определении описывается значение нации как надэтнической общности, авторы подводят читателя к выводу, что единственное верное понимание нации исходит из значения, которое вкладывал в него теоретик интегрального национализма Д. Донцов. Это значение состоит в том, что «единственная методологическая основа в понимании сущности нации» заключается в определении её через понятие духа, отождествляемого с этнической группой, как вечно существующего объекта, отождествляемого с волей к жизни, как воли к власти и экспансии. Через славу предков, общность триумфа в прошлом, общность воли в настоящем и готовность к действиям⁹¹. Эти определения сопоставимы с советской традицией понимания

⁸⁹ Бусел В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. — Київ: Ірпінь — Перун, 2005. — С. 744; Нація // Словник української мови. — Київ: Наукова думка, Т. 5., 1974. — С. 232.

⁹⁰ Щербаківський В. Формация української нації. — Київ: «Стародавній Світ», 2013. — С.132□133.

⁹¹ Енциклопедія українознавства: Словникова частина. — Париж — Нью-Йорк: Молоде життя, Т. 5, 1966. — С. 1739□1749.

нации как этноса (ЭСО), в рамках примордиального направления⁹².

Подобный язык разговора о нации в постсоветский период станет теоретическим обоснованием того, что понятие «нация» будет читаться как «этническое сообщество». Подобные представления использовались националистическими движениями и новыми элитами как инструмент обоснования права на независимость. На Украине подобные прочтения понятия нации усугубилось примордиальной традицией описания нации, существовавшей в среде украинской диаспоры.

Таким образом, в 1990-е гг. концепт нации во многом связывается, с одной стороны, с советской традицией понимания этничности, с другой — с её националистическим пониманием интеллектуалами и политиками эмиграции. Поэтому, анализируя понятие нации в дискурсе президентов, необходимо исходить из контекстуального понимания состояния украинского общества, которое прошло советскую этнонационализацию, а новые более сложные национальные идентичности только начинали формироваться⁹³.

Сложности с терминологией оставили свой след в документах политической истории современной Украины. Подобный контекст можно зафиксировать в «Декларации о суверенитете Украины» 1990 г., где шесть раз звучит словосочетание «народ Украины» в значении всех граждан УССР, и один раз «украинская нация» в значении украинской этнической общности и ее права на создание национального государства⁹⁴. Вместе с тем, понятие «народ» неконкретно и зафиксировано в значениях, в первую очередь, как население государства и лишь во вторую, как форма национального единства⁹⁵. В преамбуле Конституции 1996 г. была использована формулировка «народ Украины», а понятие «украинская нация» упоминается лишь один раз в

⁹² Бромлей Ю. В. Теория этноса // Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы направления, методы / Свод этнографических понятий и терминов. — М.: Наука, 1988. — С. 50.

⁹³ Касьянов Г. В. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. — Киев: Наш час, 2008. — С. 134–135.

⁹⁴ Декларація про державний суверенітет України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/55-12> (дата обращения: 01.04.18).

⁹⁵ Народ // Словник української мови. – Київ: Наукова думка, Т. 5. 1974. — С. 174.

значении этнических украинцев⁹⁶. В данном тексте украинская нация и украинский народ не тождественны друг другу. Ещё одним ярким примером того, как понятия нации и народа становились камнем преткновения, стал случай в ходе принятия закона о Голодоморе, когда спикер Верховной Рады А.А. Мороз отредактировал версию В.А. Ющенко, изменив слово «нация» на словосочетание «украинский народ»⁹⁷. Это говорит о том, что понятие «нация» трактовалось как эксклюзивное понятие.

Проанализировав фиксацию данного понятия в главных политических документах, рассмотрим практики употребления понятия нации в политическом языке президентов постсоветской Украины.

В посланиях Л.Д. Кучмы Верховной Раде, в период обоих сроков президентства, упоминания нации по частотности употребления превышают лексемы «украинский народ» и «граждане» (Рис. 1). Несмотря на то, что мы видим попытку использовать слово «нация» в общегражданском смысле, метафоры, которые связаны с его употреблением, дают основания говорить, что понятие украинской нации на данном этапе еще очень приближено к изложенному в советской теории этноса концепту, представляющему нацию как высшую ступень этноса. При этом национальные меньшинства оказываются включены в процесс лишь отчасти. В послании 2003 г. Л. Д. Кучма говорит, что «необходимы действенные меры государства по полной реализации конституционных положений о развитии исторического сознания, традиций и культуры украинской нации, а также этнической и культурной самобытности всех национальных меньшинств в Украине». То есть, историческое сознание, традиции и культура украинцев и меньшинств заведомо различные и должны были бы интегрироваться по отдельности⁹⁸.

⁹⁶ Конституция Украины [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 01.04.18).

⁹⁷ Касьянов Г. В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая Экспертиза — 2016. — №2. — С. 34.

⁹⁸ Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2005 році» [Электронный ресурс] //

Политический язык, используемый командой Л. Д. Кучмы, — еще во многом позднесоветский, адаптированный в соответствии с веяниями времени. Вот пример наличия элементов советского языка политики: «...до 2000 г. такой продукции: икра осетровых или ее заменители, меховая одежда из норки, нутрии, песца и лисы, произведенных на украинских предприятиях! Что здесь общего с интересами народных масс, пламенных призывов в защиту которых хватает в этих стенах и вне их?»⁹⁹. В период второго срока президентства можно отметить некоторые изменения. В послании 2004 г. Кучма четырежды упоминает понятие «нация»: три раза в форме «политическая нация», один раз в форме «украинская нация». По мере приближения президентских выборов в 2004 г. усиливается и политический кризис, в ходе которого президент стремится провести политическую реформу по смещению баланса между президентом и Парламентом в пользу последнего, и устроить свою постпрезидентскую политическую жизнь. Он начинает обращаться к нации в стране и за её пределами в надежде повысить свой рейтинг (по опросам Института социологии НАН Украины к началу 2004 г. Л.Д. Кучме полностью или частично доверяли лишь 15% опрошенных)¹⁰⁰.

Наиболее часто упоминаемой темой в его выступлениях стала тема истории постсоветской Украины. Она составила 20% от общего числа высказываний на тему истории в период первого президентского срока и выросла до 47,6% в посланиях второго срока (табл. 1). Не столь далекое советское прошлое в его риторике оценивается критически, как тяжелое наследство, с противопоставлением ему современной украинской государственности. Подобное положение характерно для политического языка большинства постсоветских политических элит, использующих объяснительную модель, оправдывающую бедственное положение своих стран наследием тоталитарного Советского Союза¹⁰¹. Тем не менее, в

Официальный сайт Верховной Рады Украины - Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-06/page2> (дата обращения: 01.04.18).

⁹⁹ Кучма Л. Послання Президента України до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України у 1996 році - Київ: Преса України, 1997. – С. 12.

¹⁰⁰ Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг. — Київ: "Заповіт", 2004. — 64 с.

¹⁰¹ Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика

посланиях Л. Д. Кучмы критическое отношение к СССР обходилось без агрессивных и радикально-националистических формулировок. Отсылки к прошлому были связаны с экономической тематикой, преобладающей в большинстве посланий: «Это диктуется как традиционной деформированностью промышленности Украины, унаследованной от советских времен, так и тенденциями, которые начали очерчиваться уже в последние годы...»¹⁰²; «За короткое в историческом измерении время она [Украина – прим. авт.] превратилась из обломка бывшего Советского Союза в самодостаточный организм»¹⁰³.

В 2003 г. Л. Д. Кучма издает свой *opus magnum* – книгу «Украина – не Россия». В ней он излагает националистический нарратив украинской истории в достаточно мягкой форме, акцентируя внимание на Богдане Хмельницком как отце нации, символе «преемства украинской государственности от Киевской Руси до наших дней»¹⁰⁴. Кроме того, Л. Д. Кучма озвучивает идею (которая пунктиром будет проходить через послания остальных президентов) активной поддержки создания единой Украинской православной церкви и критикует РПЦ МП за политическую несознательность: «осторожные или упрямые батюшки “запоздали” с признанием украинской независимости, не поддержав ее с самого первого дня»¹⁰⁵.

После событий «оранжевой революции» В. А. Ющенко в своих посланиях 34 раза использует понятие «нация», являясь, тем самым, безусловным лидером по его упоминанию среди всех президентов Украины (Рис. 1). При этом смысловое содержание слова менялось даже в рамках одного послания. Всего можно выделить пять основных смысловых значений: во-первых, в значении государства

в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке: сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 292–327.

¹⁰² Стенограмма первой сессии Верховной Рады Украины четырнадцатого созыва 12 мая 1998 г. 10:00 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины — Режим доступа: http://static.rada.gov.ua/zakon/sk13/BUL31/120598_01.htm (дата обращения: 01.04.18).

¹⁰³ Послания Президента України до Верховної Ради України 2001 рік [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/n0002100-01> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁰⁴ Кучма Л. Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. – С. 258.

¹⁰⁵ Там же. С. 490–491.

и страны — 32,35% (здесь и далее от общего числа высказываний); во-вторых, как этническая общность украинцев, украинская этнонация — 29,41%; в-третьих, как общегражданская нация, включающая национальные меньшинства — 14,7%; в четвертых, в значении нации как культурной общности, объединённой общими идеалами — 8,82%; в пятых, в значении нации в контексте национальных проектов — 8,82% (Рис 2).

В первом послании В. А. Ющенко 2 февраля 2006 г. отразилось состояние украинской политической системы, характеризующееся расколом среди правящей элиты и предстоящими выборами в Верховную раду. По сути, данное послание представляло собой программу действий президента, в ней он стремился декларировать единство страны, в том числе и регионов юго-востока Украины, чтобы преодолеть региональное электоральное разделение, обострившееся в ходе выборов и событий «оранжевой революции»¹⁰⁶. В этом выступлении президент стремился не акцентировать этнический смысл понятия нации: «Мы доказали, что в этой стране человеческая свобода не просто слово, а высшая ценность, которая объединяет нацию и определяет философию власти»; «Украинцы станут нацией, которая предложит миру высокие духовные ценности, новые образцы демократической культуры, международного единства и межгосударственного диалога».¹⁰⁷

Отдельно при этом отмечается значение и необходимость общей версии истории для жителей как запада, так и востока. В целом частое употребление понятия нации обусловлено стремлением быть президентом всей Украины, а не только её части: «Убежден — сегодня нам нечего делить. Государство нуждается в новой объединительной идеологии. Ею уже не может быть борьба за независимость или свободу, борьба с режимом или еще какая-то борьба. Вообще

¹⁰⁶ Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. - М.: Весь Мир, 2013. - С. 351.

¹⁰⁷ Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2005 році» [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-06/page2> (дата обращения: 01.04.18).

ней не может быть что угодно, связанное со словом борьба. Сегодня мы должны вылезти из окопов, сложить оружие и подать друг другу руки»¹⁰⁸.

Уход от прямого обращения к понятию нации в этническом смысле сосуществует с использованием ссылок на отцов украинской литературы и, в целом, к эпохе XIX в., когда нация представлялась в её этнически-романтическом значении: «В XIX в., когда Европа стала на путь создания нынешних национальных государств, в европейской мысли впервые появился тот взгляд на нацию, который и сейчас... определяет политические приоритеты каждой уважающей себя страны»¹⁰⁹. Особо примечательно использование цитаты поэта Ивана Франко, в которой понятие «украинский народ» является исходным материалом для создания украинской нации: «Наша цель — создать из огромной этнической массы украинского народа украинскую нацию, сплошной культурный организм, способный к самостоятельной, культурной и политической жизни»¹¹⁰.

В послании 2008 г. мы видим новые тенденции употребления понятия «нация». В этом послании отразилась ситуация политического кризиса, разыгравшегося в связи с попыткой президента и его окружения начать процедуру вступления в НАТО. В этом послании В. А. Ющенко впервые активно разыгрывает карту общегражданской нации: «Сегодня для нас как никогда остро стоит вопрос реализации собственной миссии, консолидации многоэтнической нации Украины и формирования реалистичной, собственной стратегии развития»¹¹¹. Повторяется ситуация 2006 г., когда, несмотря на попытку использовать понятие в надэтническом значении, в большинстве случаев оно употреблялось в значении этнонации. В этом послании влияние языка

¹⁰⁸ Виступ Ющенка перед парламентом [Электронный ресурс] // Українська правда — Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/articles/2006/02/9/3061882/view_print/ (дата обращения: 01.04.18).

¹⁰⁹ Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2005 році» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-06/page2> (дата обращения: 01.04.18).

¹¹⁰ Виступ Ющенка перед парламентом [Электронный ресурс] // Українська правда — Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/articles/2006/02/9/3061882/view_print/ (дата обращения: 01.04.18).

¹¹¹ Послання Президента України Віктора Ющенка до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України 2008 рік [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины — Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/n0013100-08> (дата обращения: 01.04.18).

национализма остается значительным. К примеру, при упоминании украинской нации в значении общегражданской, присутствует метафора нации как организма, являющаяся типичной для националистического дискурса: «Наша самая высокая общая миссия, в которой суть национальной идеи, — возрождение украинской нации как единого и жизнеутверждающего организма, который охватывает весь наш народ, всех граждан Украины независимо от взглядов, происхождения и веры»¹¹².

В послании 2009 г. следует отметить интересное противоречие между используемыми В. А. Ющенко понятиями «единая украинская нация» и «единая политическая нация». В. А. Ющенко говорит об утверждении одновременно как одной, так и другой нации: «Мы утверждаемся как единая нация. Единая украинская нация с выразительным характером, культурой и языком, традицией, историей, которые рождены нашей землей. И в то же время — как единая политическая нация, которая создается без разделения на взгляды, веру, слово или происхождение»¹¹³. Однако в конце своего послания В. А. Ющенко откровенно заявляет: «Мои приоритеты известны всем. Это — единая украинская нация». Таким образом, сам президент отбрасывает нацию в гражданском значении как непригодную для призывов к политическому действию. Для политического языка В. А. Ющенко характерно упоминание нации и истории в базовых категориях культурного национализма XIX в., изложение истории с позиций украинского национализма¹¹⁴. Большая часть его высказываний на тему истории связана с периодом досоветской истории Украины — 30% (табл. 1). При этом наиболее часто употребляемая функция, составляющая 50% от общего числа высказываний, — это подкрепление политических тезисов ссылками на уроки истории и авторитетных исторических личностей:

«Не сомневаюсь: мы достигнем согласия как внутри страны, так и среди внешних партнеров Украины... Я хорошо осознаю свою ответственность. “Что

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Касьянов Г. В. Украина 1991—2007: очерки новейшей истории. □ Киев: Наш час, 2008. — С. 334.

касається мене, то не буду жалеть ні життя, ні сили для загальної свободи і спокою». Цими словами в травні 1648 року звернувся Богдан Хмельницький до Ради старшини і українського народу»¹¹⁵;

«Наш «український Сократ», мій улюблений філософ Григорій Сковорода говорив: «Найбільша втрата — це втрата часу». І коли я слухаю, що деякі аналітики прогножують відсутність значущих змін в Україні через політичну боротьбу, то ставлю собі питання, розуміють чи політики цю ціну, яку платить і буде платити суспільство в цілому і кожен індивід своєю життям, благополуччям, своїм нереалізованим потенціалом, за чийсь амбіції, за боротьбу за владу»¹¹⁶.

Пантеон історичних осіб відповідає схвалюваним персонажам як радянсько-ностальгічного наративу, так і національного: Богдан Хмельницький, Іван Франко, Тарас Шевченко, Григорій Сковорода. Вибір такого роду персоналії обумовлений спробою не занадто ідеологізувати на загальнонаціональному рівні націоналістичну риторику. Другою за частотою (22%) йде функція визначення/перевизначення минулого як політичного акту, що в багатьох виражається в формуванні образу голоду 1932–1933 рр. як геноциду українського народу (табл. 2).

Після виборів В. Ф. Януковича президентом України політичний мовний стиль його попередника змінився. В зверненнях В. Ф. Януковича кардинально змінюються інтегруючі лексики. Поняття «нація» використовується в лексиці Януковича практично виключно в значенні держави і в контексті міжнародних відносин: «Україна повинна стати країною-сучасником ХХІ ст., а не периферією і ресурсом для розвитку інших.

¹¹⁵ Звернення Президента України Віктора Ющенка до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України 2008 рік [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0013100-08> (дата звернення: 01.04.18).

¹¹⁶ Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Зверненням Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2005 році» [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-06/page2> (дата звернення: 01.04.18).

Утвердиться как современная политическая нация, которая творит историю вместе с наиболее амбициозными и энергичными обществами»¹¹⁷;

«Сегодня в условиях экономического кризиса во многих обществах растет апатия и разочарование в собственных силах. Нации теряют мотивацию к развитию, а граждане сталкиваются с кризисом перспективы»¹¹⁸.

Происходит отказ от использования понятия «украинский народ», вместо него используется словосочетание, упоминаемое в *Декларации о государственном суверенитете* — «народ Украины». Таким образом, президент уходит от понятий, нагруженных этническим смыслом: *«Цели и ценности, провозглашенные в Декларации [о государственном суверенитете — Прим. автора], были поддержаны народом Украины на Всеукраинском референдуме 1991 г. Так начиналось строительство независимой Украины»*¹¹⁹.

В целом политический язык четвертого президента характеризуется сосредоточенностью на экономических вопросах и уходом от актуализации национальной тематики. Практически исчезли упоминания национального прошлого, используются отсылки только к постсоветскому периоду. Функция оправдания критически оцениваемого настоящего трудностями прошлого занимает половину от общего количества высказываний по поводу истории (табл. 2), что так же, как и у Л. Д. Кучмы, связано с экономической тематикой: «Сегодня уже очевидно для всех, что именно нереформированность страны, неэффективность “старой постсоветской экономики”, внутренние конфликты и несогласованная внешняя политика, наряду с действиями глобальных кризисных

¹¹⁷ Янукович призывает украинцев перестать жаловаться и унижаться [Электронный ресурс] // ИА Уніан – Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/480809-yanukovich-prizyivaet-ukraintsev-perestat-jalovatsya-i-unijatsya.html> (дата обращения: 01.04.18).

¹¹⁸ Вступительное слово Януковича к посланию к Верховной Раде. Полный текст [Электронный ресурс] // Корреспондент.net – Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1366886-vstupitelnoe-slovo-yanukovicha-k-poslaniyu-k-verhovnoj-rade-polnyj-tekst> (дата обращения: 01.04.18).

¹¹⁹ Послания Президента України Віктора Януковича до Українського народу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/n0003100-10> (дата обращения: 01.04.18).

процессов, и стали главной причиной кризиса в Украине»¹²⁰; «...Украина «потребляла» свой безопасный ресурс за счет наследства, доставшегося нашей стране с распадом бывшего СССР. Сегодня этот ресурс почти исчерпан»¹²¹.

Вместе с тем, выстраивая свой язык как реакцию на предыдущий период, команда президента так и не сформировала концептуальный словарь понятий, язык, противостоящий языку культурного национализма. Подобное положение вещей привело к тому, что президент и его команда не смогли выстроить пантеон героев, альтернативный националистическому, и переформатировать память об исторических событиях, актуализированных предыдущими президентами. Гуманитарное направление политики В. Ф. Януковича оказалось одной из его слабых сторон.

П. А. Порошенко избирается в период острой фазы внутригражданского вооруженного противостояния в конфликте на востоке Украины. Обращение к истории по структуре отсылок схоже с выступлениями В. А. Ющенко. Наиболее часто упоминаемой оказывается история Украины вообще — 26,1%, история Украины в досоветский и межвоенный периоды — 21,7% (табл. 1). Наиболее частая функция ссылок на историю — подкрепления современных политических решений 31% (табл. 2).

События Евромайдана и конфликт на востоке Украины изменили политический язык украинской элиты. Он стал более авторитарным, националистическим, агрессивным, что демонстрирует выбор личностей, упоминаемых в выступлениях. Если при В. А. Ющенко это были персонажи, скорее включенные в советскую историографическую традицию украинской истории, то П. А. Порошенко активно привлекает персон, не входивших в советский исторический нарратив, таких деятелей, как В. К. Винниченко, В. М.

¹²⁰ Послання Президента України Віктора Януковича до Українського народу [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України — Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0003100-10> (дата звернення: 01.04.18).

¹²¹ Виступлення Президента в Верховній Раді (повний текст) [Електронний ресурс] // Інформаційне агентство «Українські Національні Новини» - Режим доступу: <http://www.unn.com.ua/ru/news/325753-vistup-prezidenta-u-verhovniy-radi-povniy-tekst> (дата звернення: 01.04.18).

Черновол, В. А. Симоненко. Также упоминаются исторические личности межвоенного периода, такие как радикальный философ-националист Д. Донцов и сотрудничавший с немецкими оккупационными частями митрополит Греко-католической церкви Андрей Шептицкий: «Митрополит и выдающийся общественный деятель Андрей Шептицкий <...> писал: «Тирания более опасна, чем испорченная аристократия или олигархия, но эта [форма правления] опять же хуже и опаснее демократии»¹²². Обращаясь к понятию нации, П. А. Порошенко продолжает тенденцию В. Ф. Януковича, заключающуюся в редком использовании этого термина. В его посланиях смысловое употребление, в большинстве случаев, связано с международными отношениями. Президент только один раз употребляет термин «украинская политическая нация». В своих посланиях он чаще других президентов Украины употребляет термин «украинский народ» (Рис. 1). В. А. Порошенко, так же как и В. А. Ющенко, стремится использовать понятие нации в общегражданском её значении. Вместе с тем события Евромайдана, усугубленные дальнейшим вооруженным конфликтом на востоке Украины, привели к тому, что для части украинского общества идентификация себя с украинской нацией и, в целом, с украинской идентичностью стала неприемлема и невозможна, что отразилось на результатах Крымского референдума и на референдумах о самоопределении самопровозглашенных ДНР и ЛНР.

Понятие «украинская политическая нация» этого периода включает в себя всех тех граждан Украины, кто тем или иным образом поддержал Евромайдан и не был готов к действиям против установившегося после государственного переворота политического режима. Таким образом, исключение из её состава части общества дало возможность президенту говорить об украинской политической нации, бравировав наличием её русскоязычных членов: «Украинская политическая нация окончательно утвердилась на всей территории... Она

¹²² Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины — Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/shorichne-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-radi-u-35412> (дата обращения: 01.04.18).

объединила представителей разных этносов и носителей разных языков. Своим участием в Отечественной войне 2014 г. за независимость Украины наши русскоязычные соотечественники продемонстрировали, что на русском языке они любят Украину никак не меньше, чем мы на украинском»¹²³. 35,2% упоминаний прошлого связано с функцией приветствия и обращения без особых смысловых нагрузок. В таком же соотношении лексема использовалась в качестве апелляции к украинскому народу как источнику легитимности Верховной Рады. В 17,6% случаев словосочетание «украинский народ» употребляется для его героизации как спасителя Украины от внешней угрозы. К примеру, в послании П. А. Порошенко 2014 г. звучит следующая фраза: «План тихой ликвидации Украины мы как народ Украины сорвали год назад — и тогда враг пошел на нас войной»¹²⁴. В настоящее время использование понятия «гражданская нация» следует интерпретировать не как победу понимания нации гражданской, надэтнической, а как закрепление представления о том, что гражданская нация совпадает с этнической. Язык нового украинского патриотизма — язык, сформированный украинским этническим национализмом, который этнически эксклюзивен, требует полной ассимиляции, отказа от русского языка и исключения из членов нации всех, кто не согласен с подобным положением дел.

Обращения президентов к понятиям нации и истории за постсоветский период демонстрируют борьбу двух языков описания нации. Националистического, этнокультурного представления о нации и слабо сформулированного языка украинской гражданской нации. Националистический дискурс, представленный в посланиях В. А. Ющенко и П. А. Порошенко, в меньшей степени Л. Д. Кучмы, в значительной мере опирается на и включает в себя украинский исторический нарратив, провозглашающий связь государственных образований от времен Киевской Руси до обретения государственности в 1991 г. Рассказ о прошлом с позиций гражданской нации артикулирован гораздо слабее. Он апеллирует к

¹²³ Позачергове послання Президента України до Верховної Ради України 2014 р. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт президента України – Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/news/pozachergove-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-rad-34118> (дата обращения: 01.04.18).

¹²⁴ Там же.

советским и российским историческим моделям, шаблонам, лишенным при этом как классового подхода, так и возможности использовать или включить в себя российский исторический нарратив.

Нация как понятие за последние двадцать лет в политическом языке значительно изменила свое содержание. Если в первых посланиях Л. Д. Кучмы и В. А. Ющенко оно использовалось по большей части в значении этнонации, то в посланиях В. Ф. Януковича и П. А. Порошенко нация представляется как гражданское сообщество, а также в значении страны, государства. Термин «нация» при его использовании вызывает больше вопросов, чем понимания и одобрения. Как показал пример В. А. Ющенко, чрезмерное использование понятия, не подкрепленного консенсусом в понимании его содержания, приводит к инфляции его значения и к попытке уйти от него как от неоднозначного. Нейтральный и схожий по значению термин «украинский народ», в конечном итоге, как в документах, так и в дискурсивных практиках, оказывается более употребим ввиду того, что он менее конкретен и идеологически нагружен. Наиболее частотная интегрирующая лексема в посланиях — это «граждане» с её нейтральным содержанием (Рис. 1).

Попытки политиков, активно использующих правую, националистическую риторику и поддерживающих подобные социальные практики, использовать понятие гражданской нации вкупе со сложной внутри- и внешнеполитической ситуацией привели к тому, что часть украинского общества, особенно в областях юго-востока Украины, перестала воспринимать себя частью украинской нации и общества, особенно в областях юго-востока Украины, перестала воспринимать себя частью украинской нации и общества. В украинском политическом языке после кризиса 2013–2014 гг. понятие политической нации оказалось переосмыслено как этнически эксклюзивная общность, требующая от человека полной ассимиляции, отказа от русского или любого иного языка и исключения из членов нации всех, кто не согласен с подобным положением дел и не готов

считать события Евромайдана одной из отправных точек современной украинской государственности.

Как показали результаты исследования за последние 20 лет, к истории в той или иной степени обращались все президенты Украины. В общем числе упоминаний событий наибольшее число — 30% занимают ссылки на историю постсоветского периода. На втором месте история Украины в целом — 26%, следом идут советский период — 15% и история Украины в досоветский и межвоенный периоды — 13%. Общей тенденцией также является уход от тематики советского прошлого. Если во время первого срока Л. Д. Кучмы соотношение упоминаний советского периода составляло 40%, то ко второму сроку оно сократилось до 19%, в посланиях В. А. Ющенко эта тема составляет 10%, П. А. Порошенко — 8%, В. Ф. Янукович вообще не поднимал темы, связанные с советским прошлым (табл. 1). Данные процессы схожи с политикой институционализации памяти в государствах Восточной Европы, где вследствие победы националистического нарратива возникает популистская логика «перманентного очищения от прошлого»¹²⁵.

Стоит обратить внимание на интересную закономерность, сложившуюся на протяжении последних четырех президентских сроков. В первом послании каждого президентского срока всегда присутствует максимальное число отсылок к истории, затем следует уменьшение числа упоминаний, и их число вновь возрастает в последний год президентства (Рис. 4). Подобная ситуация демонстрирует тенденцию необходимости легитимации своего права на власть в начале президентского срока и использование истории как аргументации к удержанию властных полномочий.

Увеличение частоты употребления понятия нации, а также обращения к истории тесно связано с ситуациями, когда элиты оказываются неспособны решить противоречия внутри своих групп или когда они вынуждены обращаться

¹²⁵ Тимонин Л. В. Идеология популизма в политическом процессе на Украине // Вестник Российской нации. — 2016. — № 2. — С. 174.

к мнению граждан. Это ситуации выборов, кризисных явлений, экстраординарных событий, когда обращение к истории и нации является способом легитимировать «революционные» изменения. Можно видеть увеличение числа упоминаний термина в посланиях после дефолта 1998 г., сложной ситуации перед выборами 2004 г., после «оранжевой революции», кризиса 2008 г., предвыборной гонки 2009 г., эскалации военного конфликта 2014 г. (Рис. 3).

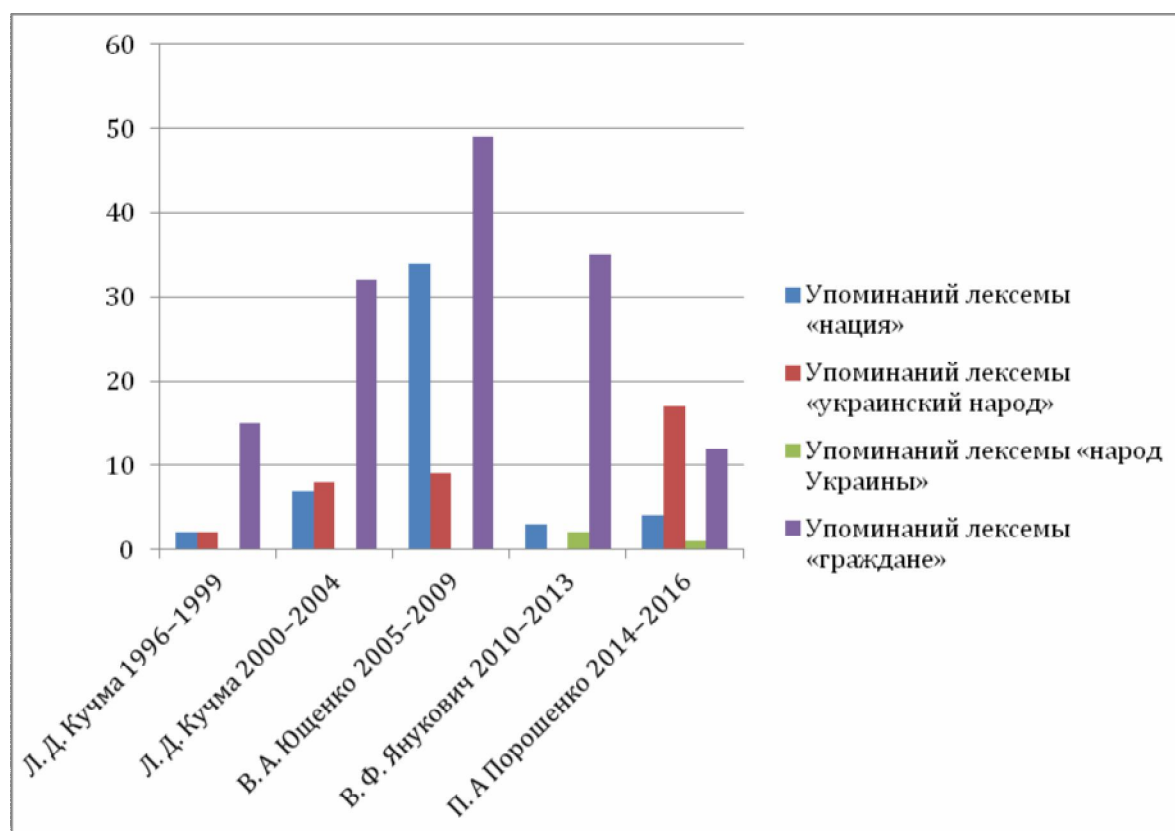

Рисунок 1. Всего упоминаний лексем «нация», «украинский народ», «народ Украины», «граждане» в посланиях президентов Украины 1996–2016 гг.

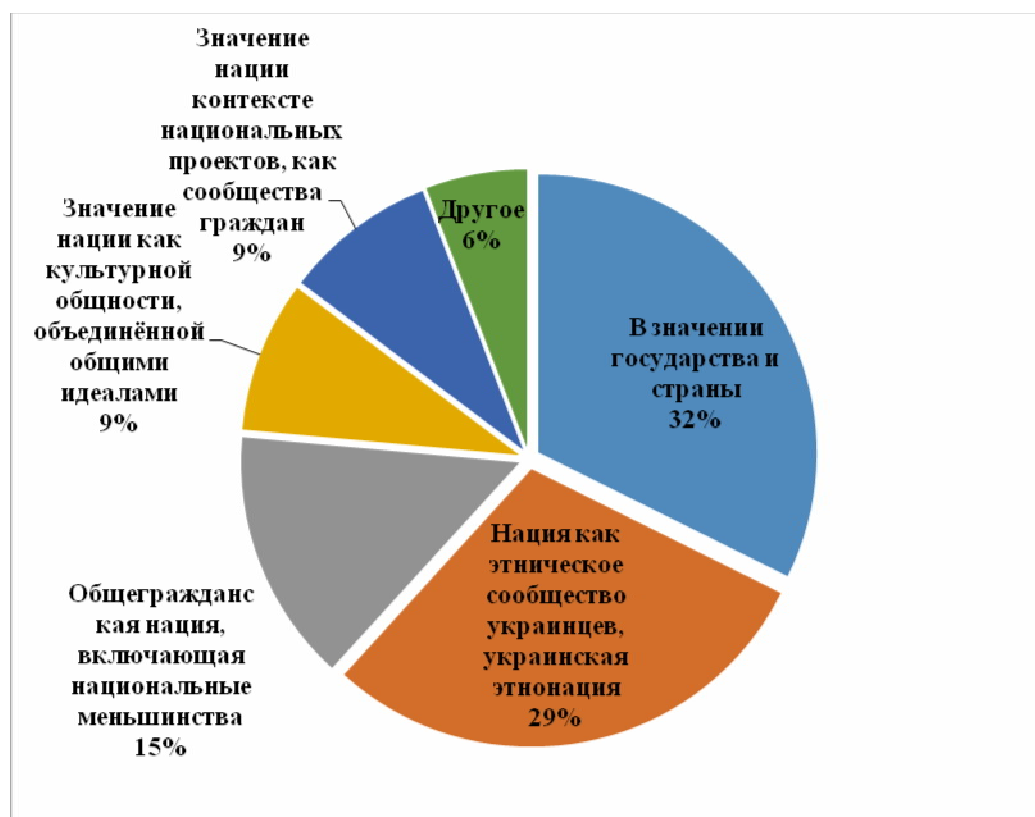

Рисунок 2. Смысловые тропы понятия «нация» в посланиях Ющенко В. А. 2006–2009 гг.

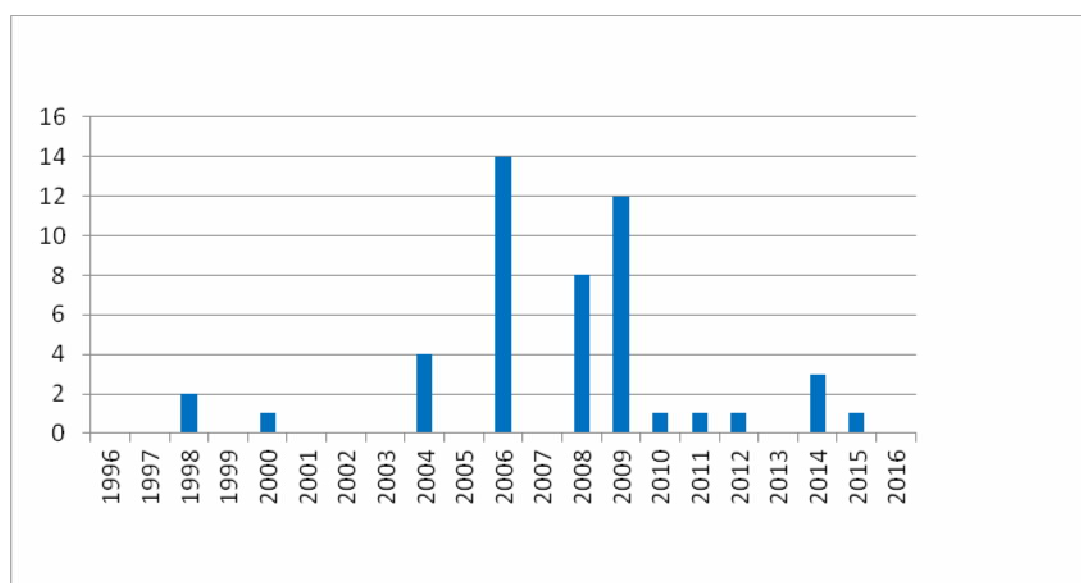

Рисунок 3. Число упоминаний понятия «нация» в посланиях президентов Украины 1996–2016 гг.

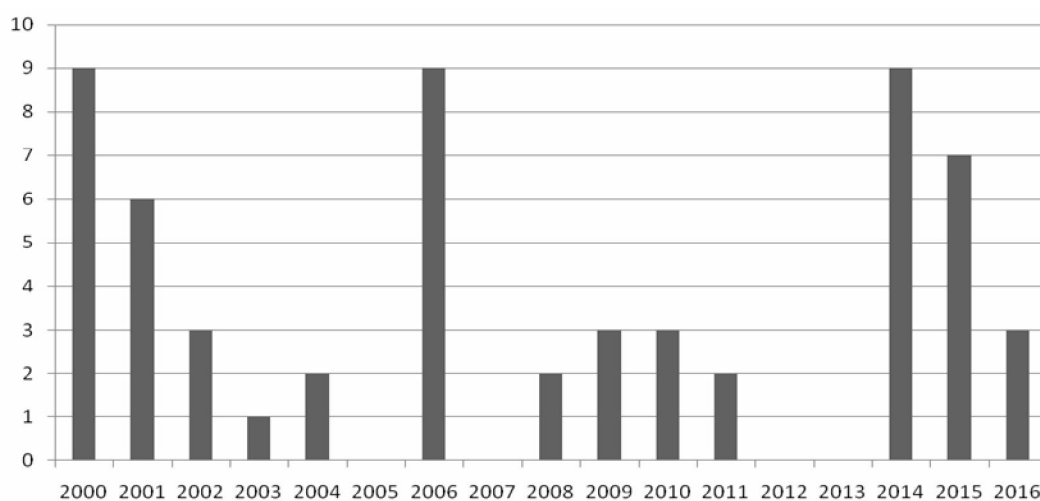

Рисунок 4. Всего упоминаний национального прошлого в посланиях президентов Украины 2000–2016 гг.

Таблица 1. Упоминания событий, процессов, явлений и действующих лиц национальной истории в посланиях президентов Украины Верховной Раде 1996–2016 гг.

Упоминание исторических периодов и персон национального прошлого	Л. Д. Кучма 1996–1999		Л. Д. Кучма 2000–2004		В. А. Ющенко 2005–2009		В. Ф. Янукович 2010–2013		П. А. Порошенко 2014–2016	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Всего	10	100%	21	100%	20	100%	5	100%	23	100%
История Украины в досоветский	0	0%	0	0%	6	30%	0	0%	5	21,7%

и межвоенный периоды										
Советский период	4	40 %	4	19,0 %	2	10 %	0	0%	2	8,7%
Постсоветский период	2	20 %	10	47,6 %	2	10 %	5	100 %	5	21,7 %
Упоминание исторических личностей	0	0%	0	0%	7	35 %	0	0%	5	21,7

**Таблица 2. Функции ссылок на прошлое в посланиях президентов Украины
Верховной Раде 1996–2016 гг.**

Функция ссылки	Л. Д. Кучма 1996– 1999		Л. Д. Кучма 2000–2004		В. А. Ющенко 2005– 2009		В. Ф. Янукович 2010–2013		П. А Порошенко 2014–2016	
	Все го	%	Всег о	%	Вс ег о	%	Все го	%	Всего	%
Легитимация традицией	0	0%	2	9,5%	0	0	1	25%	1	6,25 %
Демонстрация достижений	1	10 %	4	19%	1	7,1%	0	0%	2	12,5 %

нынешнего политического курса										
Оправдание критически оцениваемого настоящего трудностями прошлого	3	30 %	8	38%	0	0%	3	50%	4	25%
Подкрепление современных политических решений ссылками на уроки истории, исторических личностей	2	20 %	1	4,7%	7	50%	1	25%	6	37,5 %
Определение/ переопределение прошлого как политический акт	0	0%	3	14,2%	3	21,4 %	0	0%	1	6,25 %
Апелляция к истории как к «высшему судье»	2	20 %	2	9,5%	2	14,2 %	0	0%	2	12,5 %
Иное	2	20 %	1	4,7%	1	7,1%	0	0%	0	0%

§ 1.3. Разрушение советского исторического нарратива и пространства его символического господства

Разрушение гегемонии советской версии рассказа о прошлом начинается ещё в период перестройки. Общий контекст данного периода характеризуется большим вниманием к прошлому, актуализацией общественного внимания по поводу т.н. белых пятен и начинающейся десоветизации в символическом пространстве. В конце 1980-х гг. ряду городов УССР, по инициативе местных властей, возвращаются старые исторические названия. С 1989 по 1993 гг. прежние названия возвращены таким населённым пунктам, как: Мариуполь, Луганск, Змиёв, Алчевск, Соледар, Сартана, Радивилов и ряду других.

Вместе со сменой названий городов и сел начинается первая волна демонтажа советских памятников, которая проходит, главным образом, в областях западной Украины. Первым городом Украины, где в период перестройки был демонтирован памятник Ленину, стал г. Червоноград (Львовская область, ныне г. Кристинополь). В течение 1990–1992 гг. были убраны все памятники Ленину в Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областях, а также большое число монументов в Закарпатской, Ровненской, Волынской, Черновицкой, Хмельницкой и Винницкой областях¹²⁶. Знаковым событием этого периода можно назвать решение Киевской городской рады о демонтаже монумента «Великой Октябрьской социалистической революции» в сентябре 1991 г. Этому предшествовало переименование площади Октябрьской революции в площадь Независимости (Майдан Незалежності). Характерной особенностью этого периода является тот факт, что инициативы демонтажа и переименования исходили, в большинстве случаев, от местной власти, городских рад, а не от центральных властей.

¹²⁶ Кудинов Д. С. Сколько всего памятников Ленину? [Электронный ресурс] // Памятники Ленину — Режим доступа: <http://lenin.tilda.ws/skolko> (дата обращения: 01.04.18).

В период двух президентских сроков Л. Д. Кучмы власть стремилась не обострять ситуацию, и без того накаленную социально-экономическими и политическими кризисами переходного периода, лишними символическими жестами. Вместе с тем, в 2000 г. из числа выходных дней были исключены 7 и 8 ноября как дни памяти Октябрьской революции. Таким образом, было удалено ключевое для советского историописания и летоисчисления событие, отменен самый идеологически значимый и наполненный советской символикой праздник¹²⁷.

В период правления В. А. Ющенко декоммунизация и демонтаж советских памятников происходил в контексте реализации программы по увековечиванию Голодомора как центрального исторического мифа. В рамках указа от 25 сентября 2008 г. «О мероприятиях в связи с Днем памяти жертв голодоморов, приуроченным к 75-й годовщине событий голода 1932–1933 гг. «с целью достойного чествования памяти жертв геноцида Украинского народа» областным государственными администрациям, помимо презентаций книги памяти жертв Голодомора, открытия мемориалов и памятных знаков, было дано указание активизировать работы по демонтажу памятников и памятных знаков лицам, причастным к организации «Голодомора 1932–1933 гг. и политических репрессий», а также по соответствующему переименованию улиц, площадей, проспектов, парков и скверов в населенных пунктах¹²⁸.

В 2007–2008 гг., по оценке В. А. Ющенко, было переименовано более 3 тыс. топографических объектов, демонтировано более 400 памятников советского периода «организаторам Голодомора, политических репрессий 1937–1941 годов»¹²⁹. В 2009 г. был издан указ «О дополнительных мерах по чествованию памяти жертв Голодомора 1932–1933 гг. в Украине», который, помимо

¹²⁷ Закон України Про внесення зміни до статті 73 Кодексу законів про працю України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1421-14> (дата обращения: 01.04.18).

¹²⁸ Указ Президента України Про заходи у зв'язку з Днем пам'яті жертв голодоморів [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины — Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/856/2008> (дата обращения: 01.04.18).

¹²⁹ Ющенко: Україна має очиститися від комуністичних символів вбивства [Электронный ресурс] // Украинская Правда — Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/news/2009/05/17/3946930/> (дата обращения: 01.04.18).

требований увеличения разного рода мероприятий по пропаганде истории голода 1932–1933 гг. как голодомора-геноцида требовал от культурных и образовательных учреждений, местных и региональных властей обеспечить демонтаж памятников и городских объектов, посвященных лицам, причастным к организации и осуществлению голодоморов и политических репрессий в Украине, что дублировало указ 2008 г.¹³⁰.

Большинство представителей местного самоуправления и областных властей, учитывая то, что финансовые тяготы по исполнению указов были переведены на местный и региональный уровень, игнорировали и саботировали решения президента. Следует отметить, что данный указ не был отменен последующей администрацией В. Ф. Януковича и стал стартовой законодательной базой, в рамках которой было оправдано уничтожение советских памятников, начавшееся в конце 2013 г. и достигшее своего апогея в 2014 г.

Всего можно выделить несколько этапов, в ходе которых менялась правовая оценка действий по демонтажу советской монументальной пропаганды, названной рядом исследователей «войной памятников»¹³¹. Несмотря на то, что демонтаж и установка памятных знаков и монументов активно использовались как политический ход уже с конца 1980-х — начала 1990-х гг., особую актуальность эта политическая практика приобрела именно во время президентства В. А. Ющенко.

Суть первого этапа, совпадающего с президентским сроком В. А. Ющенко, заключалась в избирательном и немногочисленном демонтаже памятников советского периода из числа наиболее заметных. В ходе их демонтажа регулярно собирались противники сноса, в том числе члены КПУ, что затрудняло процесс и давало информационный повод выступить лево-популистским политическим движениям. В 2009 г. был демонтирован памятник Власу Чубарю в Киеве, при

¹³⁰ Указ Президента України Про додаткові заходи щодо вшанування пам'яті жертв Голодомору 1932-1933 років в Україні [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України - Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/ru/432/2009> (дата обращения: 01.04.18).

¹³¹ Полещук В.В. «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение. — 2008. — №3. — С. 103—118; Касьянов Г. В., Миллер А. И. Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. — М.: РГГУ, 2011. — С. 45; Киридон А. М. Гетеротопії пам'яті Гетеротопії пам'яті: Теоретико-методологічні проблеми студій пам'яті. — Київ: Ніка-Центр, 2016. — С. 139 и др.

этом памятники в г. Краматорске и с. Чубаревке (названного в его честь) на тот момент на тот момент оказались нетронутыми, что ярко характеризует противоречивую ситуацию, сложившуюся в данный период. Новым явлением стала установка памятников жертвам ОУН и УПА в восточных и южных областях Украины. Данное явление появилось в ответ на кампанию по демонтажу советских памятников и установке мемориальных знаков в память о голодоморе, воспринимающихся не как места памяти о трагедии, а как средства политической манипуляции историей — взаимодействие с местами памяти жертв голодомора трактовалось как политическая идентификация с проющенковскими силами. В Луганской области в 2008 г. в сквере имени Молодой гвардии г. Луганска был заложен, а в 2010 г. воздвигнут памятник жителям Луганщины, павшим от рук карателей-националистов из ОУН и УПА¹³². В сентябре 2007 г. в АР Крым был установлен памятник «Выстрел в спину», как гласит надпись на монументе, «в память о жертвах советского народа, павших от рук пособников фашистов — воjak ОУН-УПА и других коллаборационистов»¹³³. В июне 2008 г. в г. Сватово Луганской области был открыт памятник сватовчанам, погибшим от рук членов ОУН-УПА¹³⁴. В том же месяце в родной для В. А. Ющенко Сумской области была открыта памятная плита мирным гражданам, погибшим от рук Украинской повстанческой армии¹³⁵. Несанкционированное разрушение памятников в этот период вызывает оперативные расследования и судебные разбирательства. Так, в случае взрыва памятника Ленину в г. Рубежное Луганской области найденный преступник получил три года за хулиганство¹³⁶.

Второй этап «войны памятников», совпадающий с периодом президентства В. Ф. Януковича, характеризуется отказом поддержки верховной властью идеи

¹³² В Луганске открыли памятник жертвам ОУН-УПА [Электронный ресурс] // Информационное агентство ЛІГА БізнесІнформ — Режим доступа: <http://news.liga.net/news/society/486640-v-luganske-otkryli-pamyatnik-zhertvam-oun-ura.htm> (дата обращения: 01.04.18).

¹³³ Толокин В. Выстрел в спину [Электронный ресурс] // Газета «Правда» — Режим доступа: <https://kprf.ru/pravda/issues/2007/104/article-18285/> (дата обращения: 01.04.18).

¹³⁴ Сегодня в Сватово открыли памятник жертвам ОУН-УПА [Электронный ресурс] // CXID.info — Режим доступа: <http://cxid.info/segodnya-v-svatovo-otkryli-pamyatnik-jertvam-oun-ura-n50894> (дата обращения: 01.04.18).

¹³⁵ На родине Ющенко открыли памятник жертвам ОУН-УПА (ФОТО) [Электронный ресурс] // РИА «Новый День». — Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kyiv/187809.html> (дата обращения: 01.04.18).

¹³⁶ В Луганской области хулигану, который взорвал памятник Ленину, дали три года [Электронный ресурс] // CXID.info. — Режим доступа: <http://cxid.info/v-luganskoy-oblasti-huliganu-kotoryy-vzorval-pamyatnik-leninu-dali-tri-goda-n59152> (дата обращения: 01.04.18).

демонтажа памятников и, в целом, реакционной политикой по отношению к предыдущему периоду. Происходит попытка откатить назад те изменения в отношении памятников, которые уже были сделаны. Так, в Одесской области были восстановлены шесть ранее демонтированных памятников Ленину и несколько других советских памятников, последний из них — в декабре 2013 г.¹³⁷ Вместе с тем продолжают атаки на памятники Ленину и другим деятелям советской власти¹³⁸. Подобные действия пресекаются в судебном порядке. Фигуранты уголовного дела о взрыве памятника Сталину, установленного членами местной ячейки КПУ, члены радикального националистического объединения «Тризуб» им. Степана Бандеры, были приговорены к двум и трем годам с испытательным сроком, и возмещению ущерба около 110 тыс.¹³⁹ К шести годам лишения свободы были приговорены члены ультраправой организации «Патриот Украины» по обвинению в терроризме за подготовку взрыва памятника Ленину в аэропорту Борисполя¹⁴⁰. Вместе с тем за год до начала массового демонтажа памятников советской символики и советской топонимики оказалось в 20 раз больше, чем названий, связанных с постсоветской Украиной¹⁴¹.

Третий этап длился с конца 2013 г. по 9 апреля 2015 г. События украинского политического кризиса 2013–2014 гг. привели к смене власти и повлекли за собой серьезные изменения по отношению к символам прошлого. В условиях

¹³⁷ Одесситы восстановили первый в СССР памятник Ленину – "пауку" [Электронный ресурс] // Газета «Сегодня». - Режим доступа: <http://kp.ua/politics/427925-odessyty-vosstanovyly-pervyi-v-sssr-pamiatnyk-lenynu-pauku> (дата обращения: 01.04.18); Памятник Ленину восстановят в центре Одессы [Электронный ресурс] // Биржевой лидер — Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008186047.html> (дата обращения: 01.04.18).

¹³⁸ Как Ильича свергают с пьедесталов [Электронный ресурс] // Агентство Русской Информации. — Режим доступа: <https://ari.ru/ari/2013/06/01/kak-ilicha-svergayut-s-pedestalov> (дата обращения: 01.04.18).

¹³⁹ «Тризубовцам», взорвавшим Сталина в Запорожье, придется раскошелиться на нового вождя. Повезло, что дали условные сроки [Электронный ресурс] // Фраза.ua — Режим доступа: https://fraz.ua/news/130679-«trizubovtsam»_vzorvavshim_stalina_v_zaporozhe_pridetsja_raskoshelitsja_na_novogo_vozhdja_povezlo_cho_dali_uslo_vnye_sroki (дата обращения: 01.04.18); В Запорожье восстановили памятник Сталину [Электронный ресурс] // Телеканал новостей «24». — Режим доступа: http://24tv.ua/ru/v_zaporozhe_vosstanovili_pamyatnik_stalinu_n155893 (дата обращения: 01.04.18).

¹⁴⁰ На Украине выпустили из-под стражи «васильковских террористов» [Электронный ресурс] // «Lenta.ru» — интернет-газета — Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/02/24/out/> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁴¹ 20 років Незалежності: Ленін все ніяк не Goodbye! [Электронный ресурс] // Информационный портал ТЕКСТИ.ORG.UA - Режим доступа: <http://texty.org.ua/pg/article/devrand/read/37123/> (дата обращения: 01.04.18); Масенко Л. Як позбутися радянської спадщини в топонімії [Электронный ресурс] // Газета «День» — Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/uk/article/podrobici/yak-pozbutisya-radyanskoyi-spadshchini-v-toponimiyi> (дата обращения: 01.04.18).

кризиса и активного политического противостояния борьба с «советским» во многом происходила нецентрализованно. Активное участие в этом принимали оппозиционные организации, ассоциирующие себя с Евромайданом, а также и ультраправые движения, такие как партия «Свобода», «Правый сектор» и локальные националистические сообщества, при поддержке ряда высокопоставленных лиц¹⁴². Это период массового сноса памятников, в период которого участники разрушения де-юре нарушают закон, но де-факто система юстиции не выносит судебных решения о наказании вандалов, и в целом дела на правонарушителей перестают возбуждаться (Рис. 5)¹⁴³.

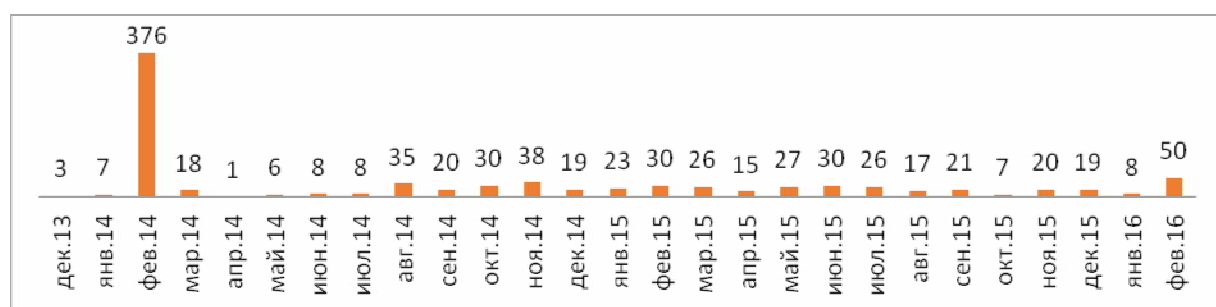

Рисунок 5. Количество демонтированных памятников Ленину в 2013–2016 гг.

Четвертый этап начинается 9 апреля 2015 г., когда Верховная Рада Украины принимает пакет из четырёх т.н. «мемориальных» законов, выводя снос памятников в легальное поле. Основная функция этого пакета законов заключалась в вытеснении из пространства городов символов советского прошлого и уничтожении присутствия истории России на территории Украины¹⁴⁴. Ключевым из них для правового обоснования процесса декоммунизации стал закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрещении пропаганды их

¹⁴² Гайдай А. Ю., Любарец А. В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник пермского университета. — 2016. — Выпуск 2 (33). — С. 32–35.

¹⁴³ Кудинов Д. С. Памятники Ленину, снесённые на Украине с декабря 2013 года (список, фотографии) [Электронный ресурс] // Памятники Ленина — Режим доступа: <http://leninstatues.ru/leninopad> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁴⁴ Касьянов Г. В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая Экспертиза. — 2016. — №2. — С. 34.

символики». Данный закон легитимировал уничтожение символов советской власти, в том числе и в городской топонимике, и законодательно закрепил уголовное преследование за демонстрацию в общественных пространствах коммунистической символики и атрибутики¹⁴⁵. Этот нормативно-правовой акт был принят Верховной Радой по инициативе Украинского института национальной памяти¹⁴⁶. Этим же институтом был составлен список и выпущен сборник материалов и рекомендаций по реализации данного закона, в нем приведен перечень исторических персон и названий «коммунистического тоталитарного режима», подпадающих под действие закона, ставший планом декоммунизации¹⁴⁷. Данный список включил в себя 540 исторических персон, где помимо имени и годов жизни были указаны исторические факты с описанием «преступлений упомянутых лиц». Около половины лиц списка не были причастны к истории Украины. Большая доля всех деятелей, 37% (здесь и далее от общего числа), — это исторические персоны, чья деятельность связывается с Советским Союзом или с РСФСР. Доля персон, связанных с другими республиками СССР, составляла 5%, иностранных деятелей 4%. Говоря о личностях, причастных к истории Украины, можно выделить определённый перевес доли, связанной с востоком и центром страны. 16% членов списка — с Донбассом, 10% — с Днепропетровской областью, 7% — с Харьковской, 5% — с Киевом и Киевской областью, 3% — с Черниговской областью. Другие исторические персоны, связанные с иными областями Украины, вместе составили не более 8% от общего числа. Доля исторических персон, связанных в целом с СССР (без привязки к какой-либо области), составляла 5%. (Рис. 6). При составлении списка явно

¹⁴⁵ Закон України Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины — Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/317-viii> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁴⁶ Лист Мін'юсту від 08.11.2016 р. № 38779/31702-0-33-16/8 "Щодо деяких питань, пов'язаних з застосуванням норм Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» [Электронный ресурс] // Нормативно-правова бібліотека - Режим доступа: <http://document.ua/shodo-dejakh-pitan-povjazanih-z-zastosuvannjam-norm-zakonu--doc291101.html> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁴⁷ Декоммунизация: що і чому перейменовувати й демонтувати. Збірник матеріалів, рекомендацій і документів щодо виконання вимог Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» / Упоряд. С. Бутко, С. Горобець, І. Каретніков, Б. Короленко, М. Майоров; Український інститут національної пам'яті. — Київ: Український інститут національної пам'яті, 2015. — 103 с.

отразилась установка украинского этнонационализма на демонтаж мест памяти и символов, связанных с памятью русскоязычного и русского населения страны, для которых степень советизации и нынешняя связь с Россией гораздо сильнее, чем для других групп украинцев.

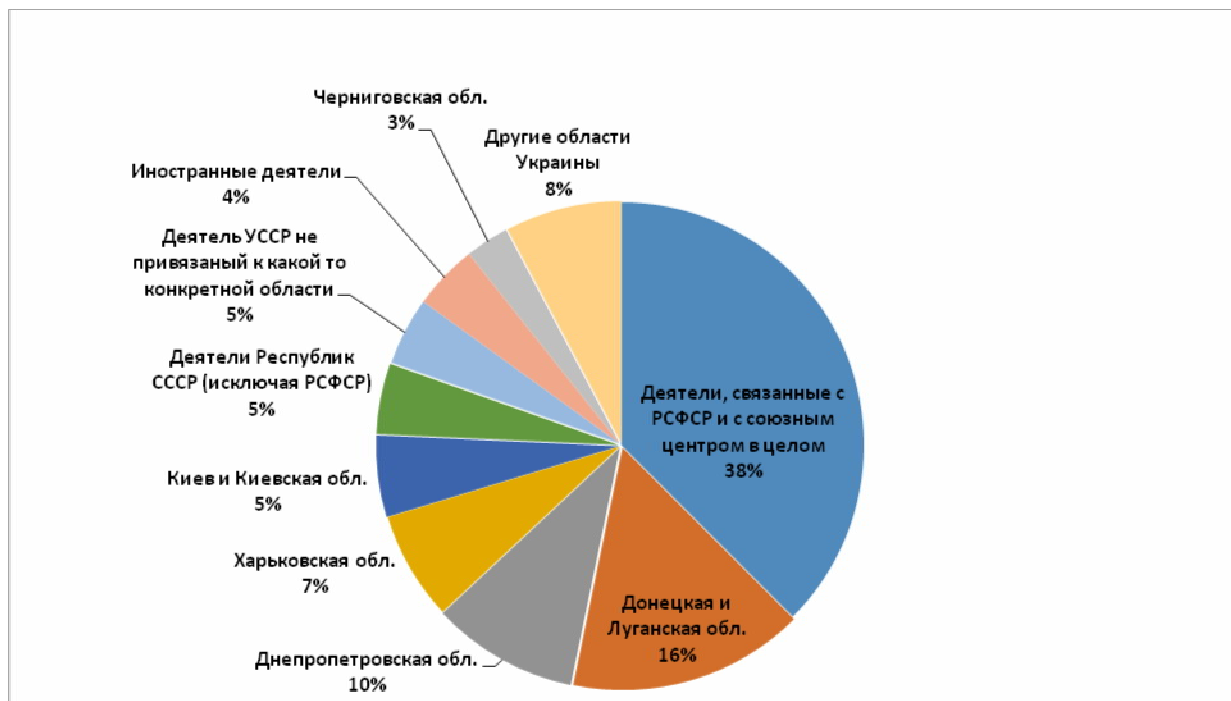

Рисунок 6. Исторические персоны, подпадающие под закон о декоммунизации и связанные с определенной территориальной единицей (% от общего числа)

Можно выделить несколько основных групп исторических персон согласно вменяемым им обвинениям. Первая и самая многочисленная группа — это участники Октябрьской революции и гражданской войны на стороне большевиков — 50%. Исключением топонимики связанной с «красными» был переформатирован рассказ о революции и гражданской войне. Разрушение оппозиции «красные vs. Белые» закрепляет ориентацию на нарратив национального освобождения, в котором деятелям Украинской народной республики, Западно-Украинской Народной Республики, Гетманской державы противостояли красные и белые оккупанты. Второе по численности место заняли деятели коммунистической партии, советов и те, чьи должности были связаны с

политической деятельностью — 19%. На третьем месте — деятели спецслужб: ЧК, ВЧК, ОГПУ, НКВД, КГБ, а также работники судопроизводства РСФСР и СССР — 18%. Работники хозяйственной сферы составили 5% и практически столько же, 4%, — работники культуры и искусств.

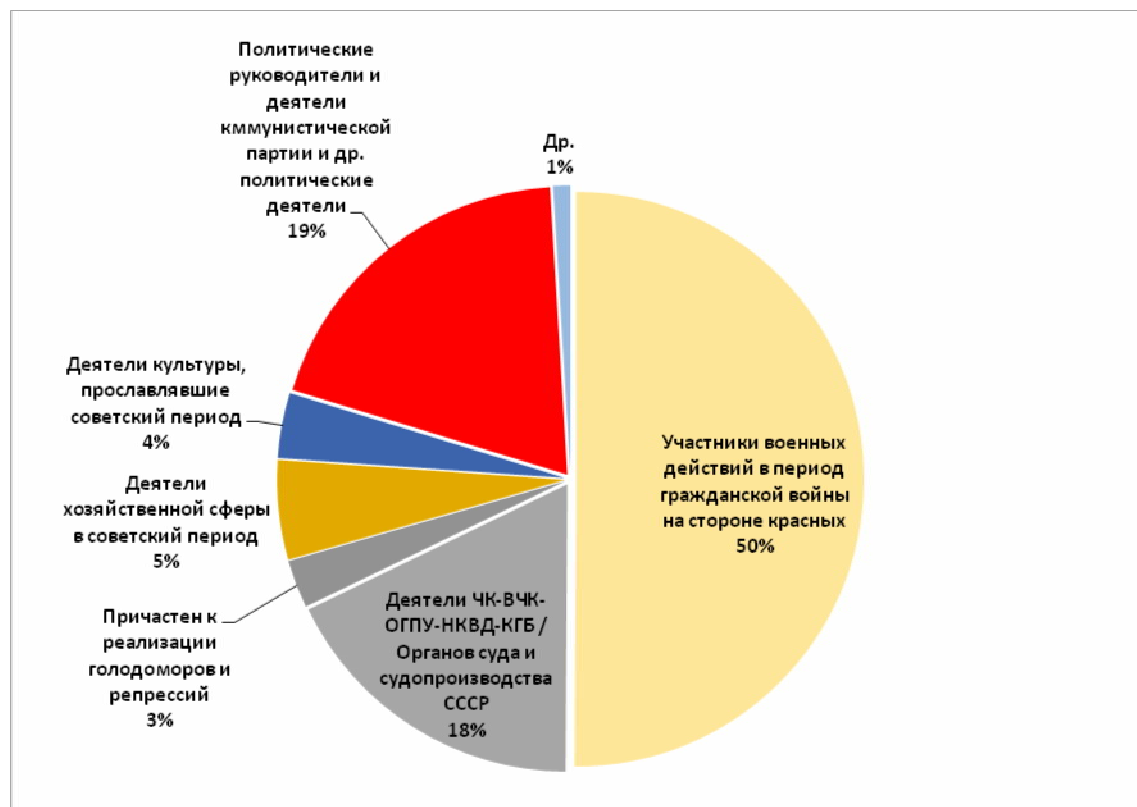

Рисунок 7. Основания для включения исторических персон (% от общего числа)

В 2015 г. УИНПом был обозначен к переименованию 871 населенный пункт, в 2016 г. список увеличился до 988. Постановления о переименовании населенных пунктов принимались в течение всего 2016 г. Первое постановление о переименовании 173 населенных пунктов было принято Верховной Радой 4 февраля 2016 г. Следующим постановлением от 17 марта 2016 г. был переименован 151 населенный пункт. В мае 2016 г. несколькими постановлениями было переименовано 579 населенных пунктов. Как отмечает директор УИНП В. М. Вятрович, к маю 2017 г. большая часть объектов,

подлежащих декоммунизации, была переименована: «...987 населенных пунктов, среди них 32 города, среди них 2 областных центра. В городах переименованы почти 52 000 улиц, точнее, 51 493. ...Но это, в основном, более 90%, я думаю, что в этом вопросе декоммунизация завершена. Демонтировано 2389 памятников вождям тоталитарного прошлого. Среди них 1320 — Ленину»¹⁴⁸.

Всего можно зафиксировать несколько моделей изменения названий населенных пунктов. Первую модель можно назвать «изъятием советского». Её суть заключается в удалении из названия беспокоящего и связанного с советским прошлым символа, при этом часть советского названия может оставаться неизменной. Данный тип изменения названий позволяет обозначить интересную тему того, что маркируется как «советское». В это число, помимо очевидных имен политических деятелей, терминов «советский», «коммунистический», могут входить объекты различных категорий — красный цвет, знамена, колхозы и др. (Табл. 3).

Прежнее название	Новое название
Дніпропетровськ →	Дніпро
Червона Українка →	Українка
Червоний Київ →	Київ
Червонозаводское →	Заводское
Колгоспна Гора →	Гора
Красні Окни →	Окни
Зоря Комунізму →	Зоря

Таблица 3. Модель декоммунизации названия «Изъятие советского»

Вторая модель, которую можно обозначить как «кардинальная смена имен», предполагает изменение названий населенных пунктов на совершенно новые. В рамках этой модели существуют несколько основных тенденций. Во-первых, это закрепление новых исторических периодов или переформатирование памяти о

¹⁴⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, 25.05.2017 г.р.; Вятрович, Владимир Михайлович. Директор Украинского института национальной памяти, 1977 г.р. выступление в Дискуссионном клубе координационной рады «Реанімаційний пакет реформ».

прежних. Так, на смену советскому мифу о революции и гражданской войне приходит новый, затрагивающий период, обозначаемый в украинской историографии как Украинская революция 1917–1921 гг. В рамках декоммунизации 4 села переименованы в честь деятелей, сопряженных с этим историческим периодом. 7 сел были переименованы в честь погибших участников «антитеррористической операции» на востоке Украины, создавая тем самым миф о войне с Россией и навязывая культ ее «героев». Так же новыми популярными названиями для сельских поселений стали «Украинское», «Шевченковское», «Козацкое»¹⁴⁹.

Во-вторых, изменение названий идет путем нейтрализации советского, через обращение к природно-географическим объектам и символам. Подобная стратегия может в каждом отдельном случае решать разные задачи. С одной стороны, это самый простой и нейтральный способ изменить название с советского на любое иное. С другой стороны, принятие этих названий было попыткой не допустить возвращения исторических названий населенных пунктов, как в случае с Днепропетровском, переименованным в Днепр (до революции Екатеринослав), Комсомольском, переименованным в Горішні Плавні (до революции Старониколаевск), Кировоградом, переименованным в Кропивницький (до революции Елизаветград) и др. Также это способ недопущения идеологически заряженных названий, связанных с героями националистического украинского исторического нарратива. Так, благодаря декоммунизации появилось 22 села Вишневых, 13 Калиновок, 10 Лесных и 27 Степных.

Третью модель декоммунизации названий можно определить как «возвращение к историческим названиям». Она была реализована с большими оговорками, так как изначально содержала в себе несколько потенциальных проблем (Таб. 4). Как уже было отмечено выше, исторические названия совершенно не вписываются в современную украинскую политику, оставляющую за скобками русских и

¹⁴⁹ Декомунізація [Электронный ресурс] // Український інститут національної пам'яті — Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/page/dekomunizatsiya-0> (дата обращения: 01.04.18).

советских исторических деятелей, действовавших на территории Украины, что обозначается представителями власти как воспроизводство колониальных социальных практик и языковых практик¹⁵⁰.

В пояснительной записке к законопроекту №3368 «О внесении изменений в Закон “О географических названиях”» предлагалось запретить называть населенные пункты именами российских монархов, государственных, политических, военных деятелей периода с XIV по XX вв., дабы «не допустить пропаганды империалистического порабощения Украины», так как это «может способствовать намерениям присвоить ее [России] территории»¹⁵¹. Данный законопроект был отправлен на доработку, но, ввиду складывающихся тенденций, его принятие ожидаемо. Вместе с тем, обозначена тенденция возвращения к нейтральной исторической топонимике. Эта модель переименований вызывает позитивный отклик у горожан и деятелей культурных индустрий:

«Видел все улицы, которые должны быть переименованы... Мне нравится, что многие улицы в Черновцах получили названия людей, непосредственно связанных с нашим регионом. Очень положительно отношусь. Мог быть какой-нибудь маршал Жуков, и везде улицы с его названием. Это неправильно. А хотелось бы не только сказать, что это был маршал, а сказать как-то более восторженно. Что вот это наш земляк, сделал то-то-то...»¹⁵²;

«Но там как бы надо избегать расколов. Называть можно Фруктовая, Радостная, Солнечная, Абрикосовая, какая угодно... В нашем с вами понимании — да. Но у нас Маркса переименовали в Иваницкого. Он много сделал для города. Кирова — в Олександра Поля. Человека, который фактически строил наш город. Это классно, что такие имена возвращаются. С одной стороны мне это

¹⁵⁰ Институт нацпамяти: За Елисаветград будет даже более стыдно, чем за Кировоград [Электронный ресурс] // Сетевое издание Голос Правды — Режим доступа: <https://golospravdy.com/institut-nacpamyati-za-elisavetgrad-budet-dazhe-bolee-stydno-chem-za-kirovograd/> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁵¹ Проект Закону про внесення змін до Закону України «Про географічні назви» щодо встановлення географічних назв [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины - Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56887 (дата обращения: 01.04.18).

¹⁵² Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 8.04.2017 г. Я.А., 1996.

приятно. Но, с другой стороны, Маркса так бедного козлить не за что. Он попал под общую раздачу»¹⁵³.

Прежнее название	Новое название
Фрунзовка →	Захарьевка
Днепродзержинск →	Каменское
Червоноград →	Кристинополь
Червоноармейск →	Пулины

Таблица 4. Модель декоммунизации названия «Возвращение к историческим названиям»

Следует отметить, что политика декоммунизации и конфликт на востоке Украины привели к усилению дерусификации страны. Подобные практики изменения названий, содержащих в себе объекты, ассоциирующиеся с Россией, не являются законодательно обязательным действием, в отличие от декоммунизации. В дискурсе украинских СМИ и политиков дерусификация представляется естественным ходом вещей с целью уничтожения следов взаимодействия с Россией, которая маркируется как вневременной враг. Законодательное закрепление этого связано со сложностями нормативного определения, но, в целом, это и не столь необходимо, как считает директор УИМП:

«N.N.: Скажите, пожалуйста, видите ли вы возможность не то что там декоммунизации 2.0, деимпериализации? Потому что есть много не только коммунистических воздействий в Украине, но и имперских. И об этом тоже, наверное, стоит говорить очень открыто.

*В.В.: Раз жители Кропивницкого поднялись. Вопрос деимпериализации очень важен для этого города. Потому что очень трудно на самом деле было бороться и отстаивать **невозвращение** к Елизаветграду. Потому что, я считаю, что это был бы такой один из очень мощных маркеров как раз Российского имперского влияния на Украину. ...Но однозначно можно сказать, что процесс запущен. Что люди, которые приняли участие в декоммунизации, вошли «во вкус хозяина». И*

¹⁵³ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев (Днепропетровск), 24.05.2017. Я. В., 1963 г.р.

переименовывают те темы, которые не являются... не подпадают под декоммунизацию. В Киеве уже нет ни улицы Кутузова, ни улицы Суворова. Они не подпадают под декоммунизацию. Нужно будет какое-то специальное законодательное поле. Я пока не представляю даже, как это прописать»¹⁵⁴.

Правительство Украины поддерживает позицию дистанцирования и забвения общей с Россией истории. Существует запрос на историческое прошлое, которое бы соответствовало нынешнему состоянию отношений с Россией. Данный запрос состоит в необходимости нахождения исторических аналогий конфликта России и Украины, чему уже посвящен ряд публицистических изданий, основной целью которых является поиск войн Украины с Россией¹⁵⁵. При этом дерусификация коснулась городских объектов, музеев, памятников деятелям, связанных с Российской империей (Таб. 5)¹⁵⁶. Вместе с тем в сознании части националистически настроенных граждан дерусификация неотделима от декоммунизации:

«...Я за то, чтобы улицы носили украинские имена. Почему? Вот я останавливаюсь. Остановка на улице Ленина. И какие ассоциации? Кто такой Ленин? Для меня сейчас это никто. Переименовали в прошлом году на Соборную. Замечательно. Я за это. Потому что есть улицы, названия которых ничего не дают, а только раздражают. Волгоградское шоссе, для чего нам это? Можно Днепроградське шоссе. Или проспект Московский, для чего он нам? Лучше уж проспект Бандеры, или по крайней мере Киевский»¹⁵⁷.

¹⁵⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, 25.05.2017 г., Вятрович, Владимир Михайлович. Директор Украинского института национальной памяти, 1977 г.р., выступление в Дискуссионном клубе координационной рады «Реанімаційний пакет реформ».

¹⁵⁵ Агресія Росії проти України: історичні передумови та сучасні виклики – Київ: «МП Леся», 2016. – 586 с.; Бrehуненко В., Ковальчук В., Ковальчук М., Корнієнко В. "Братня" навала. Війни Росії проти України ХІІ-ХХІ ст. – Київ: 2016. – 248 с.; Середницький Я.А. Павло Шандрук. Перша світова і три Російсько-Українські війни. – Тернопіль: Мандрівець, 2015. – 224 с.; Ковальчук М. Битва двох революцій: Перша війна Української Народної Республіки з Радянською Росією. 1917–1918 рр. – Т. 1. – Київ: Видавничий дім «Стилос», 2015. – 608 с.; Гай-Нижник П.П. Росія проти України (1990–2016 рр.): від політики шантажу і примусу до війни на поглинання та спроби знищення. – Київ: «МП Леся», 2017. – 332 с.

¹⁵⁶ В Военной академии Одессы снесли новодельный памятник двоюродному брату Николая II [Электронный ресурс] // Думская.net — Режим доступа: <http://dumskaya.net/news/v-voennoj-akademii-odessy-snesli-novodelnyj-ramu-053100/> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁵⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев — с. Великий Кунинець (Тернопольская область), Украина, 21.05.2017, Л. Г. 1947 г.р.

Прежнее название	Новое название
Музей русского искусства в г. Киев →	Киевская национальная картинная галерея
Площ. Московская в г. Киев →	площ. Демеевская
Ул. Минина и Пожарского в г. Черкассы →	ул. Сосновка
Російська с. Глибочок →	ул. Успенская
В. Терешковой в с. Рудня-Городищанська →	ул. Центральная
Московская в с. Гладковичі →	ул. Покровская
Радищева в г. Радомишль →	ул. Петра Чуйко
пер. 2-й Московский г. Житомир →	пер. Волонтерів

Таблица 5. Модель декоммунизации названий «Дерусификация»

Четвертую модель можно назвать «символическое сопротивление декоммунизации: изменения с минимальными последствиями». Подобные изменения можно описать в терминах Дж. Скотта как методы «оружия слабых»¹⁵⁸. Когда изменения являются вынужденными, возникает симуляция изменений, языковая игра, саботаж — это особенно ярко проявилось в изменении названий населенных пунктов. Советское символическое господство, таким образом, исчезает, и названия оказываются вышедшими из поля советской гегемонии, но при этом не подчинившимися новым требованиям современных властей Украины. Это было реализовано в ряде названий населённых пунктов:

Прежнее название	«Новое название»
Петрівське →	Петрівка
Володимиро-Ульяновка →	Новоулянівка
Іллічівка →	Ілічанка
Радсад →	Радісний Сад
Червоне Знамено →	Червоне
Незаможник →	Заможне

¹⁵⁸ Никулин А. М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология — 2003. — №4–5. — С.150.

Червона Зірка → Віленка →	Зоряне Вільне
------------------------------	------------------

Таблица 6. Модель декоммунизации названий «Символическое сопротивление декоммунизации: изменения с минимальными последствиями»

Таким образом, мы видим, что среди регионов декоммунизацией оказались сильнее задеты индустриальные регионы центра и востока Украины, поддерживавшие советскую власть в начале XX в. Если очертить эти области на карте, то они охватывают территорию советского образования времен гражданской войны — Донецко-Криворожской советской республики (Донбасс, Харьковская, Днепропетровская области), а также Черниговскую область и Киев. Менее затронутыми декоммунизацией регионами являются области западной Украины, где большая часть символов и артефактов советского периода оказалась демонтирована и переименована еще в начале 1990-х гг.

Как отмечает П. Бурдьё, «символическая власть как власть квазимагическая благодаря эффекту мобилизации позволяет получить эквивалент того, что достигается силой, но лишь при условии, что эта власть признана, т.е. не воспринимается как произвол»¹⁵⁹. Данного положения добиться сложно, и периодически декоммунизация выливалась в митинги и протесты, особенно в городах, жители которых не желали навязанных сверху переименований¹⁶⁰. Поэтому украинские власти ввиду неспособности навязать националистический нарратив при переименовании централизованным образом всех субъектов были вынуждены пойти на реализацию слабой апофатической программы завоевания символического пространства. В ходе декоммунизации на первое место встал принцип отрицания советской концепции больше, чем навязывания государственной позиции. Новая повестка дня исторической политики не смогла

¹⁵⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — С. 95.

¹⁶⁰ Жители Кировограда вышли на митинг против переименования города в Ингульск [Электронный ресурс] // Газета «Сегодня» — Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/ukraine/zhiteli-kirovograda-vyshli-na-miting-protiv-pereimenovaniya-goroda-v-ingulsk-684223.html> (дата обращения: 01.04.18).

быть полноценно осуществлена в декоммунизации топографии городов и сел ввиду ряда обстоятельств.

В общественном мнении декоммунизация вызвала негативное отношение. Так, согласно исследованию социологического агентства ФАМА, категорических противников декоммунизации — 35%, умеренно предвзятых — еще 55% и только 10% — относительно лояльных. В ходе полевого исследования большинство информантов высказалось относительно того, что сейчас не время тратить бюджетные деньги на декоммунизацию. Многие также воспринимают переименование улиц и площадей как нарушение собственного комфорта: «Не из-за памятников Украина не развивается», «Памятник Ленину не мешает воровать деньги». Подобные высказывания были зафиксированы в ходе экспедиции в 2017 г.¹⁶¹.

Модели оценок проведенной декоммунизации можно разбить на несколько основных позиций. Первая — декоммунизация проходит неудачно ввиду ошибочности формы и методов её проведения. Информанты говорили о том, что она проходит невовремя, без достаточной материальной базы, без последовательного плана, но в целом они, с ее необходимостью согласны:

«А. Т.: Опять же, если бы это все проводилось как-то по-человечески, то только за! Но... сейчас она производится исключительно из каких-то идеологических побуждений... Казалось бы, чем вам не нравилось название улицы Красина?»

А. П.: Как?

А. Т.: Красина. Красина переименовали, Фрунзе переименовали. Все попереименовывали. Россию просто вычеркнули из истории. Несмотря на ее большой вклад, как по мне. Ну, то есть, это опять-таки неуважение русского «коммьюнити» в Украине»¹⁶²;

¹⁶¹ Українці стали менш довірливими і терпимими. [Электронный ресурс] // Газета «Сегодня» — Режим доступа: <http://ukr.segodnya.ua/ukraine/ukraincy-stali-menee-doverchivymi-i-terpimymi-655953.html> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁶² Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 22.06.2017, А.Т., 1996 г.р.

«В какой-то мере я отношусь к этому позитивно, потому что слишком много людей не могут отпустить коммунистический строй и перейти к демократии. Для них надо бы провести этот процесс, чтобы они оставили Советский Союз в прошлом и двигались как-то дальше, развивались. Я думаю, что процесс декоммунизации у нас устроен в принципе неправильно. Во-первых, переименовали кучу улиц, таблички, это я уже как курьер говорю, практически нигде не поменяли, люди не знают, что улицы переименовали, они много лет живут... Улицы переименовали полгода назад, люди там живут, но они не знают новое название улицы. Вот это, я считаю, неправильно. Потому что если уже что-то переименовываете, то сделайте это по-человечески. Название поменяли, табличку поменяли, до людей это донесли. Что еще про процесс декоммунизации могу сказать. Ну памятники, насколько я знаю, уже давно посменяли»¹⁶³.

Другая точка зрения состоит в том, что декоммунизация проходит плохо ввиду своей недостаточности и необходимости идти дальше изменения названий улиц. Нужно «декоммунизировать сознание», но, в целом декоммунизация это благо:

«Организм, который пытается оздоровиться, он, безусловно, не может в таком режиме постоянно функционировать. Нельзя быть здоровым, если у тебя в теле метастазы. Процесс выздоровления пошел, надо было, наверное, запускать раньше, но в силу разных причин мы не были готовы, не накопилось критической массы желающих внести эти изменения. Этот процесс был совершенно природный, несмотря на какие-то формы, кажущиеся части людей слишком резкими, радикальными методами. Но, возможно, что на сегодняшний [день] у нас не было другого выхода в той ситуации, которая сложилась на этой территории в связи с конфликтом на востоке. Я не уверена, что можно было сделать иначе, потому что любое проявление нерешительности в каких-то ситуациях может повлечь за собой невозможность в дальнейшем»¹⁶⁴;

¹⁶³ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 23.05.2017, А.Г., 1989 г.р.

¹⁶⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев 9.06.2017, Катерина Чуева, заместитель генерального директора Национального музея искусств Богдана и Варвары Ханенко, куратор коллекции искусства Древнего Египта, Греции и Рима, член правления Украинского комитета ICOM.

«Ну, как мне кажется, она еще не завершилась. Потому что во всех городах у нас памятники еще не все изменили. Названия... Все, что происходит в сознаниях людей, да, оно как бы еще не завершено, оно еще будет идти, может быть еще десяток лет. Но в целом все прошло нормально. Как бы в принципе переоформили, в принципе названия уже откладываются в голове... новые. И адекватно, совершенно спокойно воспринимаются гражданами»¹⁶⁵.

Третья позиция состоит в том, что декоммунизация — это зло, таким путем похищается история, вымарываются неугодные личности, клеймится часть населения как неполноценные, неправильные. Фиксируется отторжение к изменению порядка вещей в населенном пункте:

«Их надо [памятники] уважать. Это — история. Я даже, честно говоря, даже не вникала из-за чего их сносят, но меня не особо это радует. Кто-то свыше, опять-таки, там сидящие — решили так, и... [пауза и вздох]. Не знаю, зачем оно надо... Люди знают это, и будут знать. Я плохо к этому отношусь! Мне не нравится»¹⁶⁶.

Четвертая позиция состоит в том, что декоммунизация — это плохо, но даже не в силу каких-то историософских и теоретических причин, аргументация касается недовольства материальной стороной дела:

«А. А.: Мне нравились прошлые названия. Чисто по звучанию. В смысл я как-то не вникала. Вот. И мне еще не нравится, что это в кампании. Ну, опять же, как детские забавы какие-то.

А. П.: А почему детские забавы?

А. А.: Ну, потому что это... Ну, я не знаю... Далеко не самое важное, за что стоит бороться и что нужно менять в нашей стране. А вот занимаются тем, что переименовывают улицы, и типа: «Ох, как много мы сделали!» И мне

¹⁶⁵ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 26.06.2017, А.А., 1996 г.р.

¹⁶⁶ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 19.06.2017, О. О., 1994 г.р.

кажется это просто размусоливание какое-то... Ну, это лично мое мнение человека, который не разбирается в политике»¹⁶⁷;

«Мне кажется, сначала нужно поднять промышленность нашей страны, науку, образование. А потом заниматься остальным»¹⁶⁸;

«Н. А.: Мне, например, нравится там, где вернули какие-нибудь дореволюционные названия. Улица Молочная, вместо фамилии, которой толком никто не знает... С точки зрения удобства и функционирования города печатание новых табличек и называние новых улиц «Небесной сотней» столь же мимолетно, и потом кто-то опять придет и переименует. ...Так же, как новые праздники все придумывают каждый раз, точно так же все называют в честь себя улицы. И они заботятся не об улицах, и они заботятся не о праздниках, они заботятся о своем! О себе! И я не думаю, что все деньги, которые были направлены, например, на таблички, они пошли на таблички. Да и табличками занимались иногда какие-то странные ребята. Ну, в смысле, они «кривые» с точки зрения дизайна»¹⁶⁹.

Противоречия внутри украинской элиты и отсутствие достаточных средств для поддержки культурных индустрий приводят к тому, что политика реализуется непоследовательно, без должной финансовой поддержки. Идея парка монументальной пропаганды, который должен быть реализован на ВДНХ в г. Киеве (аналоги которому есть во многих странах Восточной Европы), появилась лишь весной-летом 2017 г., при том что декоммунизация вступила в свою активную фазу еще в 2014 г. Всё это показывает непоследовательность действий властей в отношении демонтажа памятников. Характер декоммунизации принимает вид радикального разрыва с советским прошлым, которое однозначно маркируется как преступное и подлежащее осуждению. В течение последних лет отношение к распаду Советского Союза характеризовалось двумя основными тенденциями. С 2010–2015 гг. число тех, кто *не* сожалел о распаде Советского

¹⁶⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 26.06.2017, А. А., 1995 г.р.

¹⁶⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 26.06.2017, Е. А., 1995 г.р.

¹⁶⁹ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 26.06.2017, Н. А., 1995 г.р.

Союза, выросло на 15%, достигнув своего максимума в 56% в 2015 г. и потом сократившись в 2016 г. на 6%, достигнув 50% (Рис. 8).

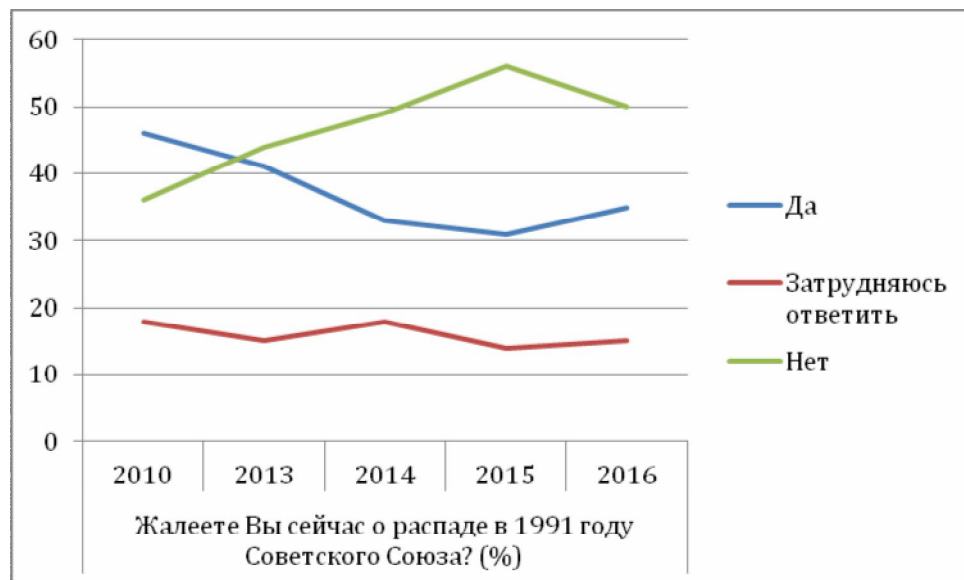

Рисунок 8. Жалеете ли вы сейчас о распаде в 1991 г. Советского Союза? (По данным исследований Социологической группы «Рейтинг» 2010–2016 гг.)

Показательна региональная динамика: с 2014 по 2016 гг. наблюдается рост числа ностальгирующих в западных областях с 8% до 18% и центральных с 23,5% до 39%. В то время как в областях юга, по сравнению с 2014 г., происходит уменьшение числа этой категории людей на 8%, в областях востока — на 14% (Рис. 9).

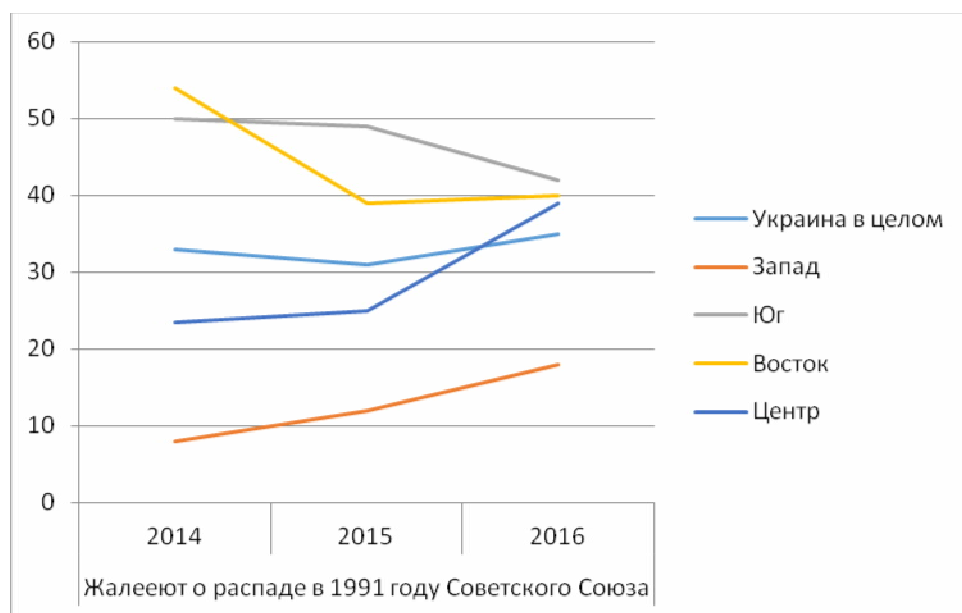

Рисунок 9. Жалеете ли вы о распаде в 1991 г. Советского Союза? (Региональный разрез по данным исследований Социологической группы «Рейтинг» 2014–2016 гг.)

Если ситуация 2010–2015 гг. во многом логично вписывается в реализовавшуюся историческую политику, то изменения 2016 г. связаны с тяжелым экономическим положением, ростом инфляции, серьёзным увеличением тарифов за услуги ЖКХ, а также усталостью от принудительной декоммунизации¹⁷⁰.

Ситуация на региональном уровне имеет более сложную структуру, поскольку в центре, а особенно на западе Украины советско-ностальгический дискурс никогда не был преобладающим. Жители этих областей не чувствуют необходимости доказывать свою «украинскость» особой «антисоветскостью», потому как национальные нарративы связывают истоки национальной культуры с традициями, по преимуществу, сельских центральных и западных областей Украины. Поэтому ностальгия мотивирована скорее сложным экономическим положением и вызывает среди граждан старшей и средней возрастной категорий ностальгический образ «золотого века», в качестве которого выступает СССР. В

¹⁷⁰ Сенкевич Г. А. Новый подход к исполнению государственных социальных обязательств в Украине в период реформ 2015–2016 годов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – №1(4). — С. 79–83.

то время как индустриальный юго-восток страны всегда обозначался как некий внутренний «Другой», которому еще предстоит «нормализация» и вхождение в украинскую общность¹⁷¹.

В областях юга и востока Украины следует учитывать фактор конфликта и общественно-политического дискурса вокруг него. В условиях, когда конфликт на востоке Украины подается как «отечественная война», «агрессия России», «вторжение», в СМИ происходит смысловая сцепка Российской Федерации, СССР и Российской Империи как единого субъекта. Юго-восточные области, характеризующиеся в электоральном поведении традиционно консервативными, пророссийскими взглядами, оказались в сложной ситуации¹⁷². Часть жителей этих регионов, по объективным и субъективным причинам, стремятся отстраниться от своего прежнего миропонимания, которое, с одной стороны, было пересмотрено в связи с военными действиями, а с другой, маркируется в современном контексте как «бытовой сепаратизм» и может служить причиной политических репрессий¹⁷³.

Подводя итоги, можно констатировать, что разрушение и реинтерпретация советского прошлого в культурной и символической сфере, переименование городов, демонтаж памятников начались ещё в период перестройки. В дальнейшем в большинстве регионов Украины, исключая западные области, процесс декоммунизации был заторможен ввиду сложного социально-экономического положения и потери советскими памятниками политически значимых свойств и семантического наполнения. При усилении политической напряженности в стране атаки на символы советского прошлого также усиливались, что порождало «войну памятников», когда левые и правые политические силы при помощи спекуляции на теме памятников получали медийную известность. Но вместе с тем, складывался некий «взаимоупор»

¹⁷¹ Щербак С. И. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 231

¹⁷² Касьянов Г. В. Украина: прощай, гомо советикус [Электронный ресурс] // Newsland. Информационно-дискуссионный портал. — Режим доступа: <https://newsland.com/user/4297789135/content/ukraina-proshchai-gomo-sovetikus/5586024> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁷³ Вопросы идентичности русскоязычных граждан Украины в контексте вооруженного конфликта на востоке страны // International Alert — Режим доступа: http://www.international-alert.org/sites/default/files/Ukraine_RussophoneIdentity_RU_2017_1.pdf (дата обращения: 01.04.18). С. 16.

сосуществования националистического и советско-ностальгического нарративов. События политического кризиса 2013–2014 гг. и последующий конфликт на востоке Украины обострили ситуацию, когда советские места памяти, потерявшие своё семантическое значение, получили новое символическое наполнение как формы присутствия «чужого» — России. Таким образом, советские символы маркировались как объекты, ставящие под сомнение и мешающие существовать независимому украинскому обществу и государству. Данная кампания вокруг разрушения советского символического кода была подхвачена как СМИ, так и политическим истеблишментом. Она была реализована в форме общей дегуманизации части украинского общества, для которой советская идентичность остается важной частью самосознания.

Глава II. Воспроизводство и восприятие элементов украинского исторического нарратива в социальных практиках

§ 2.1. Инструментализация истории в сфере образования

Каждый человек в ходе взросления и социализации обретает ряд групповых идентичностей к ним он испытывает чувство сопричастности, и с которыми он солидаризируется. По отношению к ним человек может сказать «мы», и это влияет на его социальные практики. Вместе с данными идентичностями складывается то, что историк А. Ассман определяет, как «горизонты памяти». Эти «горизонты памяти» формируются в семье, в окружении соседей, локальном сообществе поселения. Так, горизонт семейной памяти формирует комплекс противоречивых воспоминаний и редко простирается дальше, чем на 80–100 лет в прошлое. Такая память более привязана к населенному пункту, региону, локальному сообществу, в рамках которых человек проходит свою социализацию. Она лишь частично отражает, а зачастую может серьёзно отличаться от сложившегося канона общенациональной истории¹⁷⁴.

С начала XX в. введение всеобщего начального и среднего образования значительно расширило инструментарий массовой индоктринации, позволив усилить влияние государства на коллективные представления граждан¹⁷⁵. Благодаря системе образования национальное прошлое становится фундаментом нации и непосредственным инструментом формирования идентичности¹⁷⁶. История как предмет и область знаний играет в данном случае важнейшую роль,

¹⁷⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 19–22.

¹⁷⁵ Миллер А. И. Дуализм идентичностей на Украине [Электронный ресурс] // Журнал «Отечественные записки» — 2007. — №1. — Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine#_ftnref1 (дата обращения: 01.04.18).

¹⁷⁶ Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — № 4. — С. 108.

признаваемую политическими элитами и национальной интеллигенцией как консолидирующий инструмент в контексте строительства нации и государства¹⁷⁷.

В рамках школьного курса истории общенациональный рассказ о прошлом преподносится некритически, особое значение в нем отводится объединяющим мифам и символам. Исторические периоды и социальные группы в этом нарративе имеют морально-нравственную оценку и неравное положение по характеру изложения: либо подчеркнутое, либо преданное забвению¹⁷⁸. Подобные нарративы формируются на базе общественных объединений, СМИ, научных институтов, краеведческих движений. Ими могут продуцироваться альтернативные исторические рассказы, дополняющие и корректирующие господствующий исторический нарратив и/или создающие ему конкурентную версию¹⁷⁹.

Ярким примером того, насколько важна система образования в рамках формирования нации, является формирование украинского исторического нарратива, который со второй половины XIX в. из малороссийского регионального проекта трансформируется в национальный¹⁸⁰. В раннесоветский период украинский национальный нарратив, так же как и украинский язык, получили толчок в своем развитии, оказавшись вписанными в контекст политики коренизации — стимулирования этнонациональной самоидентификации¹⁸¹.

В дальнейшем украинизация, которой обернулась политика коренизации, была свернута, и, вслед за изменением национальной политики Советского Союза, изменилось положение украинского нарратива¹⁸². Украинский

¹⁷⁷ Савельева И. М. Концептуальные проблемы современного исторического образования в Европе и США // Вопросы образования. — 2006. — № 4. — С. 114.

¹⁷⁸ Миллер А. И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 66.

¹⁷⁹ Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. — М.: ИВИ РАН, 2012. — С. 3–37.

¹⁸⁰ Миллер А. И. Украинский вопрос в Российской империи. — Киев: Laurus, 2013. — С. 363–389; Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. — Киев: Laurus, 2012. — С. 231–234.; Погребинский М., Попов А., Толпыго А. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 251.

¹⁸¹ Кирюхин Д. Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 201.

¹⁸² Погребинский М., Попов А., Толпыго А. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 256

национальный нарратив оказался под давлением и подвергся значительным корректировкам ввиду политических репрессий в отношении украинских историков, а также требований изучения истории с марксистско-ленинских позиций. Несмотря на это, как показывает в своих работах С. А. Екельчик, силами украинских культурных деятелей он нашел свое место в качестве инструмента советского национального строительства¹⁸³. В период перестройки общими темами дискуссий стали обращение к украинской истории, избавление от белых пятен национального прошлого и акцентирование внимания на исторические темы, находившиеся в советский период под запором. Оппозиционные политики обращаются к темам исторического опыта украинской независимости, которые становятся оружием национал-демократов в их претензиях на независимость от Советского Союза¹⁸⁴.

Подобные тенденции происходили и в сфере образования и науки. Начиная с 1989/1990 учебного года в школах вводится отдельный курс Истории УССР, которому в 8–11 классах отводится 102 часа¹⁸⁵. В 1989 г. создается координационная комиссия во главе с председателем секции общественных наук, вице-президентом АН УССР И. И. Лукиным и заведующим отделом социалистического строительства Института истории АН УССР профессором С. В. Кульчицким, подготовившая программу «О реализации республиканской программы развития исторических исследований, улучшения изучения и пропаганды истории Украинской ССР»¹⁸⁶. Её утверждение происходит в контексте событий провозглашения суверенитета УССР. Данная программа принимается в июле 1990 г. и представляет собой знаковое изменение, при котором институционально закрепляется трансформация советского наднационального видения истории на национальную схему рассказа о прошлом,

¹⁸³ Екельчик С. Імперія пам'яті: російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. — Київ: Часопис «Критика», 2008. — С. 44–45.

¹⁸⁴ Касьянов Г. В. Украина – 1990: «бои за историю» // Новое литературное обозрение – 2007. — №1 (83) — С. 76–93.

¹⁸⁵ Баханов К. О. Сучасна шкільна історична освіта: інноваційні аспекти. — Донецьк: Юго-Восток, 2005. — С. 45–47.

¹⁸⁶ Колесник І. Історик і Влада // Український історик та Влада: точка неповернення – Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. — С. 16–17.

хотя и изложенную с марксистско-ленинских методологических позиций. В данной программе репрезентировались те же идеи, которые использовались в политических дискуссиях, а именно — курс на формирование объективных оценок исторических процессов, освещение «белых пятен» истории, преодоление «конъюнктурных спекуляций вокруг трагических страниц прошлого». В программе было закреплено критическое отношение к сталинской политической системе, зафиксированы требования повышения престижа истории Украины, профессионализации историков, их деидеологизации и требование укрепления связей с зарубежными коллегами, в том числе с историками США и Канады¹⁸⁷.

Программой к переосмыслению и актуализации предлагался ряд тем, обсуждение которых ранее было затруднено ввиду цензуры. К ним относятся: этнические процессы на территории Украины в период Киевской Руси; формирование и история развития украинской нации; украинское национальное движение и его подавление в России и Австро-Венгрии; история Центральной рады, Директории и Западно-Украинской Народной Республики, коллективизация и голод населения 1932–1933 гг.; межнациональные отношения в период Великой Отечественной войны; история ОУН–УПА; нацистское управление оккупированными территориями; история СССР послевоенного периода; история перестройки в СССР¹⁸⁸. В рамках данной программы утверждается введение отдельного курса «История Украинской ССР» в школах и педагогических вузах, создание кафедр истории СССР на всех исторических факультетах советской Украины, а также ряд других мер по институционализации нового национализированного курса истории СССР.

Бывшие союзные республики, после распада СССР, столкнулись с необходимостью формирования новых национально-государственных идентичностей на основе имеющихся символических ресурсов, в том числе и на

¹⁸⁷ Республіканська програма розвитку історичних досліджень, поліпшення вивчення і пропаганди історії Української РСР // Український історичний журнал. — 1990. — № 11. — С. 3.

¹⁸⁸ Там же. С. 5–8.

национальном прошлом¹⁸⁹. На Украине эта работа во многом уже была проделана в годы перестройки и, несмотря на экономические проблемы 1990-х гг., она подготовила общий вектор формирования национально-государственных идентичностей. Уже в 1991/1992 учебном году в школьной программе появляется отдельный курс «История Украины», изучаемый с 5 по 11 классы. Украина первой из стран СНГ создала полный комплект собственных учебников по всемирной истории и истории Украины¹⁹⁰.

Особое место в исследованиях манипуляций историей отводится историческому образованию, его содержанию, отображению в нем истории соседних стран, этнических групп и событий прошлого¹⁹¹. Подобный анализ обусловлен тем, что историческое образование является важным элементом в системе проведения государственной политики формирования национальной идентичности, а его содержание служит предметом анализа бытующих в настоящий момент представлений нормативного рассказа о прошлом¹⁹².

Как уже было сказано, в конце 1980-х начале 1990-х гг. оформляется основная фактура постсоветского исторического нарратива, в котором происходит отказ от методологии марксистского подхода, а сама схема истории базируется на рассказе истории, предложенном украинскими историками конца XIX — начала XX вв., отражавшем идеи украинского культурного национализма. Это привело к тому, что на институциональные рельсы советской системы образования был поставлен проект, содержание которого коренным образом

¹⁸⁹Калинин И. А. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. — 2013. — № 2(88). — С. 202.

¹⁹⁰Чупрій Л. Історична освіта в Україні як складова державної політики пам'яті // Політичний менеджмент. — 2011. — №4. — С. 21.

¹⁹¹Портнов А. В. Terra Hostica: Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный Запас: дебаты о политике и культуре. — 2004. — № 4(36). — С. 75–83; Шкільна історія очима істориків науковців: матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України. - Київ: Український інститут національної пам'яті, 2008. — 121 с.; Журухина А. А. Политизация истории на постсоветском пространстве (на примере украинских учебников истории) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2010. — № 1(44). — С. 180–192; Журухина А. А. Политический дискурс национальной истории Украины: 1996–2011 гг.: автореф. дис. ... канд. политич. наук / А. А. Журухина. — Москва, 2012. — 25 с.; Турченко Ф. Г. Як створювалися перші підручники з історії України // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2016. — Вип. 46. — С. 177–191.

¹⁹²Семененко И. С. Политика идентичности // Идентичность: личность, общество, политика — М.: Издательство «Весь Мир», 2017. — С. 655.

отличалось от предыдущего периода. Вместе с тем институт образования наследовал советским институциональным формам и не мог меняться так же быстро, как происходили изменения в политической и экономической сферах жизни украинского общества.

Анализируя основные составляющие парадигмы школьной украинской истории, можно выделить несколько общих проблемных полей, берущих свое начало в общеевропейской современной модели рассказа о прошлом, националистической историографии и советской традиции историописания. Говоря о проблемах преподавания истории, связанных с особенностями современного подхода, следует отметить, что для них характерен примат политической и военной истории, воплощенной в акцентировании внимания на личностях правителей и военных деятелей¹⁹³. Эта модель рассказа государственно-центричной истории не включает этнические, региональные, религиозные или иные группы, не являющиеся доминирующими. В ней предаются забвению исторические события и линии, идущие вразрез с общенациональным нарративом. Для неё характерно жесткое разделение по модели «друг-враг», «свой-чужой», и сосредоточение истории вокруг одного географического центра. Россия в данном рассказе представляется как «чужой» либо как «враг», вневременной задачей которого является захват украинских земель и ассимиляция украинцев¹⁹⁴.

Региональные истории исключаются из общего исторического рассказа и подавляются как потенциально опасные и нарушающие общую картину прошлого. Так, наглядно демонстрируется стремление не допустить в систему образования событий, персонажей, символов, апеллирующих к общему с Россией историческому прошлому, историческим личностям, и предать их остракизму как (нео)колониальные концепты¹⁹⁵. После событий 2014 г. подобный исторический

¹⁹³ Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира — М.: Книжный Клуб 36.6, 2010. — С. 8

¹⁹⁴ Бондаренко Д. Идеологические основы учебников по истории Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2010. — №1. — С. 35.

¹⁹⁵ Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід — Київ: ППЕНД, 2013. — С. 226–228; Примаченко Я. Л. «Войны памяти»: украинские контексты Второй мировой войны в современном историческом

нарратив маркируется как инструмент формирования идентичностей «пятой колонны», нарушающей гегемонию украинского националистического нарратива¹⁹⁶. Подобные учебные материалы, ставя во главу изложения только государства как движущие силы истории, стремятся придать различным феноменам общественных объединений прошлого статус государственности, используя методы концептуального империализма¹⁹⁷. Здесь проглядывает общемодерная логика не только национальных, но и имперских государств, для которых негосударственные акторы, самоуправляющиеся сообщества являются в политике либо несущественным фактором, либо объектами унификации.

Второй комплекс проблем, связанных с историческим образованием, обусловлен советским наследием системы образования Украины. Нельзя не упомянуть доставшееся в наследство разделение предмета истории на мировую и национальную. Таким образом, история Украины оказывается удалена из общемировой, а общемировая не влияет на национальную историю. Лишь некоторые связи с внешним миром, выполняющие функцию подчеркивания значимости Украины, её интегрированности в «европейскую семью народов», заслуживают упоминания, как, например, сюжет, связанный с Анной Ярославной — королевой Франции¹⁹⁸. Учебники, следуя советским клише, некритично воспроизводят положения советской теории этноса. Натурализируются категории идентичности, нации описываются как организмы, понятия этноса и нации зачастую не разделяются, что позволяет выстроить телеологическую и безальтернативную конструкцию рассказа об украинцах с древнейших времен до

дискурсе // Победа – одна на всех: Материалы международной научно-практической конференции. 24 апреля 2014 г. – Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – С. 323.

¹⁹⁶В столичной школе разразился скандал из-за пророссийских учебников [Электронный ресурс] // Украинское интернет-издание «Обозреватель» – Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/society/32094-v-stolichnoj-shkole-gazazilsya-skandal-iz-za-prorossijskih-uchebnikov.htm> (дата обращения: 01.04.18).

Kiev's botched airstrike fuels the rebellion in east Ukraine [Электронный ресурс] // The Times Newspapers – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/kievs-botched-airstrike-fuels-the-rebellion-in-east-ukraine-h6hl988jf2k> (дата обращения: 01.04.18).

¹⁹⁷Данилов А. А., Филиппов А. В. и др. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств — М.: Государственный Клуб, 2009. — С. 49–50.

¹⁹⁸Данилов А. А., Филиппов А. В. и др. Там же. — С. 64–67.

XXI в.¹⁹⁹ Такое воспроизведение стиля советского историописания не уникально и существует во многих постсоветских странах²⁰⁰. Продолжается и советская традиция постулата о неизбежности конфликта, почерпнутая из раннего марксизма, воплощенная в концептах борьбы прогрессивных низших угнетенных классов против властвующей верхушки. Это приводит к смазыванию картины общества, неспособности описать сложную и меняющуюся структуру обществ различных периодов, к возвращению советского языка описания социальных конфликтов²⁰¹.

Третья проблемная зона преподавания истории связана с историописанием в духе культурного национализма XIX в. На него также повлиял постсоветский информационный бум, когда масса информации, запрещенной или ограниченной в доступе, стала свободно распространяемой. Данная проблема описана С. А. Штыковым в контексте того, что общим наследством СССР в отношении истории стала «историографическая травма советского периода». Сущность данного явления состоит в том, что народ был сознательно лишен своего исторического прошлого с целью удобства управления этим народом²⁰². Для Украины этот эффект, наложившийся на сложную ситуацию в системе школьного образования и в целом в социально-гуманитарном знании, привел к включению в образовательные программы школьного и высшего образования разнообразных сомнительных, а подчас и лженаучных источников, подобных «Велесовой книге», «Аскольдову дару», «Рукописи Войнича» и прочих²⁰³.

¹⁹⁹ Шкільна історія очима-істориків науковців: матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України — Київ: Український інститут національної пам'яті, 2008. — С. 42; Соколовский С. В. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 81; Портнов А. В. Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года // Неприкосновенный запас — 2004. — № 36(4). — С. 91.

²⁰⁰ Багдасарян В. Э., Абдулаев Э. Н., Клычников В. М., Ларионов А. Э., Морозов А. Ю., Орлов И. Б., Строганова С. М. Школьный учебник истории и государственная политика. — М.: Научный эксперт, 2009. — С. 227–228.

²⁰¹ Яковенко Н. М. Образ сусіда в наших підручниках з історії [Электронный ресурс] // Українська правда, Історична правда — Режим доступа: http://www.istpravda.com.ua/research/2010/12/15/8970/view_print/ (дата обращения: 01.04.18).

²⁰² Штыков С. А. «Борьба асов с дэвами пронизывает все наше бытие»: конспирологическое воображение североосетинских интеллектуалов в поисках смысла национальной истории // Антропологический форум. — 2015. — № 27. — С. 184.

²⁰³ Плеханов А. А. «Велесова книга», символическая власть и система образования в современной Украине // Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: сб. тезисов и материалов XVII

В СМИ и квазинаучных, а зачастую и научных изданиях стали ретранслироваться сомнительные концепции и трактовки артефактов, мифологизированные версии происхождения украинцев, для которых характерно удревнение истории этнической группы, приписывание ей имманентных врагов и союзников, а также наследование украинцами древнейших археологических культур²⁰⁴. Яркий пример такой мифологизации — использование Трипольской археологической культуры в качестве материала, доказывающего великую древность и могущество украинского народа. В частности, данный проект активно поддерживался президентом В. А. Ющенко²⁰⁵. Ситуация отразилась и на преподавании гуманитарных дисциплин смежного характера — украинской литературе, журналистике, истории права и иных. Та часть преподавателей, идеи которых были отторгнуты профессиональным сообществом историков, нашли себе применение в других дисциплинарных направлениях²⁰⁶.

Подобные версии истории начали проникать в школьный курс вместе с историческим рассказом, построенным по канонам романтического национализма XIX в. Последствием стал зафиксированный в учебниках этноцентризм, эксклюзивная версия истории, в которой украинский народ предстает в роли жертвы, страдающей от владычества разных государств на протяжении большей части своей истории, начиная со Средневековья и заканчивая концом XX в.²⁰⁷ Это закладывает определённые шаблоны обиды и необходимости предъявления счетов за прошлое к внешнему чужому или ближнему другому, которыми чаще всего выступают Россия и русские.

Международной школы-конференции. — М.: РГГУ, 2017. — С. 14–17; Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. — М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. — С. 242; Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М.: ИА РАН, 2011. — С. 17.

²⁰⁴ Касьянов Г. В. «Национализация» истории в Украине // Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. — М.: РГГУ, 2011. — С. 110.

²⁰⁵ Новітні міфи та фальшивки про походження українців — Київ: Темпора, 2008. — 136 с.; Русина Е.В. Трипольський синдром: Україна в зеркалі «правильної» історії // Фальсифікація історических джерел і конструювання етнократических міфів. — М.: ІА РАН, 2011. — С. 145–162.

²⁰⁶ Грабович Г. Слідами національних містифікацій // Критика. — 2001. — №6(44). — С. 14–23.

²⁰⁷ Вендина О. И., Колосов В. А., Попов Ф. А., Себенцов А. Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. — 2014. — №5. — С. 58; Грабовский С. И. Существует ли та победа, которая объединит Украину? [Электронный ресурс] // Українська правда – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2007/11/28/4428270/> (дата обращения: 01.04.18).

Подобные элементы особенностей школьного нарратива стали использоваться профессионалами исторической политики как отправные точки для манипуляции историей. Вместе с тем, следует отметить, что профессиональное историческое сообщество Украины стремилось к устранению подобного рода проблемных зон, в том числе через мониторинг учебных пособий²⁰⁸.

Важную роль также сыграло то, что из среды украинских общин в США, Канаде и других стран эмиграции в постсоветскую Украину возвращался откровенно националистический, этноцентристский, а зачастую откровенно ксенофобский исторический нарратив, который в условиях вышеупомянутой историографической травмы вызвал эффект когнитивного диссонанса. Появление подобной литературы привело к смене парадигмы отношения к советскому прошлому, что было усугублено недоверием к советской литературе, историографии и в целом ко всему, что было написано в советский период, как к ложному и манипулятивному:

«...Потому что сейчас берешь любую советскую книгу — все что касается исторических исследований, археологических исследований, помимо прямого цитирования классиков, ты понимаешь, что очень многим вещам нельзя доверять. Это ситуация, когда ложь была настолько всепроникающей, что сейчас ты даже не можешь работать с этой историографией. Потому что ты, априори, не доверяешь людям, которые писали, потому что понимаешь, что на них там давили. Это любопытно, у нас сейчас появилось целый ряд историографических исследований, насколько сложной эта ситуация была. И если это тяжело для исследователей, для узкого круга «ограниченных» людей, для которых это [их] специальность и они ориентируются в этой ситуации. То о

²⁰⁸ Пропозиції до концепції історичної освіти в Україні: Матеріали II круглого столу Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України (Київ, 18 жовтня 2008 року). – Київ: 2009. – 28 с.

людях, у которых нет исторического образования, для них эта ситуация еще более запутанная»²⁰⁹.

Для большой части русских и русскоязычных граждан Украины случившаяся национализация истории, смена нарратива и изменение культурной гегемонии с советской на украинскую, поддержанная волной эмигрантской литературы, привела к стремлению отгородиться и отстраниться от всего украинского как изначально враждебного. Сложившаяся система образования представлялась для части украинского общества как воспроизводящая ангажированную картину мира. Так называемый народный губернатор самопровозглашенной ДНР вспоминает свое обучение на историческом факультете: *«Потом также мы дали отпор на занятиях, прославлявших гетмана Мазепу, «сделавшего европейский выбор». У нас был преподаватель, боготворивший Мазепу. Ну, мы его забросали неудобными вопросами на лекции. Он перенес тему на семинар. А мы превратили его в суд над Мазепой, в разоблачение мазепинского мифа. Мы все время давали отпор официальной версии истории Украины, где говорится о том, что украинцы — это якобы великий европейский народ с тысячелетней историей, всю жизнь свою боровшийся за независимость от Москвы»*²¹⁰.

Среди подавляющего большинства информантов важным элементом рассказа о преподавании истории в школе стало недоверие к истории как науке, к историкам как профессионалам, к учебникам и в целом к этой области как к политизированной, недостоверной и захваченной непатриотически, с их точки зрения, настроенными людьми:

«Сейчас правительство, президент, они не украинцы. Им Украина не нужна. А чтобы написать историю Украины, нужно вкладывать государственный ресурс. Обучить людей, отправить их на пожизненные

²⁰⁹ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев 9.06.2017, Катерина Чуева, Заместитель генерального директора Национального музея искусств Богдана и Варвары Ханенко, куратор коллекции искусства Древнего Египта, Греции и Рима, член правления Украинского комитета ICOM.

²¹⁰ Губарев П. Факел Новороссии. — СПб.: Питер, 2016. — С. 46.

командировки в архивы всех стран. И так за 50 лет можно было бы написать историю Украины. А то, что сейчас делают энтузиасты, это хорошо, но...»²¹¹;

«...каждая власть приходит и под себя это переписывает, что выгодно, что не выгодно, и каждая власть приходит и начинает откапывать там то, что ей надо. Если хочешь кого-то взбесить, высунь из истории Бандеру, начинай его везде там... Проспект Бандеры, ещё что-то, это именно бесит. Ну, специально делают и главного не учитывают»²¹².

В ходе полевой работы были выявлены несколько основных стилей описания восприятия рассказа истории в школьных учебниках. Во-первых, продолжение традиции формального подхода к преподаванию, ощущение формальности работы с самими учебниками, их сложного наполнения и сухого изложения. Данная точка зрения распространена как среди недавних школьников, так и среди работников образовательной сферы:

«Помню, что учебники мне не нравились. Они были сухие, очень сухие для ученика 7–8 класса. Ему трудно заучить всех руководителей УПА. И мне, и им это совсем не нужно. Всегда казалось, даже в школьные годы, сухие факты как бы нужны, но было бы лучше, если бы в книгах было больше объяснений, почему события произошли, как они произошли, а не просто такой год, тот родился, тот умер. Нам не хватает этого сегодня. Четвертый курс университета, а многих исторических моментов я не понимаю до сих пор»²¹³;

«Если говорить с точки зрения школьного предмета — они неинтересны. Они, может, достаточно объективны, но безумно скучны. Когда я, взрослый человек, кандидат исторических наук, беру учебник для 9 класса и пытаюсь читать, я его не понимаю. Мне надо три раза перечитать косую фразу, чтобы понять, о чем она вообще. То есть я понимаю, как к ней отнесутся дети. Это должно быть интересным. Главное, чему должны научиться дети в школе, это не тому, что должны запомнить какие-то вещи, а то, что они должны понять

²¹¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 20.05.2017 г. П. Б., 1962 г.р.

²¹² Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 17.01.2017 г. В. В., 1993 г.р.

²¹³ Полевой материал экспедиции автора в с. Турка, Львовская область, Украина, 17.04.2017 г. Х. Я. 1998 г. р.

некоторые вещи, должны научиться понимать, как взаимодействовать с миром. Должны понять, что такое история. Они должны понимать, что такое история, ощущать. Понимать, что история — это то, что связано с прошлым страны и с их прошлым, откуда растут корни и почему это важно знать... И это то, что влияет сегодня на нас и будет влиять завтра. А не просто изучить пару десятков дат. Думаю, что это не зависит от страны»²¹⁴.

Во-вторых, это стиль работы учителей с учебно-методическим материалом, который состоит в воспроизведении написанного в учебниках без какого-либо критического осмысления. Абсолютное большинство информантов отмечает эту практику как крайне негативную:

«В школе было тяжело. Нас заставляли конспектировать учебник. При этом не объясняя, почему мы это делаем»²¹⁵,

«Преподаватель особо не был заинтересован учить нас истории. Хотя мне это нужно было... А всегда же, [уроки] истории проходили как скучные лекции. Просто мы что-то там конспектировали [учебник], писали очень много конспектов, в итоге в голове ничего не откладывалось... Просто вот начитка. И мы это записывали непонятно для чего. Историю я изучала уже потом и сама»²¹⁶,

«...нам зачитывали предмет из учебника истории... Я дома и так почитать смогу! Расскажи свое мнение!»²¹⁷

В-третьих, информанты фиксировали идеологическую направленность учебников. Данное ощущение вызывали националистические мифы, искажение памяти о Великой Отечественной войне, подстраивание недавнего прошлого под нужды властей и общая демонизация России²¹⁸. В результате чего и возникало неприязненное отношение к получившемуся историческому рассказу:

²¹⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017 г. В. К.

²¹⁵ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 19.06.2017, А. Г. 1995 г.р.

²¹⁶ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, М. А. 1996 г.р.

²¹⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, А. Т. 1996 г.р.

²¹⁸ Мартынов А. А. Фальсификация истории: синдром украинской гуманитарной науки // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2009. — №6. — С. 36.

«...мне почему-то не особо нравились, хотя бы потому, что был очень явный идеологический перекося, хотя бы на временах 1941–1945 гг. Шла антисоветская пропаганда, что мне не очень нравилось. Как бы история — штука нейтральная. Плюс было стерто понятие «Великая Отечественная», я не против понятия «Вторая мировая», но давайте учитывать и Великую Отечественную. Помнится, на моменте Хмельницкого тоже... «Визвольна боротьба...», «... Національна». Хмельницкого чуть ли не в литературные герои определили, такой вообще красавчик-мальчик, который ездил на коне и всех освобождал. При том, что он был таким на самом деле довольно суровым чуваком, который решал государственного масштаба задачи»²¹⁹;

«А. Г.: Учебники у нас были довольно дикие и, если честно, довольно отвратительные. Если математику сложно испортить, то как раз историю очень легко испортить... этим постоянным переписыванием. Как только менялась власть, менялось и...

А.П.: А ты замечала, что изменялась власть, изменялись и учебники?

А.Г.: Нет. Дело не в этом. Я не столько замечала, что оно меняло курс все время. Я просто замечала то, что историю немножечко переделали, подстроили под себя. Это не было даже попыткой объективного рассказа...

Мне кажется, дело в формулировках. Все формулировки были ультимативно-патриотичными. То есть, не может в истории народ или страна всегда быть правой или всегда быть виноватой. А там как-то Украина всегда занимала одну и ту же позицию, и не было многогранности»²²⁰.

Как отметило большое число информантов, ключевым моментом в восприятии истории для них стали их отношения с учителями в школьные годы. Важным фактором также служила частота смены учителей, чем чаще происходила смена, тем больше оказывалась вероятность прохладного отношения к предмету. Нельзя говорить о четкой и статистически значимой корреляции, но данная гипотеза заслуживает дальнейшего исследования:

²¹⁹ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, А. Т. 1996 г.р.

²²⁰ Полевой материал автора, г. Харьков, Украина, 19.06.2017, А. Г. 1995 г.р.

«А. П.: Какой был в школе любимый предмет?»

В. П.: История. Скажем, я заканчивал сельскую школу, а это не то чтобы индивидуальные запросы к конкретной науке, а скорее харизма или ее отсутствие у определенных преподавателей. Для меня история потому давалась легко, [так как была] такая харизматичная преподавательница»²²¹;

«А. П.: А как относились к истории?»

Д. П.: Довольно неплохо. Не то чтобы любимый предмет был, опосредованно.

А. П. А что влияло на любовь или нелюбовь?

Д. П. Преподаватель. Умение излагать очень играет роль. Были годы, когда были одни преподаватели, были — когда другие. Были годы, когда любил историю»²²²;

«Л. К.: У меня ничего любимого никогда не было почему-то. Нравилась алгебра, наверно, физика, потому что интересный учитель был. Наверно, это все. Не любила географию, историю, потому что у нас были [шепотом] отвратительные учителя.

А. П.: А что было не так с учителем по истории?»

Л. К.: По истории она неинтересная была, не умела заставить полюбить этот предмет. Вот и все»²²³.

В своих работах, посвященных постсоветскому периоду развития украинской исторической науки, историк А. В. Портнов отмечает, что украинские ученые не могли мыслить в иных, кроме как в советских, институциональных категориях²²⁴. Данный тезис важен для понимания не только системы образования и науки, но и иных культурных индустрий, доставшихся Украине в наследство от советского прошлого. Ряд информантов отметили ощущение недоверия к преподаваемому материалу самих учителей и преподавателей. Для них переход на новую конструкцию истории и учебники истории выражался в проявлении негативного рассказа о советском периоде и стал опытом приспособления к

²²¹ Полевой материал автора, с. Брусница. Черновицкая область, Украина, 28.01.2017 г. В.П., 1995 г.р.

²²² Полевой материал автора, г. Черновцы, Украина, 6.04.2017 г. Д.А., 1980 г.р.

²²³ Полевой материал автора, г. Харьков, Украина, 9.06.2017, Л.К., 1993 г.р.

²²⁴ Портнов А. Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. — Київ: Критика, 2013. — С. 244.

изменившемся запросу государства на новую, «правильную» историю²²⁵. Данное положение при сохранении советского стиля преподавания до сих пор сказывается на том, как подается образ прошлого:

«...А в истории [предмете] мне кажется, им просто было все равно. И они как будто бы знали, что нас всех пытаются обмануть. В смысле, они учили другую историю в свое время. Было заметно, что для них все это тоже немного новость, и они преподавали то, что нужно было»²²⁶.

Несмотря на возможность реформирования системы образования в 1990-е гг., этого не случилось ввиду проблем переходного периода, что подвергло инфляции ценность дипломов и научных степеней и не позволило достаточным образом провести политику адаптации системы образования к новым рыночным условиям²²⁷. Применение квазисоветских директивных методов реализации политики государства в гуманитарной сфере не раз становились предметом возмущения и критики²²⁸. Ярким примером продолжения использования этих методов в качестве инструмента доведения до всех уровней образования государственной позиции по тому или иному вопросу стала практика писем министерства²²⁹. По своей сути подобные бюрократические манипуляции наследуют советской системе управления образовательной и культурной сфер жизни, с той лишь разницей, что у нынешнего государства нет влиятельного инструмента принуждения к тотальной реализации своих представлений о правильной истории²³⁰. Ощущение следования моделям поведения советской

²²⁵Калакура Я. «Синдром комунізації» істориків і його живучість у пострадянській українській історіографії // Історик і Влада – Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. – С. 55–76.

²²⁶ Полевой материал автора, г. Харьков, Украина, 19.06.2017, А. Г. 1995 г.р.

²²⁷Касьянов Г. В. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. — Киев: Наш час, 2008. — С. 137–138; Портнов А. Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. — Київ: Критика, 2013. — С. 245.

²²⁸ Школьников и студентов на Украине обязали зажечь свечи в память о голоде 1932-1933 годов // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». – 2008. — №14. — С. 2; С осени официальная пропаганда относительно Голодомора-геноцида и деятельности ОУН-УПА будет усилена // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2009. — №11–12. — С. 3.

²²⁹Неменский О. Б. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований – Режим доступа: <https://riss.ru/smi/31190/> (дата обращения: 01.04.18).

²³⁰Лист МОН України №1/9-448 від 22.09.2015 «Щодо заходів з відзначення 25-ї річниці Революції на граніті» [Електронний ресурс] // Офіційний сайт МОН України – Режим доступа: [http://old.mon.gov.ua/ua/about-](http://old.mon.gov.ua/ua/about-107)

системы работы с образованием и культурой прослеживаются в разных учреждениях:

«О “системе” мы говорим, что люди, которые привыкли очень много говорить и говорить пустыми наукообразными фразами, у нас называют комсомольцами. Приходя на определенную должность, такой человек очень много говорит, но ничего не делает. И он тормозит все, что может хоть как-то развиваться. Вот такая система и есть общество, которое не готово активно это менять»²³¹.

В постсоветский период складывается ситуация, когда советские институциональные формы государственного регулирования культурных индустрий сохраняются, при этом содержание этих институтов оказывается выхолощенным. Если в Советском Союзе силы государственной идеологической машины направлялись на цензурирование продукции, производимой культурными индустриями, контроль качества и соответствия содержания производимого культурного продукта нормам марксистско-ленинской доктрины²³², то в современной Украине, при сохранении советских форм бытования институтов, фактически непосредственному контролю качества производимой продукции выделяется минимальное время:

«Государство имеет интерес к музеям только финансово, т.е. должна быть финансовая отчетность, финансовые проверки, которые у нас это просто катастрофическая система. Вот в этом смысле «государство» такое в кавычках имеет интерес. И у нас сохраняется на региональном уровне, в Киеве этого меньше... Когда приходит какая-то разнарядка к такой-то дате бегом сделать выставку и все всё бросают, начинают делать эту выставку. Начальство покрасовалось и всё, куча времени и сил уходит абсолютно впустую.

ministry/normative/4413- (дата обращения: 01.04.18); Методичні рекомендації до відзначення у загальноосвітніх навчальних закладах 25-ї річниці Революції на граніті [Электронный ресурс] // Український інститут національної пам'яті -Режим доступа:<http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/metodrekomentacii-revoluciia-na-hraniti.pdf> (дата обращения: 01.04.18).

²³¹ Полевой материал автора, г. Киев 09.06.2017, Катерина Чуева, Заместитель генерального директора Национального музея искусств Богдана и Варвары Ханенко, куратор коллекции искусства Древнего Египта, Греции и Рима, член правления Украинского комитета ICOM.

²³² Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. - М.: РОССПЭН, 2009. — С. 167–168.

Это та деформированная, наверное, советская традиция, я не помню, могу только понимать, как это выглядело тогда и как это выглядит сейчас. Вот этот вот ужас никому не нужный имеет место быть, и [это] единственная форма «заказа».... Они в своем видении пытаются музеям навязать в сроках, в качестве... Это люди, которые не имеют представления, для чего эти музеи существуют. Кроме того, что там делают какие-то формальные выставки или какие-то формальные мероприятия — это очень печально, это кризис образования. Все, что у нас было пропущено в средней школе, это там, в нежном детском возрасте, потом с трудом достигается. Пока что с этим бороться довольно сложно, потому что бюрократический аппарат разветвлен, их очень много, они имеют ресурсы и административное давление»²³³.

Подводя итоги, следует отметить, что для инструментализации истории, как в качественном, так и в количественном аспекте, крайне важным оказывается институт образования. В 2014 г. на Украине в образовательный процесс были включены 7,7 млн человек и ещё 15 млн были заняты в сфере обеспечения образования²³⁴. Общие тенденции политизации истории в сфере образования были обусловлены разработкой курса истории Украины еще в период перестройки. В среде недавних выпускников школ и специалистов-историков к существующим практикам преподавания истории отношение сложилось скорее негативное, так как они представляются элементами идеологической индоктринации молодежи, постоянно изменяемыми и корректируемыми, а иногда и вовсе непрофессионально созданными и не отвечающими прямой задаче обучения истории.

Система управления сферами образования и культуры унаследовала институциональные черты советской системы: государство продолжает использовать директивные методы работы, содержание которых слабо контролируется, что позволяет реализовывать разные проекты, зачастую не

²³³ Полевой материал автора, г. Киев 9.06.2017, Катерина Чуева, Заместитель генерального директора Национального музея искусств Богдана и Варвары Ханенко, куратор коллекции искусства Древнего Египта, Греции и Рима, член правления Украинского комитета ICOM.

²³⁴ Касьянов Г.В. Освітня система України 1990 – 2014. Аналітичний огляд. – Київ: ТАКСОН, 2015. – С. 5.

считающиеся с научностью и представляющие собой воспроизводство националистического нарратива. В целом можно отметить общее предубеждение к исторической науке как к конъюнктурной дисциплине и к историкам как к профессиональным редакторам истории, переписывающим прошлое согласно политическому заказу.

§ 2.2. Формирование календаря государственных праздников и памятных дат

Исследования праздников имеют более чем почтенную историю изучения, как в отечественной, так и в зарубежной научной гуманитарной традиции. Тема праздников была затронута в работах М. М. Бахтина, Э. Дюркгейма, М. Мосса, А. И. Мазаева, К. Леви-Стросса, В. Я. Проппа, Й. Хейзинги и ряда других классиков²³⁵. Среди современных ученых, анализирующих феномен праздника с позиции его инструментального наполнения, следует отметить работы М. Д. Алексеевского, В. Н. Ефремовой, И. Н. Лавриковой, М. Рольфа, Д. Ю. Сарайкина, А. Этциони²³⁶.

Сам феномен праздника сопутствует развитию человечества с древнейших времен, постоянно изменяясь и эволюционируя. Многообразие его форм и аспектов трудно переоценить. В данном параграфе будет рассмотрено формирование на Украине в постсоветский период государственного календаря праздников и общественного отношения к ним. При этом важной методологической проблемой является само определение понятия «государственный праздник». Сложность, помимо всего прочего, состоит в отсутствии единого общепринятого значения самого понятия «праздник». Т. А. Бернштам указывает, что под понятием праздника понимаются «все сколько-

²³⁵ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.; Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. — New York: Free Press, 1995. — 464 pp.; Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. — М.: Наука, 1978. — 392 с.; Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.; Леви-Стросс К. Мифологии: Т. 3: Происхождение застольных обычаев. — М.: Университетская книга, 2000. — 461 с.; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. — М.: Лабиринт, 2009. — 176 с.; Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М.: Прогресс, 1992. — 462 с.

²³⁶ Алексеевский М. Д., Козлова И. В. Праздник не праздник, а так... // Живая старина. — 2009. — № 3. — С. 43–45; Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики // Символическая политика: Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. — М.: РАН ИНИОН, 2013. — С. 66–79; Лаврикова И. Н. Сфера праздничного — зона идеологического // Свободная мысль. — 2012. — № 3–4. — С. 187–194; Рольф М. Советские массовые праздники. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 439 с.; Сарайкина Д. Ю. Политический праздник как механизм интерпретации политической реальности // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 3. — С. 145–149; Этциони А. Праздники: забытая колыбель добродетели // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2015. — № 2(100). — С. 15–30.

нибудь значительные обряды календарно-хозяйственного и жизненного циклов, в том числе и те, что происходят в будни»²³⁷. А. И. Мазаев дает три определения понятию праздник: как свободному времени в значении важного социально-культурного акта, созидającego общечеловеческие ценности, когда нечто отмечается; как свободная жизнедеятельность, протекающая в чувственно обозримых границах, и как коммуникации по поводу свободы²³⁸. Словарь Д. Н. Ушакова приводит семь определений праздника, включая значения праздника в религиозном контексте, гражданском и бытовом²³⁹. Подобные определения содержатся и в словарях С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой²⁴⁰.

Во втором издании Большой советской энциклопедии понятию праздника, кроме отдельно описанного Праздника Победы, определения не давалось. В третьем издании также не дается определение празднику как таковому, но дается дефиниция «Праздничным дням» как дням, посвященным выдающимся событиям или традиционным датам, работа в которые не предусмотрена законодательно²⁴¹. Это определение наиболее близко к понятию государственного праздника, который имеет отличия от праздника традиционного, ведь в нем одну из главных ролей играет государство и его институты, реализующие социальные и дискурсивные практики празднования²⁴².

Государственные праздники, появляющиеся в контексте общественных изменений, для легитимации властей, относятся к феномену «изобретения традиции», впервые описанному в книге под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера. Данный феномен представляет собой совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил. Целью его является внедрение

²³⁷Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX века) // Этнические стереотипы поведения. — Л.: Наука, 1985. — С.136.

²³⁸Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. - М.: Наука, 1978. — С. 10-12.

²³⁹Праздник // Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. — Т. 3: П – Р. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. — С. 699.

²⁴⁰Праздник // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — С. 578.

²⁴¹Праздничные дни // Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 3-е. — М.: Сов. Энциклопедия, 1975. — Т. 20. — С. 493.

²⁴²Ефремова В. Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2011. — № 3. — С. 53–65.

определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение²⁴³.

В данной работе понятие государственного праздника будет рассмотрено исходя из нормативно-правовой теоретической рамки. Под понятиями государственного праздника и памятной даты, будут пониматься официально закреплённые в законодательстве о труде или в иных нормативно-правовых актах дни, предполагающие реализацию государством мер по их коммеморации.. Данные мероприятия реализуются с участием представителей власти, при придании им инклюзивного статуса, в случае если событие презентуется как общенациональное, или эксклюзивного — при утверждении профессионального праздника или праздника, затрагивающего определённую группу лиц. В законодательстве Украины за постсоветский период не было закреплено официального определения праздника. Страна пошла по пути редактирования советского законодательства и в действующем Кодексе законов о труде, являющемся редакцией кодекса 1971 г., в статье 73, установлен список праздничных и нерабочих дней без уточнения, что под ними понимается.

Начало истории праздников независимой Украины начинается с закрепления 1991 г. в формате государственного праздника Дня независимости Украины. Данный праздник несет функцию закрепления «мифа основания», конституирования новой украинской государственности и нации, построенной на противопоставлении советскому и российскому государственным проектам²⁴⁴. Официально он был закреплён за датой 16 июля, связанной с принятием «Декларации о государственном суверенитете Украины»²⁴⁵. Вместе с тем решением Верховной Рады от 20 февраля 1992 г. дата Дня независимости

²⁴³Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. – 2000. — №1(8). – С. 48.

²⁴⁴Курилла И. И. История, или Прошлое в настоящем. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — С. 123.

²⁴⁵Постанова Верховної Ради Української РСР Про День проголошення незалежності України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/en/56-12> (дата обращения: 01.04.18).

Украины была перенесена на 24 августа ввиду принятия «Акта о провозглашении независимости Украины»²⁴⁶.

В том же 1991 г. путем внесения поправок в Кодекс законов о труде в календарь ещё советской Украины как официальные выходные дни входят православные праздники Рождества Христова, Пасхи и Троицы²⁴⁷. Данные праздники занимают промежуточное положение между государственными и иными религиозными. С одной стороны, они используются властью как повод для разнообразных практик утверждения своего символического господства, с другой — их природа и формы празднования напрямую не связаны с государственными институтами.

Вторым официальным государственным праздником в истории постсоветской Украины стал День Конституции Украины — 28 июля, празднование которого предусмотрительно закреплено в 161 статье Конституции Украины. На данном примере можно ярко продемонстрировать проблему праздников, появившихся в постсоветский период. Их слабой чертой является недостаточная проработанность ритуалистики и смыслового наполнения, которые они несут и призваны увековечить, в отличие от советских праздников, продолжающих свое развитие в постсоветский период²⁴⁸.

Через семь лет, в 2003 г., в рамках исследования Украинского центра экономических и политических исследований им. Олександра Разумкова было продемонстрировано, что указать год принятия Конституции смогли лишь 15,2% респондентов. Характерны региональные особенности в отношении к этому празднику: среди жителей западных регионов 24,5% знают, когда была принята Конституция; на востоке и юге — не больше 10,5%²⁴⁹. Всего число людей,

²⁴⁶Постанова Верховної Ради Про День незалежності України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/tu/2143-12> (дата обращения: 01.04.18)

²⁴⁷Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки Про внесення змін і доповнень до Кодексу законів про працю Української РСР при переході республіки до ринкової економіки [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/871-12> (дата обращения: 01.04.18).

²⁴⁸Макаркин А. В. Противоречивые праздники новой России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2015. — № 3(101). — С. 273.

²⁴⁹Половина украинцев не знает, что Украина уже 7 лет живет с Конституцией [Электронный ресурс] // Украинская Правда – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2003/06/27/4373313/> (дата обращения: 01.04.18)

считающих этот день только выходным, но не национальным праздником колебалось от 43,3% в 2002 г., 44,4% в 2003 г., 41,2% в 2008 г.²⁵⁰ Данный праздник и отношение к нему возвращают нас к вопросу о сложности построения гражданской нации и формирования «конституционного патриотизма» (Ю. Хабермас). Когда граждане чувствуют проблемы с реализацией своих прав, не доверяют судопроизводству и, в целом, институтам государства, а гражданское общество слабо и не может противостоять беззаконию, тогда для консолидации общества выбираются иные способы сплочения и получения лояльности²⁵¹.

Сложившееся с 1990-х гг., а отчасти и сформированное властями Украины положение привело к тому, что как правящий класс, так и оппозиционные движения восприняли стратегию объединения общества и национального строительства не путем сплочения вокруг общегражданских институтов, а через культурный национализм и этноцентризм. Это приводит к тому, что политологи Д. В. Березняков и С. В. Козлов определяют как синкретический характер идеологического нарратива, который представляет собой сочетание идей национализма и неолиберальной риторики²⁵².

Следующим по времени был установлен День памяти жертв голодоморов. Поводом для этого послужило 65-летие со дня событий голода 1932–1933 гг. в 1998 г. В рамках установленного плана мероприятий был утвержден «День памяти жертв голодоморов», дата которого была определена как четвертая суббота ноября каждого года²⁵³. Название этой памятной даты будет претерпевать

01.04.18); Б: 01.04.18); Більше половини українців не вважають День Конституції святом [Електронний ресурс] // Український й центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=100 (дата обращения: 01.04.18).

²⁵⁰ Несвяткові думки про свято до шостої річниці конституції України [Електронний ресурс] // Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=217 (дата обращения: 01.04.18); Як Ви ставитеся до Дня Конституції України? (динаміка, 2003-2008) [Електронний ресурс] // Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=150 (дата обращения: 01.04.18).

²⁵¹ Відбулося ранкове засідання Верховної Ради України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступа: <http://rada.gov.ua/news/Novyny/131146.html> (дата обращения: 01.04.18).

²⁵² Березняков Д. В., Козлов С. В. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 4. — С. 42-43.

²⁵³ Постанова Кабінету міністрів України від 26 жовтня 1998 р. N 1696 про 65-ті роковини голодомору в Україні [Електронний ресурс] // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1696-98-%D0%BF> (дата обращения: 01.04.18); Указ Президента України Про встановлення Дня пам'яті жертв голодоморів [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1310/98> (дата обращения: 01.04.18).

изменения: в 2004 г. скорректировано название – «Об установлении Дня памяти жертв голодомора и политических репрессий», в 2007 г. при В. А. Ющенко выделен отдельный «День памяти политических репрессий», который в дальнейшем будет отмечаться в третье воскресенье мая, а Дню памяти жертв голодоморов вернется первоначальное название²⁵⁴.

Вместе с тем начало официальных мероприятий по коммеморации памяти жертв трагедии началось задолго до 1998 г. Ещё в период перестройки были начаты дискуссии о белых пятнах в истории Украины. В официальные документы понятие голодомора входит в 1993 г. Данный термин не несет нейтрального обозначения голода 1932–1933 гг., он включает в себя саморазвёртывающийся, политически ангажированный нарратив. Смысловой контекст, который воспроизводит данное понятие, имеет устоявшуюся модель повествования о голоде как о планомерном геноциде исключительно украинской этнонации, спровоцированном в 1930-е гг. «московской империей» при прямой санкции И. В. Сталина²⁵⁵. Данный геноцид представляется тяжелым наследием и причиной неудач Украины в 1990-е гг., подрывавшим жизненные силы украинского народа. Подобные представления сформулированы Дж. Мейсом как «теория украинского постгеноцидного общества», на которую не раз ссылались высшие лица Украины²⁵⁶.

В 1993 г. Л. М. Кравчук принимает программу «О мероприятиях в связи с 60-й годовщиной Голодомора в Украине», которую предполагалось использовать как для внутренней аудитории, так и для решения внешнеполитических задач в отношении украинской диаспоры. Было направлено обращение в ЮНЕСКО о внесении годовщины Голодомора в календарь годовщин великих людей и исторических событий в области образования, науки, культуры и

²⁵⁴Указ Президента України Про внесення змін до Указу Президента України від 26 листопада 1998 року N 1310 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/797/2004> (дата обращения: 01.04.18).

²⁵⁵ Денисов Д. О. Восприятие голода 1932–33 годов жителями Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2009. — №2 — С. 32–33.

²⁵⁶Legacy of the Famine: Ukraine as a post genocidal society [Электронный ресурс] // Газета «День» – Режим доступа: <http://day.kyiv.ua/en/article/close/legacy-famine-ukraine-postgenocidal-society> (дата обращения: 01.04.18); Ющенко: Украина - посттоталитарное, постколониальное и постгеноцидное государство [Электронный ресурс] // ИА REGNUM – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1198886.html> (дата обращения: 01.04.18).

коммуникаций²⁵⁷. «Ассоциация исследователей голода-геноцида 1932–1933 гг.», представители украинской диаспоры, советские диссиденты и ряд политиков национал-демократической ориентации стремились придать вопросу о голоде формат суда и показательного процесса, что не было реализовано ввиду осторожной позиции президента и левого большинства в Верховной Раде. На организованной в 1993 г. конференции «Голодомор в Украине 1932–1933 гг.: причины и последствия» Л. М. Кравчук сделал заявление о том, что считает Голодомор геноцидом украинского народа, что это была спланированная акция Москвы и что именно такой версии истории следует придерживаться²⁵⁸.

В 2009–2010 гг. была повторная попытка провести судебный процесс, где в качестве обвиняемых выступили члены высшего руководства СССР, в том числе И. В. Сталин, начатая ввиду обращений председателя УИМП И. Р. Юхновского, а также народных депутатов Г. Е. Омельченко, А. В. Черноволенко и ряда других деятелей. Следствие и суд по этому делу не соответствовали законодательству Украины и прошли со значительными нарушениями, что не помешало суду признать И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, П. П. Постышева, С. В. Косиора, В. Я. Чубаря и М. М. Хатаевича виновными в «геноциде украинской национальной группы»²⁵⁹.

Фактически тема голодомора стала ключевым местом исторической политики, и с периода второго срока Л. Д. Кучмы властями были реализованы действия, формирующие образ голода 1932–1933 гг. как центрального для

²⁵⁷Указ президента України №38/93 Про заходи у зв'язку з 60-ми роковинами голодомору в Україні [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/3893-5114> (дата обращения: 01.04.18).

²⁵⁸Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Матеріали. — Київ: Інститут історії України НАН України, 1995. — С. 10.

²⁵⁹СБУ возбудила уголовное дело по факту совершения Геноцида [Электронный ресурс] // ИА Уніан – Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/225116-sbu-vozbudila-ugolovnoe-delo-po-faktu-soversheniya-genotsida-dopolnennaya.html> (дата обращения: 01.04.18); Вирок голоду. Апеляційний суд Києва назвав організаторів Голодомору 1932–1933 рр. Історичну справедливість відновлено [Электронный ресурс] // Официальный сайт СБУ Украины – Режим доступа: http://ssu.kmu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=96824&cat_id=96714&mustWords=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%80&searchPublishing=1 (дата обращения: 01.04.18); Корнилов В.В. Трупный синод: о том, как на Украине виновников Голодомора «судили» // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2010. — №2 — С. 29–34.

Украины события XX столетия²⁶⁰. Политика В. А. Ющенко и П. А. Порошенко по формированию мифа о Голодоморе лишь продолжила данную тенденцию²⁶¹. В общественном мнении эта тема оказалась отодвинутой с повестки дня конфликтом на востоке Украины, но осталась, тем не менее, важной, ежегодно вспоминаемой, популяризируемой УИМП. Политики регулярно спекулируют на цифрах социологических опросов о том, сколько людей считают голод 1932–1933 гг. геноцидом, используют Голодомор для объяснения нелояльности жителей юго-востока Украины как потомков оккупантов и «завезенных»²⁶².

Отношение общественного мнения к Голодомору за постсоветский период в значительной мере изменилось. Общая тенденция последних десятилетий состоит в том, что все большее число украинцев считают Голодомор геноцидом украинского народа. Если в 2007 г., согласно опросам Киевского международного института социологии, события голода 1932–1933 гг. как геноцид оценили 63,2% украинцев²⁶³, в 2008 г. исследование R&B Group по заказу Украинского филиала Института стран СНГ показало, что 41% респондентов считает голод 1932–33 годов направленным на уничтожение украинского народа²⁶⁴. По данным социологической группы «Рейтинг», в 2010–2013 гг. в среднем до 60% респондентов ответили, что считают голод геноцидом. В 2014 г. наблюдается резкий рост числа людей, которые считают Голодомор геноцидом, в 2015 г. их

²⁶⁰Касьянов Г. В. Голодомор и строительство нации // Pro et contra. — 2009. — № 3–4. — С. 31.

²⁶¹Жиромская В. Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2009. — № 14. — С. 92–101; Марчуков А. Операция «голодомор» // Родина. — 2007. — № 1. — С. 60–68.

²⁶²Голодомор — геноцид: подмена понятий // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2007. — №5 — С. 29; Порошенко: 80% украинцев считают Голодомор геноцидом [Электронный ресурс] // Корреспондент.net — Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/3596150-poroshenko-80-ukrayntsev-schytauit-holodomor-henotsydom> (дата обращения: 01.04.18); Спикер Рады заявил о заселении востока Украины миллионами «московских оккупантов» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Lenta.ru — Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/06/02/parubiy/> (дата обращения: 01.04.18).

²⁶³Думки населення України щодо визнання голодомору 1932–33 рр. Геноцидом [Электронный ресурс] // Київський міжнародний інститут соціології — Режим доступа: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=448&page=52> (дата обращения: 01.04.18)

²⁶⁴Денисов Д.О. Восприятие голода 1932–33 годов жителями Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» - 2009. - №2. - С. 32–33.

число достигло исторического максимума в 80%, после чего, в 2016 г., уменьшилось на 8% и достигло 72%. (Рис. 10)²⁶⁵.

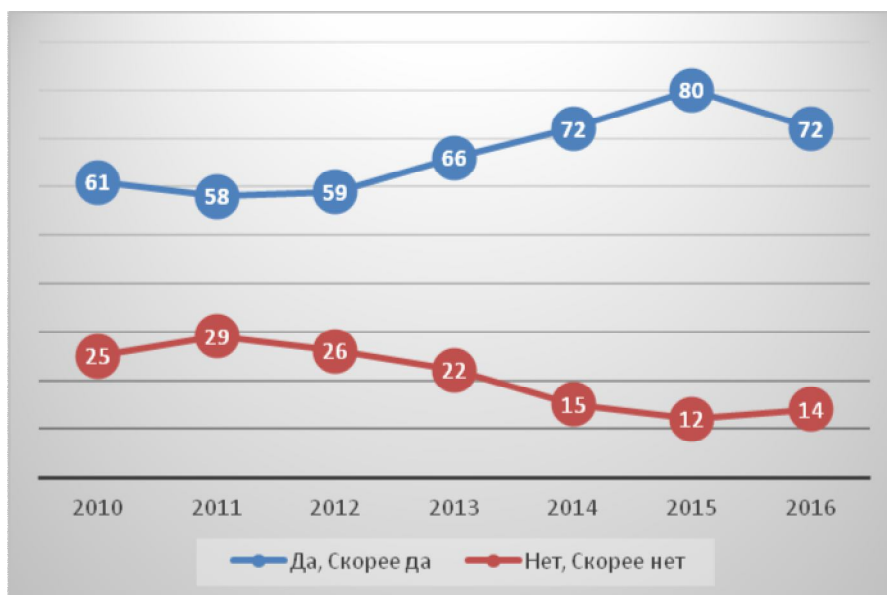

Рисунок 10. Считаете ли вы, что Голодомор 1932–1933 гг. был геноцидом украинского народа? (По данным исследований социологической группы «Рейтинг» 2010–2016 гг.)

В региональном разрезе ситуация демонстрирует свою сложность. Если в западных областях в 2013 г. число считавших голод геноцидом составило 87%, то в последующие годы их число выросло до 96–97%. В юго-восточных областях мы видим ту же тенденцию — с 2013 по 2015 гг. происходит рост считающих Голодомор геноцидом, 23,2% за два года. В 2016 г. начинается снижение, в среднем, на 14%, что демонстрирует казуальность отношения к таким событиям,

²⁶⁵ Признание голодомора: результаты последних исследований [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/priznanie_golodomora_rezultaty_poslednih_issledovaniy.html (дата обращения: 01.04.18); Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2013 [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2013.html (дата обращения: 01.04.18); Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2014 [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2014.html (дата обращения: 01.04.18); Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2015 [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2015.html (дата обращения: 01.04.18); Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2016 [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru.html (дата обращения: 01.04.18).

как голод 1932–1933 гг., несмотря на уверенную и целенаправленную политику государства. Еще более несбалансированная ситуация — в центральных регионах. Несмотря на то, что подавляющее число граждан (более 75%) считают голод 1930-х геноцидом, ежегодно число тех, кто колеблется и отдает предпочтение той или иной позиции, составляет 7,8% (Рис. 11).

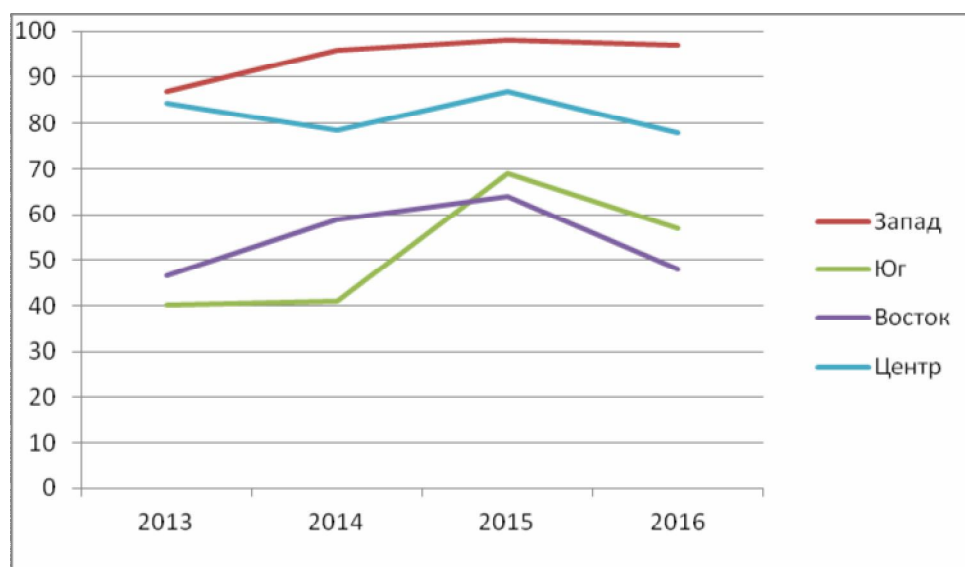

Рисунок 11. Число ответивших утвердительно (варианты ответов «Да», «Скорее да») на вопрос: «Считаете ли вы, что Голодомор 1932–1933 гг. был геноцидом украинского народа?» в региональном разрезе (региональный разрез по данным исследований социологической группы «Рейтинг» 2010–2016 гг.)

Оценки подобного рода исследований должны быть критически рассмотрены, так как содержание ответа на данный вопрос более многоаспектно, чем просто да/нет. Термин «геноцид» в понимании информантов мог обозначать: уничтожение украинцев по этническому признаку; политику советского государства, которая спровоцировала голод; массовую гибель людей, или иные варианты трактовки данного понятия. В ходе полевой работы было выделено несколько моделей ответов на подобный вопрос.

Первая модель характеризовалась тем, что люди отвечали на вопрос, в первую очередь, через рамку своих политических убеждений:

«И здесь суть была не столько в том, что не хватало продовольствия для русского населения и можно было его забрать у украинцев, сколько в том, чтобы сломать нацию. Истребить огромное количество истинных украинцев. Потому что после Голодомора все пошло на убыль. Потому что вместо этих миллионов заселили тех же русских. И их отпрыски вроде как строят Украину и сейчас»²⁶⁶.

«Итак, того страшного голода, который описывают нам украинские националисты, на Украине в 1933 г. не было... .. Вывод может быть такой — «Голодомор» придумали в перестройку для развала СССР. Я не говорю, что голода не было, я говорю, что не было смертельно опасного голода»²⁶⁷.

Суть второй модели в том, что люди апеллировали к статистике, историческим фактам, личному и семейному опыту, прочитанным книгам и, исходя из этого, приходили к тому или иному ответу:

«Это сложный вопрос для меня, если речь идет о том, что это был по большой или по большей части искусственный голод, то да. О том, что он был направлен на уничтожение этнической группы украинцев, по-моему, нет. Не только потому, что погибли люди на Украине, тогда в этот период сталинский режим не мыслил категориями этническими. Украинская территория и её население, особенно наиболее пораженной голодомором части, были небезопасными, но небезопасными были этнические украинцы, благодаря недавнему прошлому и особенно низовым культурным практикам, долговому низовому сопротивлению в гражданскую войну, — да. Если речь идет о том, что московский режим решил уничтожить украинцев как этнос, по-моему, конечно, нет, но тут все упирается в определение геноцида»²⁶⁸;

«Как бы то ни было, но до сих пор странным является факт этого Голодомора. На примере того, что рассказывал дедушка, хотя они жили на территории Польши, Снятинский район. Через Черемош была территория

²⁶⁶ Полевой материал экспедиции автора в с. Турка, Львовская область, Украина, 17.04.2017 Х.Я. 1998 г.р.

²⁶⁷ Был ли «Голодомор» в 1933 году? [Электронный ресурс] // News Book. Электронный журнал – Режим доступа: <http://newsbook.name/lenta/byl-li-golodomor-v-1933-godu/> (дата обращения: 01.04.18).

²⁶⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».

бывшей Румынии.... Насколько это явление Голодомора задело другие государства, что говорили очевидцы, Польша отвозила с границ продукты, чтобы не провоцировать жителей Советского Союза. Аналогично это делала и Буковина. На примере тех же рассказов деда... Они пережили зиму с 1932 на 1933 год благодаря тому, что у них была корова и запасы сена. В основном за счет этого более-менее нормально себя чувствовали. Было много людей. В селе был спиртовой завод, еще барский, феодальский. И на зиму остались остатки браги на дне цистерн. И люди с Украины, которые перешли Черемош, Прут, зимой шли в эти земли, просили есть, буквально. Нечего было давать им есть. Запасов было мало. Они шли, залезали в бочки, топились там, чтобы остатки браги выпить. Я думаю, что Голодомор был специально подстроен. На примере другой родовой ветви из Полтавской области. В 1932 г. они дали взятку, чтобы им дали место в товарном поезде, и они выехали на переселение в Челябинскую область, в место Тарталей. И им специально на месте паспортистка сменила фамилию с украинского на Опошнян с Опошни (есть такое село), как будто они армяне. Они бежали от голода, а там его не было. Я думаю, если бы был продовольственный кризис местного характера, каким образом не сама власть, а само население как-то передавало бы продукты. Как когда был голод на Поволжье, мы все знаем. Люди передавали все телегами в поддержку людям, которые страдали»²⁶⁹.

Очень важными для понимания этого явления были ответы, в которых ряд респондентов отвечали на вопрос, исходя из своих политических убеждений, а затем исходя из своих размышлений:

«Как историк ответить? Как фронтовик отвечу — да. А теперь как человек, который понимает, почему так сложилось. Это был геноцид большевиков против крестьянства. Но в Украине процентов 90 крестьянства этнически были украинцами. Не скажу, что это был геноцид, что сделали русские. Я так не говорил. Я говорю, что это преступление Советского Союза. Геноцид ли это украинского крестьянства? Если из тысячи умерших 900 были

²⁶⁹ Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 6.04.2017 г. Д.А., 1980 г.р.

украинцами, а на селе, я думаю, это число было больше, то — да. Это был геноцид против украинского крестьянства и против украинского народа. Украина сельскохозяйственная страна, и все села были населены представителями этнического большинства. Цифры можете видеть. Занимался этим еще Ющенко. В Меджибоже есть впечатляющий музей Голодомора. Если берем политическую формулировку, то должны ее корректировать. Если человеческую, то не надо, это был реальный геноцид против украинского народа»²⁷⁰.

Так отделяется личная позиция информанта от того, что он считает в данный момент правильной оценкой исторических событий. Это дает основания при анализе подобных исследований учитывать, что люди склонны давать социально одобряемые ответы. На эти результаты также повлиял конфликт на востоке Украины, поскольку СССР и РФ в политическом дискурсе представляют собой одну и ту же «тысячелетнюю Россию» и, тем самым, дают возможность объяснительной модели, по которой «они» — агрессоры, а значит, «они» и ранее были ими. В украинских СМИ освещалось разрушение в ДНР и ЛНР памятников жертвам Голодомора, ставшим, наряду с трезубцами и иными объектами, символами украинского присутствия²⁷¹. Их разрушение трактовалось как уничтожение «правды о Голодоморе-геноциде»:

«А потом они еще говорят, что Голодомор не был геноцидом украинцев. Ну, разумеется, оно и видно. Даже умерших 80 лет назад советских граждан пытаются окончательно убить, чтобы даже памяти не осталось. Если поначалу, в годы ющенковского официоза, я и сам не считал голод 1932–33 гг. геноцидом именно украинской нации, то теперь у меня не осталось никаких сомнений, что это был именно геноцид украинцев. Даже мертвых, несчастных

²⁷⁰ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 24.05.2017, Я. В. 1963 г.р.

²⁷¹ В ДНР хотят снести памятники жертвам Голодомора — СМИ [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. — Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/3552133-v-dnr-khotiat-snesty-pamiatnyky-zhertvam-holodomora-smi> (дата обращения: 01.04.18).

селян, погибших задолго до рождения ныне живущих днр-овцев, ненавидят животной ненавистью. За что?»²⁷².

Трагические события голода послужили материалом для строительства нового национального исторического мифа – Голодомора 1932–1933 гг. Важным аспектом закрепления его в публичной сфере стал комплекс коммеморативных мероприятий, окончательно сформированный в период президентства В. А. Ющенко. Ключевое событие День памяти жертв голодоморов с 2009 г. происходит в созданном по инициативе В. А. Ющенко Мемориале памяти жертв голодоморов в Киеве. Структура церемонии выглядит следующим образом: утром президент с семьей возлагают цветы к мемориальному знаку жертвам Голодомора на Михайловской площади в Киеве. Затем, вместе с другими высшими должностными лицами, они присутствуют на панихиде по погибшим в Софийском соборе. После полудня у Мемориала памяти жертв голодоморов начинается траурное шествие, в ходе которого президент с семьей возлагают корзинки со свечами, траурными лентами, ягодами калины и колосками к памятнику жертвам. По тому же маршруту следуют премьер-министр, представители истеблишмента, партий, делегации от каждой административно-территориальной единицы Украины. Президент выступает с общенациональным обращением по случаю памятной даты, после чего в 16:00 объявляется Национальная минута молчания. После неё начинается всеукраинская акция «Зажги свечу»: присутствующие у мемориала граждане зажигают розданные при входе или купленные заранее лампадки, озаряя светом близлежащие холмы (на которых устроены специальные места для лампадок), и возлагают цветы и пучки колосков к монументу. При этом на фоне траурной музыки звучит текст, повествующий о жертвах населения в ходе голода.

С 2011 г. возникает традиция участия в этом мероприятии всех президентов независимой Украины, что явилось маркером победы «геноцидного» дискурса о Голодоморе, преодолевшем политическую ориентацию президентов.

²⁷² В ДНР решили разрушить памятники жертвам голода и репрессий [Электронный ресурс] // Живой журнал frankenstein – Режим доступа: <http://frankenstein.livejournal.com/644404.html> (дата обращения: 01.04.18).

Мероприятия, подобные тому, которое проводится в Киеве, происходят во всех крупных городах Украины. Те, кто не участвует в мероприятиях напрямую, могут поставить свечи на окна или следить за церемонией по центральным каналам, которые ведут в этот день трансляцию. В этом мероприятии участвуют как верующие, так и неверующие; как представители элиты, так и простые граждане; как те, кто хочет активного действия и включенности в атмосферу траурного события, так и те, кто может при минимальных усилиях присоединиться к действию, просто приняв участие в минуте памяти или поставив свечку на окно. Естественно, что в новостных репортажах рассказывается об объединении страны чувством памяти погибших от голода.

Важную функцию это мероприятие играет именно в качестве ритуала гражданской религии и маркера общенационального консенсуса, демонстрируя единство народа и правящего класса страны. Де факто этот день — квинтэссенция господствующей исторической политики. Это особенно ярко отразилось в речах президента П.А. Порошенко, посвященных этой дате. В них затрагиваются темы евроинтеграции, декоммунизации, открытия архивов КГБ, событий на Донбассе, многовековой гибридной войны России против Украины. В его выступлениях ярко выражен вектор ухода языка политики Украины вправо. Присутствуют биологические метафоры нации как организма, являющиеся сугубо националистическими: *«Возрождение Украины продолжается. И это — неудержимый процесс животворения, очистки нашей жизни...»*; *«Голодомор как геноцид врезался в генетический код нации...»*²⁷³.

Продолжая хронологический анализ вхождения памятных дат и праздников в официальный календарь Украины, следующим по времени как государственный праздник закрепляется День защитника Отечества. Праздником его объявил

²⁷³Выступление Президента на церемонии памяти жертв голодоморов в Украине в 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vshanuvannya-pamyati-zhertv-36377> (дата обращения: 01.04.18); Выступление Президента в День памяти жертв голодоморов в Украине в 2014 г. // Официальное интернет-представительство Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/slovo-prezidenta-u-den-vshanuvannya-pamyati-zhertv-golodomor-34103> (дата обращения: 01.04.18).

президент Украины Л. Д. Кучма в 1999 г., «учитывая многочисленные обращения общественных организаций, ветеранов войны и с целью содействия патриотическому воспитанию молодежи»²⁷⁴. Впоследствии праздник, не приобретший статуса выходного дня, как это произошло в России, продолжал существовать, постепенно изменяя формат на гендерный праздник мужчин. Той же тенденции оказался подвержен Международный женский день, унаследовавший статус выходного дня, который был за ним закреплён ещё с 1960-х гг.²⁷⁵ Вместе с тем как праздники, пришедшие из советской традиции, они неоднократно предлагались к удалению из официального календаря.

Как уже было сказано, актуальность изобретения традиции возникает в период разрушения старого и создания нового национального согласия, в годы революций и политических кризисов. В 2005–2006 гг. проблема законодательного оформления понятия праздника была поднята тогдашним министром юстиции С. П. Головатым. По его инициативе был принят законопроект, в рамках которого предполагалось сформировать понятие праздника как «праздника нации, которое ассоциируется с весомым для нее событием», что возвращает нас к вопросу о политическом языке и слабой наполненности смыслами понятия нации в период президентства В. А. Ющенко.

В законопроекте, предложенном министром юстиции, предлагалось сделать официальным выходным днем День соборности Украины, отменить 8 марта, создав 9 марта праздник-замену — Шевченковский день (день рождения Т. Г. Шевченко). В порядке избавления от праздничных дней советского прошлого предлагалось отменить празднование 23 февраля, 1 и 2 мая. Из новых праздников было предложено праздновать 15 мая — День Матери, 16 июля — День провозглашения государственного суверенитета Украины, 1 декабря — День национального единства в честь Всеукраинского референдума о поддержке акта о провозглашении независимости Украины, проходившего 1 декабря 1991 г.

²⁷⁴Указ Президента України Про День захисника Вітчизни [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/202/99> (дата обращения: 01.04.18).

²⁷⁵ Женские и мужские праздники [Электронный ресурс] // Социологическая группа Рейтинг – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/zhenskie_i_muzhskie_prazdniki.html (дата обращения: 01.04.18).

Параллельно предлагалось исключить из числа выходных дней религиозные праздники, которые до этого были выходными днями²⁷⁶. Данный пакет изменений, предложенных после событий «оранжевой революции», так и не был реализован, но ряд его положений был воплощен после событий Евромайдана и государственного переворота.

На момент начала 2014 г. праздничный календарь представлял собой смесь праздников советского прошлого и независимой Украины. Сложившаяся ситуация оказалась во многом схожа с праздниками в 20-е гг. советского периода, когда одновременно праздновались старые дореволюционные религиозные праздники и новые советские. Можно выделить несколько основных моделей того, как государство инкорпорировало «новые праздники» и переформатировало «старые» праздники.

Во-первых, это традиционный путь вытеснения старых праздников путем утверждения новых в календарной близости от них. Ярким примером тому является назначенный на 8 мая День памяти и примирения. Он был введен одним из четырех так называемых мемориальных законов «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг.», в качестве противопоставления Дню Победы 9 мая²⁷⁷. Введение данного праздника связано с политикой дистанцирования от России, всего российского и русского, что реализуется в форме изъятия из официальной сферы любых социальных и повседневных практик обращения к памяти о победе в Великой Отечественной войне, общих для России и Украины. Как в своем выступлении отметил директор УИНП В. М. Вятрович:

«...Но мы не оторвались от того, что мы живем синхронно, по сути, с государством-агрессором. И мы не оторвались от того, что в Украине на

²⁷⁶Головатий розповів про важливість державних свят [Электронный ресурс] // Інформаційна агенція «ВГОЛОС» – Режим доступа: http://vgolos.com.ua/news/golovatyy_rozpoviv_pro_vazhlyvist_derzhavnyh_svyat_12894.html?print (дата обращения: 01.04.18).

²⁷⁷Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939-1945 років [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/315-19> (дата обращения: 01.04.18).

государственном уровне отмечается один из самых больших праздников государства-агрессора — 9 мая. И зачастую даже попытка как-то повторить то, что делается в России. Я скептически очень отношусь к попытке украинизировать 9 мая. Мне очень не понравилось то, что в этом году состоялась присяга украинских воинов. Считаю это абсолютно неуместным, так как присяга должна происходить два раза в год. [Смеется]. Это День независимости и День защитника Украины. Ничего другого. Попытка такого вот, привносить что-то украинское, это только подпитывает этот праздник»²⁷⁸. В дальнейшем, согласно законопроекту УИНП, планируется изъять 9 мая из числа нерабочих дней и полностью заменить его 8 мая.

Такая же ситуация сложилась и по отношению к 8 марта. Была выдвинута инициатива по исключению его из списка выходных дней и созданию выходного дня 9 марта, в день рождения Тараса Шевченко. Дата была объявлена В. А. Ющенко национальным шевченковским днём, начиная с 2005 г., когда праздновалась 200-летие поэта. В 2014 г. был установлен в качестве выходного новый ноябрьский праздник — День Достоинства и Свободы, назначенный на 21 ноября. Он продолжил недолговременную традицию празднования Дня Свободы, отмечавшегося 22 ноября в честь победы «оранжевой революции», празднования, отмененного В. Ф. Януковичем²⁷⁹. Фактически этот новый праздник выполняет функцию конституирования мифа основания современной политической истории Украины, дополняя День Независимости в качестве даты основания украинского государства. В том же году был восстановлен День соборности Украины, приобретший после событий 2014 г. дополнительный набор смыслов, отраженных в лозунге «Украина — единая страна»²⁸⁰.

²⁷⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, 25.05.2017 г.р., Вятрович, Владимир Михайлович. Директор Украинского института национальной памяти, 1977 г.р. Выступление в Дискуссионном клубе координационной рады «Реанімаційний пакет реформ».

²⁷⁹ Указ Президента України №872/2014 Про День Гідності та Свободи [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/8722014-18001> (дата обращения: 01.04.18).

²⁸⁰ Указ Президента України Про День Соборності України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/871/2014> (дата обращения: 01.04.18).

Вторую модель можно обозначить как синтаксическое переформатирование — это сохранение праздника с переносом его календарной даты, что приводит к выстраиванию новых связей с событиями прошлого. Ярким примером является День защитника отечества, который в 2014 г. указом П. А. Порошенко был перенесен на 14 октября «с целью чествования мужества и героизма защитников независимости и территориальной целостности Украины, военных традиций и побед украинского народа» и фактически переименован в «День защитника Украины». В следующем году он приобрел статус выходного дня²⁸¹. Выбранный день связан с важным для национальной мифологии Украины казачьим мифом — в 1999 г. Л. Д. Кучма объявил 14 октября Днем украинского казачества²⁸². В этот же день отмечается праздник Покрова Пресвятой Богородицы, а представителями националистических взглядов данная дата, ещё до объявления его праздничным днем, ежегодно отмечалась многочисленными акциями как день создания Украинской повстанческой армии (УПА)²⁸³. Можно предположить, что при принятии решения о переносе даты предполагалось, что граждане смогут подобрать для себя более подходящую интерпретацию праздника в зависимости от своих политических убеждений. Ряд информантов отметили, что нынешний праздник оказался для них неприемлем ввиду его символической и исторической связи с ОУН□УПА, и что многие продолжают праздновать 23 февраля, особенно люди старшего поколения.

Третья модель работы с праздниками связана со смысловым перенаполнением праздника, её можно определить как семантическое переформатирование. В рамках этой модели существуют памятные даты и праздники, фокус которых перенаправлен властью на обеспечение символического единства страны. В их число входят День соборности Украины; памятные мероприятия, посвящённые

²⁸¹Указ президента України Про День захисника України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/806/2014> (дата обращения: 01.04.18); Закон України Про внесення зміни до статті 73 Кодексу законів про працю України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/238-19> (дата обращения: 01.04.18).

²⁸²Плохій С. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій – К.: Laurus, 2013. — С. 400□401.

²⁸³Корнилов В. В. Шестипроцентный праздник // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2008. — №12 — С. 31□35.

бою под Крутами, День памяти жертв голодоморов и другие. Они подверглись изменению ввиду конфликта на востоке Украины и политики государства, которые сместили акцент смыслового содержания праздников на образ чужого, посягающего на это единство.

Четвертая модель работы с праздниками — забвение, которое является важным фактором в национальном строительстве. Э. Ренан отмечал, что забвение и искаженное восприятие собственной истории является существенным фактором в процессе формирования нации. Подобная модель взаимодействия с прошлым реализуется по отношению к праздникам 1 и 2 мая, 8 марта, 9 мая, 23 февраля. Этой точки зрения последовательно придерживается УИМП, отстаивая позицию избавления от всего советского периода истории и участия в нем украинского народа. В предлагаемом институте пересказе истории украинцы в советский период оказываются, с одной стороны, жертвами, с другой, — сторонними наблюдателями того, что происходило на территории УССР, а поэтому любые даты, связанные с этим прошлым, необходимо исключить за ненужностью.

Особо стоит отметить ряд памятных дат, которые стремятся ввести исходя из локальных политических целей. Ярким примером тому служат крымские события 2014 г., подтолкнувшие украинские элиты инструментализировать трагические события депортации крымских татар. Постановлением Верховной Рады трагическая дата начала депортаций — 18 мая — на Украине стала «Днем памяти жертв геноцида крымско-татарского народа». Воспроизводится уже привычная по голоду 1932–1933 гг. модель представления трагического события как геноцида и игра на национальном прошлом крымско-татарского меньшинства с целью использовать его для усиления антироссийских настроений²⁸⁴. Таким образом,

²⁸⁴Постанова Верховної Ради України Про визнання геноциду кримськотатарського народу [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/792-19> (дата звернення: 01.04.18).

государственная политика в отношении календаря активно работает как во внутренней, так и во внешней политике²⁸⁵.

Подводя итоги, можно выделить за весь постсоветский период два неравных этапа отношения к праздникам. Первый из них — смешанный или гибридный, просуществовал с 1991 по 2014 гг., когда на примерно равном положении существовали советские праздники и праздники, возникшие после распада СССР. Второй этап — с 2014 г., связан с началом процессов декоммунизации и обсуждением того, как она должна проходить. Это, отчасти, продолжение предыдущего периода, но с постепенным и неизбежно продолжающимся изъятием советских праздников из общегосударственного пользования и переводом практик их празднования на уровень семейной и локальной памяти.

Если для Советского Союза и Советской Украины решение проблемы праздников было во многом связано с религиозными вопросами и борьба шла с православными праздниками, ритуалистикой, религиозной символикой, то для современной Украины это борьба с советским наследием и уже с его праздниками, ритуалами и сакральными объектами. При этом следует отметить, что борьба с советским зачастую является выражением борьбы с «русским», российским присутствием на Украине.

Советский опыт государственной политики подмены больших религиозных праздников на светские памятные дни во многом актуален и применим к сегодняшнему дню. Отказ от советского прошлого побуждает к развитию украинской гражданской религии, связанной с культом жертв голода 1930-х гг., героизацией погибших в результате событий Евромайдана, в ходе проведения АТО. Ритуалистика и смысловая нагрузка «новых» праздников в современной

²⁸⁵ Канада призвала признать геноцидом депортацию крымских татар 1944 года [Электронный ресурс] // «Life.ru» — информационный портал — Режим доступа: https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/912264/kanada_prizvala_priznat_ghienotsidom_dieportatsiiu_krymskikh_tatar_1944_ghoda (дата обращения: 01.04.18); Порошенко призвал Турцию признать депортацию крымских татар в 1944 году геноцидом [Электронный ресурс] // Материк. Информационно-аналитический портал постсоветского пространства – Режим доступа: http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=22960&phrase_id=2313848 (дата обращения: 01.04.18).

Украине оказывается непроработанной, спонтанной и зачастую напрямую использующей шаблоны и модели позднесоветского периода.

§ 2.3. Национальный пантеон героев: проблемы формирования и динамика

Изучение процессов формирования образов героев и канонизация исторических персон тесно связаны с вопросом о власти и её происхождении. Данная проблематика является междисциплинарной, над этими вопросами работают историки, социологи, антропологи и другие представители социальных и гуманитарных дисциплин²⁸⁶. Категория национального героя берет свое начало в предыдущих исторических эпохах. С периода Средневековья и раннего Нового времени начинают складываться современные формы и практики конструирования героических образов. Важную роль в этом процессе играет обращение к античной мифологии, церковной агиографической традиции, практикам придворных празднеств и ритуалов. Современные представления о светских и современных героях становятся возможными благодаря средневековой политическую философию и политическому богословию, положивших начало секуляризации институтов власти²⁸⁷. По мере того как церковь и монархи в этот период начинают терять свою абсолютную власть в политическом поле, то же происходит в пространстве символов²⁸⁸. Все это станет основанием переноса источника легитимности власти от традиционного института монархии, где власть даруется высшими силами, на новую форму, где во главе угла становится нация и те, кто её воплощают²⁸⁹. Таким образом, вместе с христианскими святыми, героями античности, монархами, военачальниками в течение Нового

²⁸⁶Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. — СПб.: Алетей, 2010. — 384 с.; Колоницкий Б. И. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 664 с.; Лефорт К. Формы истории: очерки политической антропологии. — СПб.: Наука, 2007. — 341 с.; Образы российской власти от Ельцина до Путина. / Под ред. Е. Б. Шестопал. — М.: РОССПЭН, 2009. — 416 с.; Тишков В. А. Новая политическая антропология // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Власть в Антропологическом дискурсе. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 2006. — С. 49–56.

²⁸⁷Эльфонд И. Я. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. - М.: Наука, 2008. — С. 423–449; Ямпольский М. Б. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 800 с.

²⁸⁸Бурдьё П. Социология политики. — М.: SocioLogos, 1993. — С. 18.

²⁸⁹Миллер А. И. Нация, или могущество мифа. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — С. 32–33.

времени появляются новые секуляризированные герои: революционеры, поэты, писатели — «будители наций». Работа над их героизацией проходила в форме своеобразной переинтерпретации культурного наследия и социальных практик прошлых эпох через базисные структуры форм воображения, доступных Новому времени, — зарождающиеся СМИ и литературные произведения²⁹⁰. Новый язык, формируемый этими носителями информации, кардинально отличается от политического языка прославления героев прежних лет. Новые тексты написаны на национальных языках, а политическое в них прочитывается более отчетливо, чем в языках прежних эпох.

Как отмечает Б. Андерсон, для формирования современных наций большую роль сыграла такая книжная форма, как роман, в котором категория героя, несущего характеристики, делающие его героем национальным, служит для конструирования национальных идентичностей. В романе герой выступает как принадлежащий к «коллективному телу» нации, воображаемому сообществу и, в тоже время, отвергаем теми, кто не готов ассоциироваться с этим сообществом²⁹¹. Национальные герои становятся воплощением разделения на «Друга» и «Врага» в терминологии К. Шмитта, смысл которого состоит в различении совокупности людей, противостоящей точно такой же совокупности, для которой герой воплощает противоположное значение²⁹². В то же время образы национальных культурных героев могут обретаться в персонажах эпоса и культурных формах прошлого²⁹³. Э. Ренан, говоря о национальном прошлом («культе предков») как об основе национализма, указывает на то, что именно «героическое прошлое, великие люди, слава» являются базисом, без которого невозможно развитие национальной идеи²⁹⁴.

²⁹⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 73.

²⁹¹ Там же. С. 81–84.

²⁹² Шмитт К. Понятие политического. — СПб.: Наука, 2016. — С. 304.

²⁹³ Бучатская Ю. В. Национальная идентичность в Германии: регионализм / национализм / стили жизни // Культурная сложность современных наций. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — С. 121–122.

²⁹⁴ Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. — Киев: Издание Б. К. Фукса, 1902. — С. 87–101.

В наступающей в XIX-XX вв. эпохе массового школьного образования Модерные империи и национализирующиеся государства, в союзе с национально настроенными интеллектуалами, для формирования необходимой лояльности государству и нации через образование, СМИ, систему политической репрезентации власти начинают создавать пантеон национальных героев²⁹⁵. Подобная ситуация повторилась в конце XX в. после распада советского блока. Если, как отмечает Э. Ян, страны Центрально-Восточной Европы во многом вернулись к межвоенному опыту правового государства, политического плюрализма и национального строительства, то новые независимые республики бывшего СССР такого опыта не имели и были вынуждены решать вопросы национального строительства впервые за очень долгое время²⁹⁶.

Логика изменения одобряемого государством исторического нарратива в конце 1980 — начале 1990 гг. диктовала появление пантеона новых героев и пересборки национального согласия по поводу прошлого²⁹⁷. Одним из шагов при построении нации стало обращение к героям, способным консолидировать общество и быть иллюстративным материалом для демонстрации позитивных качеств народа²⁹⁸. Оставшимся у власти украинским номенклатурным элитам, вместе с бывшими диссидентами и национально-демократически ориентированной интеллигенцией, пришлось учиться говорить об историческом прошлом, героях, мифах с позиций, которые ещё недавно были критикуемы ими как буржуазно-националистические. В этот период начинаются открытые дискуссии о том, кто входит в национальный пантеон героев Украины. Данный вопрос неоднократно поднимался в разных исследовательских областях: исследованиях украинского национализма, советской национальной политики,

²⁹⁵ Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. — 2011. — №2. — С. 15□16; Фурман Д. Е. Русские и украинцы: трудные отношения братьев // Украина и Россия: общества и государства. — М.: «Права человека», 1997. — С. 5

²⁹⁶ Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — С. 226□227.

²⁹⁷ Рябчук М. Ю. Герої і лиходії. Розщепленість національної пам'яті та проблема символічної легітимізації держави // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 207.

²⁹⁸ Миллер А. И. Лабиринты исторической политики // Россия в глобальной политике. — 2011. — Т.9. — № 3.- С. 51.

национального строительства, региональной дифференциации, героизации ОУН□УПА²⁹⁹.

В контексте данного параграфа будут рассмотрены основные тенденции восприятия, использования и развития образов знаковых исторических личностей, к которым обращаются разные политические силы, а также вопросы того, как воспринимаются и формируются представления об украинском национальном герое. Важными данными для изучения этого вопроса являются результаты социологических исследований, посвященные восприятию обществом исторических персон. В исследовании 2001 г. Института социологии НАН Украины респондентам было предложено ответить на открытый вопрос: «Кого вы можете назвать национальными лидерами Украины (в течение последних 200 лет)?» (Рис. 12)³⁰⁰. Первые три места заняли Т. Г. Шевченко (24,5%), М. С. Грушевский (21%) и В. М. Чорновил (16%). Из числа советских руководителей шестое место заняли Л. И. Брежнев (6%) и десятое место — В. В. Щербицкий (3%). Из числа личностей националистического пантеона на 8 и 9 местах оказались С. В. Петлюра (4%), С. А. Бандера (3,6%).

²⁹⁹Середа В. В. Регіональні виміри українського соціуму: історичне минуле і національні ідентичності // Агора. Україна – регіональний вимір. Випуск 3. – Київ: Стінос, 2006. – С. 29□41; Середа В. В. Означення героїчного минулого і політика національної ідентичності: за матеріалами львівського дослідження // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2004. – С. 353□356; Фомин А. И. Украина меняет героев // Свободная мысль. — 2008. — №11. — С. 121□134; Фурман Д. Е. Украина и мы. Национальное самосознание и политическое развитие // Свободная мысль. — 1995. — №1. — С. 72; Єсельчик С. Імперія пам'яті: російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. — Київ: Видавництво Часопис «Критика», 2008. — С. 45□53.

³⁰⁰Тихонович В. А. Украина как субъективная социальная реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 147.

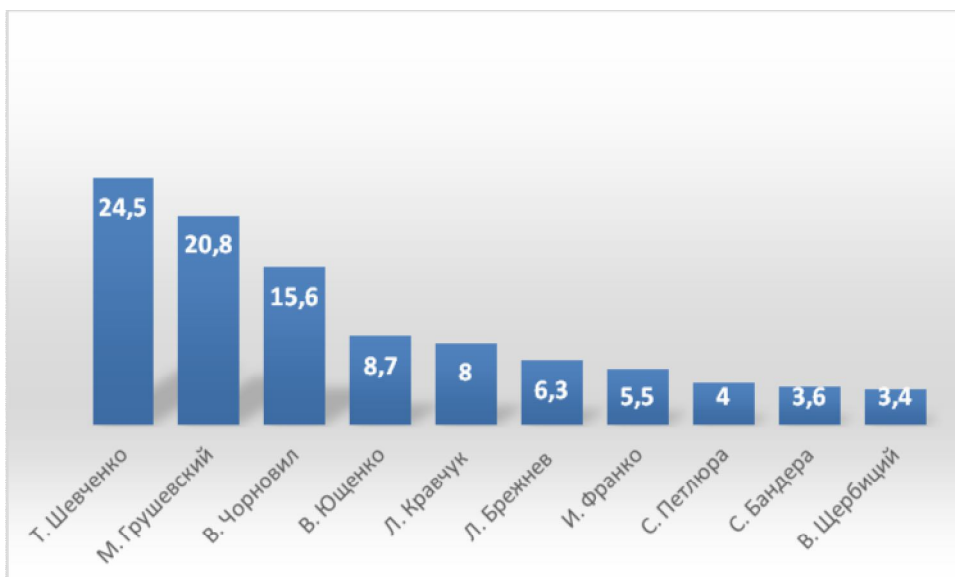

Рисунок 12. Первая десятка людей, которых респонденты обозначили как национальных лидеров, по данным исследования ИС НАНУ 2002 г. (% от общего числа)

В исследовании Research & Branding Group 2009 г., проведенном в рамках проекта «Евразийский монитор», респондентам было предложено высказать свое мнение по поводу предложенного списка из 18 исторических персон, имеющих отношение к истории Украины и России³⁰¹. Респондентами было высказано наиболее позитивное отношение к Ю. А. Гагарину (83%), Г. К. Жукову (60%), А. Д. Сахарову (53%), Л. И. Брежневу (52%). Подобное отношение характерно для всех макрорегионов Украины. Следует отметить, что в отношении фигур украинской истории существует больший разброс мнений. Наиболее позитивно оценивались личности В. М. Черновола (46%), В. В. Щербицкого (35%) и Н. А. Щорса (34%), наиболее негативные оценки получил И. В. Сталин (49%).

Важную роль сыграли региональные различия, в значительной степени поляризовано отношение к таким фигурам, как В. И. Ленин, Н. И. Махно, С. В. Петлюра. В отношении В. И. Ленина 49% жителей юго-востока Украины высказались положительно, а отрицательно — 57% жителей западных областей. К

³⁰¹ Ляшенко О. Исторична пам'ять українців: точки зближення і розриву. Частина 1. Историчні особистості [Электронный ресурс] // Research & Branding Group – Режим доступа: <http://rb.com.ua/ukr/analitics/socym/7285/> (дата обращения: 01.04.18).

деятельности С. В. Петлюры положительно относится 41% жителей запада Украины, а отрицательно — 51% населения юго-востока. Н. И. Махно положительно оценивается 31% жителей западной Украины, а отрицательно — 39% жителей юго-востока (Рис. 13).

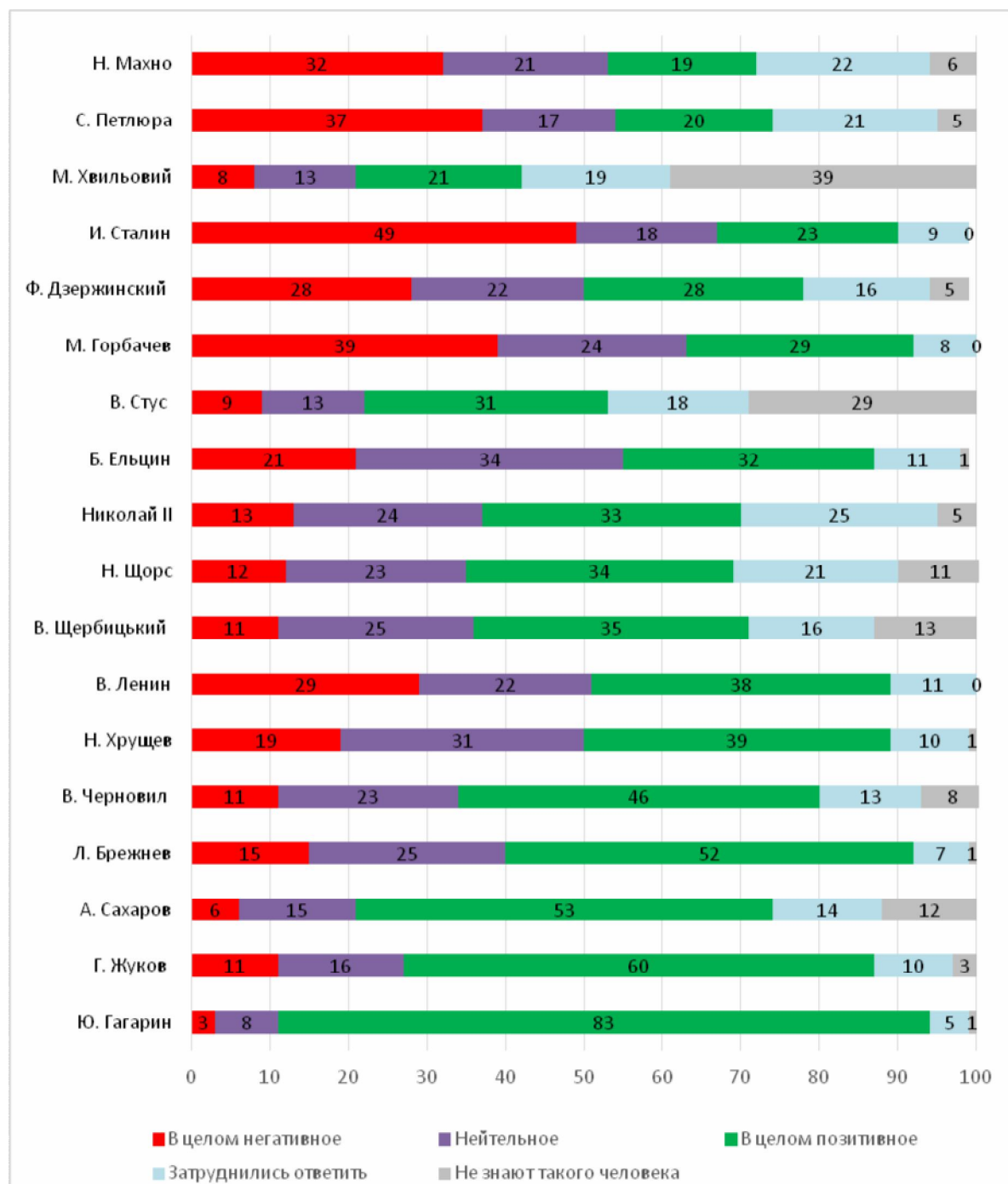

Рисунок 13. Отношение у украинцев к историческим персонам. По данным исследования Research & Branding Group 2009 г. (% к опрошенным)

Социологическая группа «Рейтинг» в рамках проекта «Народный ТОП» в 2012 и 2015 гг. провела исследование, в ходе которого был задан открытый вопрос: «Назовите трех самых выдающихся украинцев всех времен»³⁰². Первые три места заняли Т. Г. Шевченко, Л. Украинка и Б. М. Хмельницкий. В топ-10 не вошли деятели, связанные с советским прошлым, лишь Н. М. Амосов, занявший 11 место в 2012 г. (3,7%), приблизился к этому результату.

За три года увеличилось число людей, назвавших исторических личностей, которых можно отнести к националистическому пантеону героев. С двенадцатого на восьмое место переместился в рейтинге В. М. Черновол, с 3,5% в 2012 г. до 7,6% в 2015 г. С девятого на седьмое место поднялся С. А. Бандера, с 4,3% в 2012 г. до 8,3% в 2015 г. С седьмого на шестое место переместился И. Мазепа, с 5,6% в 2012 г. до 9,3% в 2015 г. С 1,4% до 3,4% выросло число респондентов, упомянувших князя Владимира, что объяснимо политическими манипуляциями периода Евромайдана. Личность и символ князя Владимира Великого неоднократно использовались в информационном пространстве России и Украины, что и вызвало его значительный рост в рейтинге (Рис. 14).

³⁰²Выдающиеся украинцы всех времен [Электронный ресурс] // Социологическая группа «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/vydayuschiesya_ukraincy_vseh_vremen.html (дата обращения: 01.04.18); Выдающиеся украинцы [Электронный ресурс] // Социологическая группа «Рейтинг» – http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/vydayuschiesya_ukraincy.html (дата обращения: 01.04.18).

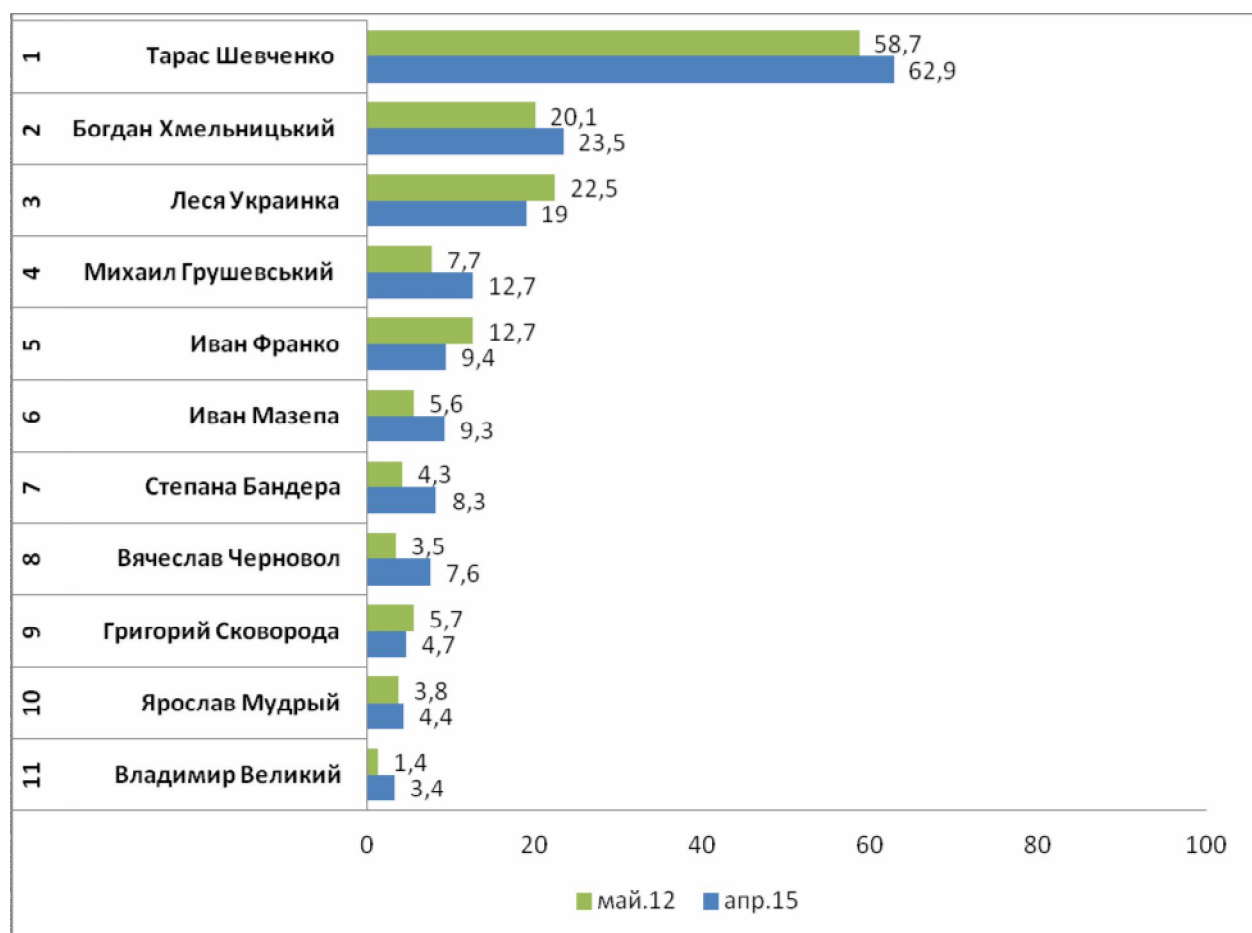

Рисунок 14. Топ-11 исторических персон, названных выдающимися украинцами всех времен в рамках исследования 2012 и 2015 гг., проводимого Социологической группой «Рейтинг»

Исследование 2014–2015 гг. фонда «Демократические инициативы» совместно с социологической службой «Ukrainian Sociology Service» также затронуло данный вопрос. В рамках их исследования был поставлен вопрос о том, кого из исторических деятелей Украины оценивают наиболее положительно/отрицательно. Всего было предложено оценить 18 исторических персон. Наиболее позитивно оцениваемыми из них стали: Ярослав Мудрый — 33%, Богдан Хмельницкий — 32%, Владимир Великий — 31% и Михаил Грушевский — 19%, то есть деятели, удаленные от современности (Рис. 15).

Следует отметить значительные региональные различия: в Галичине первое и на Волыни второе место занимает С. А. Бандера, в общем рейтинге — лишь шестое (12,5%). На Донбассе Петр I занимает первое место, в общем рейтинге —

пятое (12,9%). Говоря о наиболее негативно воспринимаемых исторически персонах, то, если исключить политиков постсоветского периода, занимающих половину первой десятки (1 место — В. Янукович, 3 место — В. Ющенко, 6–8 места П. А. Порошенко, Л. Д. Кучма и Л. М. Кравчук), наиболее негативно оцениваются И. В. Сталин — 39%, В. И. Ленин — 23% и С. А. Бандера — 20% (Рис. 16)³⁰³.

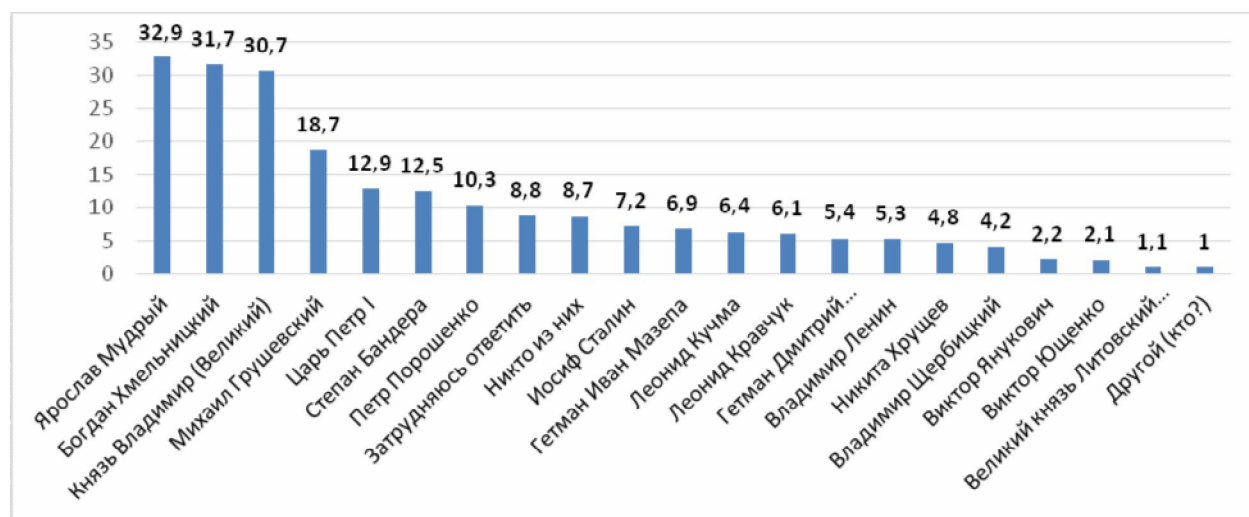

Рисунок 15. Ответы на вопрос «Кого из перечисленных исторических деятелей Украины Вы оцениваете наиболее положительно? (Выберите до 3 деятелей)» по данным исследования фонда «Демократические инициативы» совместно с социологической службой «Ukrainian Sociology Service» 2014–2015 гг.

³⁰³Що об'єднує та роз'єднує українців [Электронный ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи» ім. Ілька Кучеріва — Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IHhXKWHV0eIJ:dif.org.ua/article/shcho-obednue-ta-rozednue-ukraintsiv+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 01.04.18).

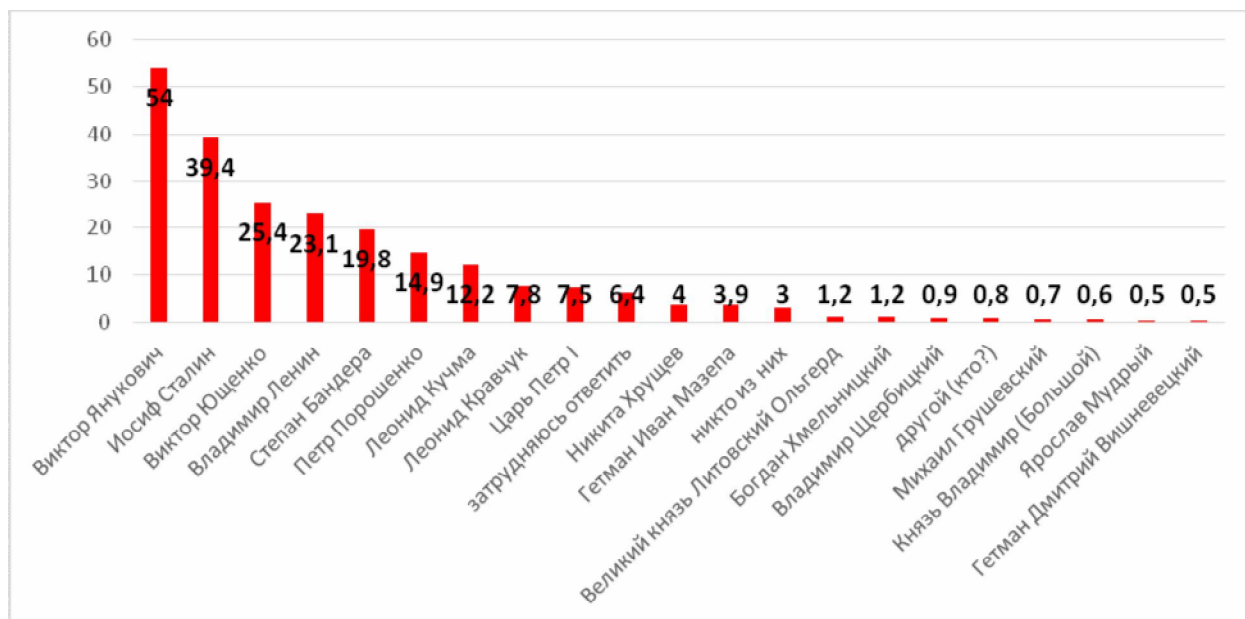

Рисунок 16. Ответы на вопрос «А кого из перечисленных исторических деятелей Украины Вы оцениваете наиболее негативно? (Выберите до 3 деятелей)» в рамках исследования фонда «Демократические инициативы» совместно с социологической службой «Ukrainian Sociology Service» 2014-2015 гг.

Данные социологических исследований позволяют зафиксировать две методики их построения, прямо влияющие на результаты. Первая предлагает информантам открытый вопрос, дабы они сами назвали определённое количество персон, вторая преподносит респондентам список людей, в отношении которых необходимо выразить свое мнение. Каждая из моделей имеет свои очевидные плюсы и минусы, но вторая модель фактически лишает человека возможности высказаться, искажая тем самым результат.

Вместе с тем эти исследования дают возможность выделить несколько основных тенденций, проявляющихся в сфере изменения национальной идентичности. За постсоветский период происходит увеличение числа тех, для кого герои националистического пантеона являются воплощением национальных героев Украины. Особое влияние на это оказали события политического кризиса и военного конфликта 2013–2014 г., что обусловлено радикализацией политического дискурса и риторикой СМИ, когда были актуализированы герои,

связанные не столько с военными победами, сколько с движением сопротивления против «чужого», олицетворяемого Россией. Корни подобного роста и позитивного отношения к героям националистической версии истории лежат в политике героизации членов ОУН□УПА, которая особо ярко воплотилась в период президентства В. А. Ющенко. В 2006 г. к 64-й годовщине ОУН□УПА был принят резонансный указ «О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения». Его целью были заявлены консолидация и развитие украинской нации, установление исторической справедливости в отношении участников украинского освободительного движения, содействие процессу национального примирения и взаимопонимания, восстановления национальной памяти³⁰⁴.

Подобная формулировка реабилитации и оправдания ОУН□УПА содержит в себе яркую иллюстрацию состояния дискуссии о национальной памяти в этот период. Здесь мы видим сведение нации к её западноукраинской форме культурного национализма, отрицающей за русскоязычным юго-востоком права на инаковость и «историографическую травму», выраженную в представлении об украденной памяти³⁰⁵. Сам указ предполагал масштабную программу по пропаганде ОУН□УПА в рамках таких мероприятий, как издание книг, создание фильмов и документально-публицистических передач, «проведения соответствующей разъяснительной и просветительской работы, в частности в средствах массовой информации». В школьных программах по истории было усилено внимание к темам «геноцида украинского народа — Голодомора 1932□1933 годов», массовых репрессий коммунистической власти 1920-1950-х гг., борьбы Организации украинских националистов и Украинской

³⁰⁴ Указ Президента України Про все бічне вивчення та об'єктивне висвітлення діяльності українського визвольного руху та сприяння процесу національного примирення [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/879/2006> (дата обращения: 01.04.18).

³⁰⁵ Щербак С. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 200.

повстанческой армии, противостоянию диссидентского движения тоталитарному режиму³⁰⁶.

Было реализовано то, что сухим языком указа обозначено как «обеспечить обновление музейных экспозиций», в рамках чего музеи были обязаны создать экспозиции, посвященные УПА. В 2007 г. в честь 65-летия со дня создания УПА за «выдающийся личный вклад в национально-освободительную борьбу за свободу и независимость Украины» посмертно было присвоено звание героя Украины Роману Шухевичу³⁰⁷. В том же 2007 г. году В. А. Ющенко инициировал создание музея советской оккупации в г. Киеве³⁰⁸. Президент стремился приравнять на государственном уровне ветеранов Красной армии к членам ОУН-УПА и ежегодно поздравлял ветеранов ОУН-УПА с годовщиной УПА³⁰⁹. Однако ввиду протестов и общественно-политического противодействия указ «О чествовании участников борьбы за независимость Украины в XX в.» был принят лишь в конце президентского срока³¹⁰. Вместе с этим указом в 2010 г. было присвоено звание героя Украины С. А. Бандере³¹¹. Подобные действия и их формулировки были встречены негативно, в особенности представителями юго-востока Украины.

В 2006 г., согласно исследованию Киевского международного института социологии, идею реабилитации УПА поддерживали 21% опрошенных, «против» высказалось 52%, ещё 27% затруднились ответить. В 2007 г., по данным исследования R&B, идею празднования 65-летней годовщины УПА поддерживали

³⁰⁶ С осени официальная пропаганда относительно Голодомора-геноцида и деятельности ОУН-УПА будет усилена // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2009. — №11-12. — С. 3.

³⁰⁷ Указ Президента України Про присвоєння Р. Шухевичу звання Герой України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/965/2007> (дата обращения: 01.04.18).

³⁰⁸ Ющенко откроет Музей оккупации [Электронный ресурс] // Интернет-газета Взгляд – Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2007/3/2/70721.html> (дата обращения: 01.04.18); Ющенко передаст свой партбилет в музей советской оккупации? [Электронный ресурс] // РИА «Новый день» – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kyiv/123762.html> (дата обращения: 01.04.18).

³⁰⁹ Президент Украины поздравил националистов с годовщиной создания повстанческой армии [Электронный ресурс] // Интернет-издание NEWSru.com – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/14oct2006/ushen.html> (дата обращения: 01.04.18).

³¹⁰ Указ Президента України Про вшанування учасників боротьби за незалежність України у XX столітті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/75/2010> (дата обращения: 01.04.18).

³¹¹ Указ Президента України Про присвоєння С. Бандері звання Герой України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/46/2010> (дата обращения: 01.04.18).

лишь 25%, против высказались 49%³¹². Вместе с тем информационная и пропагандистская работа периода В. А. Ющенко не прошла бесследно, прервав постепенное развитие украинского инклюзивного гражданского национализма. Как точно выразился историк А. И. Миллер, «Ющенко сорвал резьбу», подорвав доверие к украинскому национальному проекту как таковому³¹³. Именно в период правления третьего президента Украины возникают такие протосепаратистские организации, как «Донецкая Республика», Народный фронт «Севастополь — Крым — Россия», Одесская партия «Родина», противопоставляющие себя украинскому национализму и президенту как его воплощению и требующие федерализации и обеспечения прав на русский язык. Члены этих объединений сыграют свою роль в событиях Евромайдана и конфликта на востоке Украины.

Героизация ОУН–УПА вызвала усиление конфронтации среди элит, а также получила крайне негативную оценку как внутри страны, среди профессиональных организаций, так и в международном сообществе³¹⁴. При В. Ф. Януковиче был отменен ряд постановлений, но часть указов В. А. Ющенко, касавшихся пропаганды ОУН–УПА и Голодомора, не были отменены³¹⁵.

Выход на качественно новый уровень произошел после 2013 г., когда был принят закон «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в

³¹² Героизация бандеровцев не поддерживается народом // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2007. — №5. — С. 31.

³¹³ Русско-украинский диалог: продолжать нельзя прекращать [Электронный ресурс] // Газета 2000 – Режим доступа: <http://www.2000.ua/mnenija/intervyu/russko-ukrainskii-dialog-prodolzhat-nelzja-prekrashat.htm> (дата обращения: 01.04.18).

³¹⁴ Президент Украины приравнял бандеровцев к ветеранам ВОВ. Левые в шоке [Электронный ресурс] // Интернет-издание NEWSru.com – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/16oct2006/viktor.html> (дата обращения: 01.04.18); Правительство Януковича не будет исполнять указ Ющенко о реабилитации украинских националистов [Электронный ресурс] // Интернет-издание NEWSru.com – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/19oct2006/yanukovich.html> (дата обращения: 01.04.18); European Parliament resolution of 25 February 2010 on the situation in Ukraine [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европарламента – Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0035+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения: 01.04.18); Россия назвала позорным присвоение Бандере Героя Украины [Электронный ресурс] // ИА "Українські Новини" – Режим доступа: <https://ukranews.com/news/24115-gossyu-pazvala-rozornym-prysvoenye-bandere-geroya-ukraynu> (дата обращения: 01.04.18); Открытое письмо участников научных чтений «Попытка реабилитации ОУН–УПА – преступление против Великой Победы» г. Киев 13 октября 2008 г. // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2008. — №12. — С. 3; В Запорожье представители КПУ атаковали выставку, посвященную УПА // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2008. — №14. — С. 2.

³¹⁵ Ющенко выиграл суд у Витренко [Электронный ресурс] // Информационное агентство ЛІГА Бізнес Інформ – Режим доступа: <http://news.liga.net/news/politics/543373-yushchenko-vyigral-sud-u-vitrenko.htm> (дата обращения: 01.04.18).

XX веке». Данный закон стал потенциальной дубинкой борьбы с оппозицией и несогласными инструментами нового политического статуса ОУН–УПА. Он дал возможность государству устанавливать пределы дозволенного в сфере исторической памяти. Таким образом, была обеспечена законодательная защита от инакомыслия по поводу ОУН–УПА; кроме уравнивания статуса участников националистического сопротивления и ветеранов Великой Отечественной войны, стало уголовно наказуемым публичное отрицание факта правомерности борьбы за независимость Украины в XX столетии, что признается надругательством над памятью борцов за независимость Украины и унижением достоинства Украинского народа³¹⁶.

Говоря о героях националистического нарратива, нельзя не отметить, что в ходе полевого исследования во многих интервью информанты, вне зависимости от своих политических взглядов, когда начинался разговор о героях Украины, стремились затронуть тему отношения к С. А. Бандере. Тема этой исторической личности в качестве национального героя Украины стала медийной и разыгрывалась ещё задолго до событий конфликта на востоке Украины³¹⁷. В событиях 2013–2014 гг. этот образ активно использовался оппонентами для демонизации сторонников Евромайдана и создания негативного образа пришедшей к власти на Украине в результате государственного переворота контрэлиты. В отношении темы С.А. Бандеры была избрана стратегия доведения обвинений *ad absurdum*, что вместе с тем было использовано для нормализации и героизации этой личности. Таким образом, тема вышла за рамки персоны С. А. Бандеры и даже более того — личность оказалась в меньшей степени интересной для людей, которые её обсуждали³¹⁸. Примером того, как глубоко в общественное сознание вошла тема с С. А. Бандеры, стало расширение употребления в языке

³¹⁶Закон України Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-19> (дата обращения: 01.04.18).

³¹⁷Героизация бандеровцев не поддерживается народом // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2007. — №5. — С. 31; Указ Президента України Про присвоєння С. Бандері звання Герой України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/46/2010> (дата обращения: 01.04.18)

³¹⁸ Касьянов Г. Баканов А. Степан Бандера антифашист или нацистский преступник // Русско-украинский исторический разговорник: Опыты общей истории. – М.: Новое издательство, 2017 — С. 178.

пейоратива *бандеровец* (-вка, -вцы). Он изначально создавался как доминанта дискурса делегитимизации в форме оскорбления всего украинской политической системы, и/или ультраправой его части, и/или в целом украинцев,³¹⁹ постепенно став больше, чем ироническим самоназванием:

«М. Б.: Не только правого сектора, правому сектору была сделана огромная реклама, в принципе, понятно, зачем он был нужен российскому ТВ. Да. Это было прекрасное пугало.... И все-таки тогда российское телевидение было куда более доступно. Не было официального отказа от российских телеканалов. И раз они так плохо говорят о правом секторе — значит, в нем что-то есть. На постоянное называние протестующих, например, бандеровцами я лично начал встречать распространенную реакцию: «раз они говорят, что мы бандеровцы, наверное, мы такие и есть бандеровцы».

А. П. Мы ими и будем?

М. Б. Да, очень многие при этом нам говорили, «слушайте, еще в школе нас учили, что бандеровцы делали то-то во время и после Второй мировой войны, мы сейчас видим, что они рассказывают о нас... Возможно, тут такая же фигня, как и эта?» Но, конечно, важна была эта апроприация некоторого ярлыка, при том, конечно же, те же самые люди, когда я их спрашивал, что вы знаете о Бандере, об его идеологии — практически ничего. Это была, по большей части, чисто апроприация от противоположного, и это получило довольно массовый характер»³²⁰

С. А. Бандера стал символом не только ультраправых, для которых он был и остается ключевой фигурой героического пантеона. Данная языковая игра добавила ультраправым если не сторонников, то людей, которые изменили свою позицию по отношению к ним на более нейтральную. Языковая игра такого рода вышла за пределы иронического высказывания и, во многом, оказалась одной из

³¹⁹ Остапчук О. А., Курохтина Т. Н. Этнофолизмы в языке и политическом дискурсе эпохи пост-Майдана (на материале русского и украинского Интернет-пространства) // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. — М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 293–294.

³²⁰ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».

направляющих векторов политики, сфокусированной на создание как можно большего числа случаев, где было возможно заставить Россию реагировать:

«Я понимаю, почему переименовали Московский проспект в проспект Бандеры — потроллить, это я понимаю. У кого-то из зубов идет кровь, но идет она от глупости. До того, как в 1939 г. наши дедушки не пришли на чужую землю устанавливать свои порядки, Бандера не имел никакого отношения к Советскому Союзу и конфликтов не имел»³²¹.

Следует отметить, что тенденция улучшения отношения к С. А. Бандере отражается и в общественном мнении. За последние пять лет происходит следующее: если в 2012 г. негативное отношение к нему высказали 58% опрошенных, то в 2016 г. число таковых уменьшилось до 46%, при том, что число тех, кто позитивно относится к его фигуре, выросло с 22% до 35% в 2016 г. (Рис. 17)³²².

Рисунок 17. Как вы относитесь к такой фигуре, как Степан Бандера? (По данным исследований Социологической группы «Рейтинг», 2012–2016 гг.)

³²¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, 24.05.2017 Я.В., 1963 г.р.

³²² Ностальгія за СРСР та ставлення до окремих постатей [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/nostalgiya_po_sssr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html (дата обращения: 01.04.18); Динаміка ностальгії за СРСР [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/nostalgiya_po_sssr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html (дата обращения: 01.04.18); Динаміка ностальгії за СРСР [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: <http://ratinggroup.ua/research/ukraine/c910ad1d40079f7a2a28377c27494738.html> (дата обращения: 01.04.18).

Вместе с тем необходимо отметить сильную региональную дифференциацию в отношении этого исторического персонажа. Подавляющее большинство тех, кто позитивно воспринимает С. А. Бандеру, — жители западных областей, хотя за последние несколько лет мы видим значительное улучшение отношения к нему в восточных областях — с 5,5% в 2014 г. до 13% в 2016 г. (Рис. 18). Среди информантов те, кто называл С. А. Бандеру в качестве национального героя, также говорили о героях националистического исторического нарратива. Среди них были названы такие исторические личности, как митрополит Андрей (Шептицкий), члены ОУН□УПА Евгений Коновалец, Роман Шухевич, деятели периода УНР и директории — Симон Петлюра, Петр Болбачан, и другие.

«Я бы поставил [памятник] Роману Шухевичу, Горчевскому. Они много делали, чтобы развить украинскую государственность»³²³;

«...Большое число этих героев, первой Украинской революции 1917–1920 годов. Это же полковник Болбачан, Петлюра, Омелянович-Павленко. Во [время] Второй мировой Коновалец, Бандера, Ковалец. Сейчас герой это все те, кто работает на благо Украины»³²⁴;

«Бандеру, а почему? Он родился у нас. Он сам и его соратники зародили в нас уважение к самостоятельной Украине и посеяли зерна этой независимости и самостоятельности. Он никого не убил. Его судили российские НКВД, поляки к смертной казни приговорили, немцы в концлагере три года держали. А он нигде не согрешил. Нигде не отказался от своих идей. Был украинцем. За нашу самостоятельную страну»³²⁵.

³²³ Полевой материал экспедиции автора в г. Борщев Тернопольская область, Украина 24.04.2017 А. А., 1999 г.р.

³²⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев — Каменец (Черновецкая область), Украина, 20.05.2017 г, П. Б. 1962 г.р.

³²⁵ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017, Л. Г. 1947 г.р.

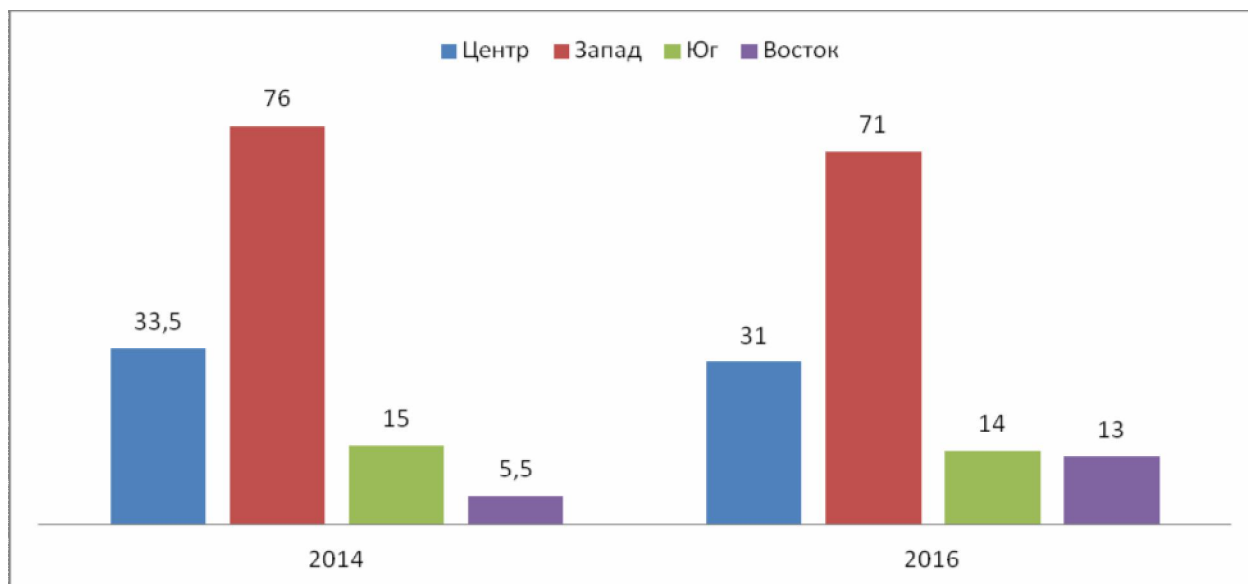

Рисунок 18. Региональные особенности среди тех респондентов, кто ответил на вопрос «Как Вы относитесь к такой фигуре, как Степан Бандера?» «позитивно» или «скорее позитивно». (По данным исследований Социологической группы «Рейтинг», 2014–2016 гг.)

Вторая тенденция состоит в том, что герои, связанные с общей историей с советским прошлым и Россией, оказываются неактуализированными и вытесняемыми из числа социально одобряемых. Притом что к ряду исторических персон отношение остается комплементарным, некоторые исторические персонажи, являющихся важными и значимыми для части общества, оказались вычеркнуты из исследований. Необходимо отметить ряд причин, которые привели к сложившемуся положению.

В большинстве исследований первые позиции общенациональных фигур возглавляют Тарас Шевченко, Богдан Хмельницкий, Ярослав Мудрый. Эти персоны входили как в советский украинский исторический нарратив, так и в национальный исторический нарратив Украины и оказались компромиссными фигурами, но в этом же заключается и их проблема. Ряд национальных героев, которые ранее использовались в рамках советского украинского исторического нарратива, оказались приватизированы другими политическими группировками. Для советско-ностальгического нарратива Богдан Хмельницкий, Тарас Шевченко, Иван Франко, Леся Украинка также являются героями, но оживить пафос

проблематики угнетенного положения тех или иных социальных групп и классов в постсоветский период оказалось сложнее, чем использовать эти же образы и их произведения в качестве воспевания независимости страны и народа.

Часть исторических персонажей оказываются уже задействованы в российской исторической политике. Однако после 2014 г. подобные апелляции к данным историческим персонам, связанным с Россией, оказываются за рамками легитимного политического высказывания. Получается, что ряд имен, таких как С. П. Королев, Н. М. Амосов и другие, неразрывно связаны не только с Украиной, но и с СССР, и, как следствие, — с Россией, активно позиционирующей себя его преемницей, что не может не вызывать трудностей с данными героями.

«Много талантливых конструкторов и, в том числе, даже деятелей литературы. Хотя некоторые из них приписываются к российским писателям, например (смеется). Но, тем не менее...»³²⁶.

Ещё одна предпосылка данной тенденции — это постепенное ухудшение отношения к Советскому Союзу и советскому прошлому. Подобное негативное отношение формируется ввиду того, что в рамках политического дискурса постсоветской Украины советское прошлое — это тяжелое наследие со знаком минус. Подобный образ был сформирован в рамках исторической политики Украины, которая формулирует образ СССР как тоталитарного государства с 1917 по 1991 гг., ответственного за все плохое, происходившее на территории Украины. Подобная позиция становится активно повторяемой в рамках общеукраинской кампании в СМИ по уничтожению позитивного образа советского и российского прошлого после 2013 г., а также в силу естественных демографических причин. Число тех, кто сожалел о распаде СССР, по сравнению с 2010 г. сократилось на 11%. (Рис. 8).

Всего героев советско-ностальгического нарратива можно разделить на несколько групп, и первая из них — это политические деятели советских времен.

³²⁶ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 21.06.2017, Л. С. 1993 г.р.

В их число входят личности общесоветского и общеукраинского масштаба, такие как В. И. Ленин, И. В. Сталин (при сохраняющемся крайне негативном отношении (Рис. 19)), В. В. Щербицкий и другие. Другая часть — это герои периода Великой Отечественной войны: военные, генералы, зачастую воспринимающиеся обезличено, как некий коллективный герой. Из исторических персон упоминаются отдельные известные герои, такие как Иван Кожедуб, Яков Гордиенко, Николай Ватутин и другие:

«У меня сейчас в голове есть имя Иван Кожедуб, да, известный лётчик, который много, много сбивал самолетов... Это один из представителей. Опять же есть много имен — Рокоссовский, Жуков, много маршалов, много генералов, которые могут быть там выходцами, я просто могу ошибиться. Т.е. в общем и целом — герои Великой Отечественной»³²⁷.

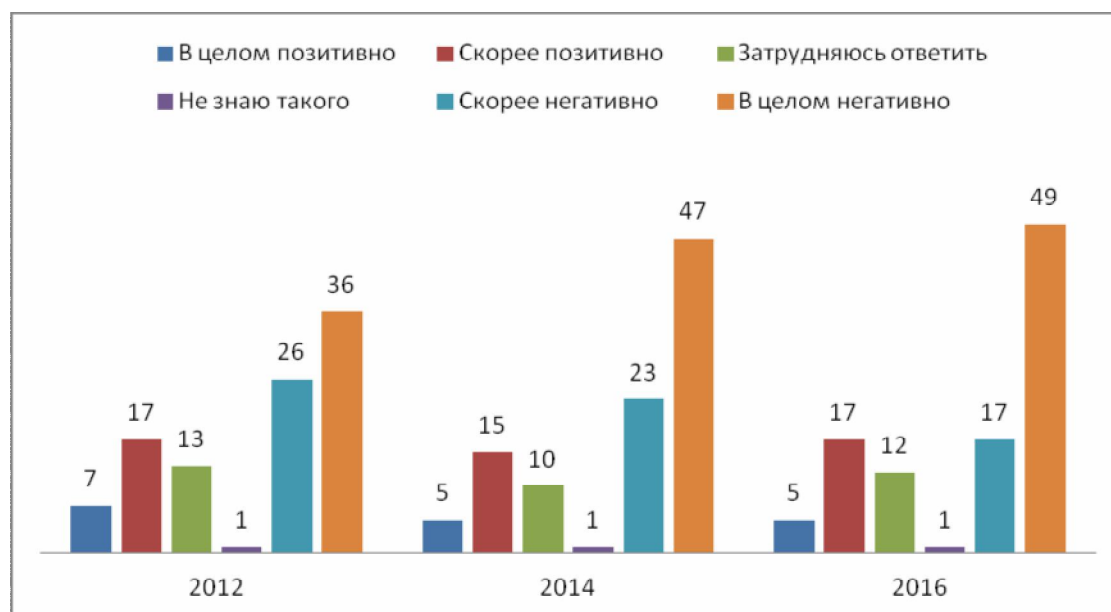

Рисунок 19. «Как вы относитесь к такой фигуре, как И. В. Сталин?» (По данным исследований Социологической группы «Рейтинг», 2012–2016 гг.)

Третья часть связана с великими учеными и достижениями Советского Союза в сфере науки и техники, промышленности и развития страны:

³²⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев (Краматорск), 24.05.2017, Д. П. 1992 г.р.

«...для Одессы — Яша Гордиенко, партизаны местные. На память не вспомню советских героев... Гастелло, например, Патон — инженер, Амосов. Королев. В принципе для меня по большей части героями не являются те герои, которые являются героями для западной Украины»³²⁸.

Советский период в рамках данного нарратива в целом воспринимается как светлая страница истории вместе с «героями», пусть не названными, но которые занимались развитием промышленности, сельского хозяйства, производства, культурной сферы: *«Стройка пошла и все люди, они как вместе, и все такие дружные, и они все как бы за общее дело! И мне казалось то, что: «Ух ты! Да! Это так классно! Наконец-то!»³²⁹.*

Среди национальных героев важными и популярными остаются персонажи казацкого мифа, воплощающие в себе государственные традиции полуанархической казацкой силы³³⁰. Доминирующую роль здесь играет Богдан Хмельницкий, но ввиду того, что он главный узнаваемый персонаж среди казаков, другие фигуры этого времени фактически не опознаются и сливаются в некоторый абстрактный образ казака, которому свойственно приписывать такие качества, как демократизм, независимость, в целом воплощение национального духа:

«Пусть это будет что-то казацкое — Сырко, образ Казака. Это сейчас было бы неплохо, они, запорожцы, были свободолюбивые. Самое начало казачества было самое хорошее время»³³¹;

«Богдан Хмельницкий, если взять его, он боролся, он хотел, наверное, что-то. Такой эфемерный человек между Шевченко в литературе, Хмельницким в политической деятельности, такое».³³²

³²⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Москва 25.03.2017 г. И. Ф. 1987 г.р.

³²⁹ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков 26.06.2017 г., А. А., 1995 г.р.

³³⁰ Фурман Д. Е. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль — 2004. — Т. XXI. — №10. — С. 20

³³¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 17.01.2017 г., В. В., 1993 г.р.

³³² Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 17.06.2017 г., А. В. 1999 г.р.

Третья тенденция исходит из упоминавшейся региональной дифференциации и усугубившего её конфликта на востоке Украины³³³. В ходе полевой работы подавляющее большинство информантов в разговоре о героях актуализировали тему раскола страны, её разобщённости. Высказывалось ощущение чрезмерной политизированности общества и необходимости найти героев, примиряющих и не вызывающих политических конфликтов. Так, выбор того или иного национального героя фактически приравнивается к необходимости сделать политический выбор и актуализировать свою идентичность и политическую позицию. Чтобы избежать этого выбора, респондентами выбирались нейтральные герои:

«Не хочется революционеров приводить к национальным героям. Можно выделить из поэтов Гоголя, он был, насколько я знаю, 50 на 50, и русским, и украинским. Потому что он родом с Украины и писал он много про Украину. И поэт он достаточно хороший, в политику не ввязывался, революций не делал, это на сегодняшний день уважается...»³³⁴

«Тарас Шевченко мог бы быть, мое мнение, героем, Иван Франко мог бы быть, то есть делать все-таки уклон на людей искусства, на людей литературы. То, что не будет вызывать таких жестких разногласий, потому что общество у нас все равно неоднородное, оно очень политизированное, накаленное, все-таки больше уходит в сторону культуры и искусства»³³⁵.

Одна из форм этой тенденции состоит в конструировании образа героя как «близкого» и «своего», суть которого в отказе от героев прошлого и формировании образа героя не как далекого и возвышенного, а как существующего в реальности рядом с тобой:

³³³ Задорожнюк Э. Г., Фурман Д. Е. Украинские регионы и украинская политика // Украина и Россия: общества и государства. — М.: «Права человека», 1997. — С. 40-42

³³⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 23.05.2017 г., А. Г. 1989 г.р.

³³⁵ Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 18.06.2017, Я. С. 1997 г.р.

«Двадцатилетний призывник, который сейчас стоит в армии и защищает страну»³³⁶;

«Я бы сказала, что, если говорить о сегодняшнем дне, ощущении, восприятии, для меня это скорее собирательный образ человека, который с оружием в руках борется за независимость. Он не имеет имени. В моем восприятии он как собирательный герой»³³⁷;

«Мой брат, а не кто-то «великий». Я не воспринимаю этих людей, много фальши»³³⁸.

При этом ряд информантов отметили, что сама категория национального героя воспринимается как нечто советское, поскольку данное понятие в современном значении задано советской политикой национального строительства, и, несмотря на процесс декоммунизации, советские практики героизации продолжают, что видно на примере культа Т. Г. Шевченко³³⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что в течение постсоветского периода происходит рост известности и популярности исторических личностей из числа националистического пантеона героев. Причиной подобного положения стали региональная дифференциация коллективной памяти, активно проводимая в период В. А. Ющенко героизация ОУН□УПА, военный конфликт на востоке Украины, усиливший обращения к теме борьбы и победы, уход пропаганды от позиции жертвы и виктимизации ввиду необходимости создания группы героев победителей и борцов, а не побежденных. Насущная потребность проецирования на участников АТО успешного исторического опыта вооруженной борьбы требует активного привлечения героев националистического нарратива.

С одной стороны, происходит забвение героев, связанных с советским прошлым и Россией, с другой стороны, национализация и оправдание героев, тем

³³⁶ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 24.05.2017, Гайдукевич Анастасия Віталіївна начальник відділу музейної справи Управління інституційного забезпечення політики національної пам'яті, Щорічна 1982 г.р.

³³⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017, В. К.

³³⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 11.06.2017, И. Х. 1966 г.р.

³³⁹ Фурман Д. Е. Русские и украинцы: трудные отношения братьев // Украина и Россия: общества и государства. — М.: «Права человека», 1997. — С. 9.

или иным образом с ней связанных. В качестве символов украинского национализма перенимается ряд героев советско-ностальгического нарратива.. В СМИ происходит демонизация и дегуманизация образа России и личностей, представляющих общее прошлое России и Украины, вытеснение при помощи законодательства альтернативных националистическому исторических повествований.

Складывается ситуация, при которой каждая историческая фигура уже распределена между политическими лагерями, и собственный выбор той или иной исторической личности — это не некое личное отношение, а акт политической идентификации. В обществе формируется запрос на нейтральных героев, связанных с культурой, наукой, образованием, примиряющих, а не раскалывающих общество.

Глава III. Радикальный украинский национализм и инструментализация прошлого

§ 3.1. Государство, элиты и радикальный национализм

Вопрос о месте радикального национализма в политической системе страны связан с реализацией государством исторической политики. Именно правые и националистические политические силы активно обращаются к возможностям политической инструментализации истории как политического и идеологического инструмента³⁴⁰. Это накладывается на ситуацию «постсоциалистического состояния», при котором в странах бывшего советского блока требования признания групповых различий звучат более сильно, чем требования социальной справедливости³⁴¹. Что, в свою очередь, рядом исследователей рассматривается как часть общеевропейского тренда, называемого «правым поворотом», когда право-популистские и националистические партии усиливают свое влияние на политические системы европейских стран³⁴². Как отмечает А. Умланд, до 2012 г. проблема ультраправых на Украине не получала достойного научного изучения в силу ряда причин: слабой институционализированности украинистики как научного направления, ангажированности и симпатий части исследовательского сообщества к националистической риторике, отсутствия достойных

³⁴⁰ Миллер А. И. Вызов из прошлого. Историческая политика: витки спирали в Восточной Европе начала XXI века // Россия в глобальной политике — 2011 — №5 — С. 30.

³⁴¹ Кирюхин Д. Мультикультурализм, национализм и идентичность: украинский контекст // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 200.

³⁴² Mudde C. Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? // European Journal of Political Research — 2013. — Vol. 52. — Issue 1. — P. 1–19; Funke M., Schularick M., Trebesch C. Going to extremes: Politics after financial crises, 1870-2014 // European Economic Review — 2016. — Vol. 88(c). — P. 227–260; Norris P. Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market. — New York: Cambridge University Press, 2005. — 349 pp.

социологических исследований, трудности становления политической науки на постсоветском пространстве³⁴³. Всё это остается актуальным и сейчас.

Вместе с тем необходимо выделить ряд отечественных и зарубежных авторов, которые исследуют тему украинского радикального национализма в разных её аспектах. Вопросам истории постсоветского развития радикальных националистических движений, воплощению украинского национализма в политической системе Украины, партийному строительству посвящены работы Е. С. Андрищенко, В. Н. Бабенко, С. О. Бышока, А. В. Кочеткова, Т. Кузьо, В. М. Кулыка, В. Р. Секачева, А. Умланд³⁴⁴. Украинский национализм в Канаде, репрезентация культа ОУН-УПА рассматриваются в работах Дж. Армстронга, П.А. Рудлинга, Дж. П. Химки³⁴⁵. Политического радикализма и неоязычества касаются исследования А. Ивахива, В. А. Шнирельмана³⁴⁶. Проблемы антисемитизма в контексте радикального украинского национализма освещаются

³⁴³Умланд А. Исследования современных украинских ультранационалистических партий – с чистого листа: четыре причины недостаточного изучения постсоветских праворадикальных движений в Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – 2013. — № 1. — С. 12–16.

³⁴⁴Андрищенко Е. С. Конфлікти, розколи і спроби об'єднання в українському націоналістичному русі (1990–2005 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2012. — Вип. 32. — С. 297–302; Андрищенко Е. С. Українські праворадикальні організації у контексті суспільно-політичних процесів (кінець 1980-х — 2015 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук : (07.00.01) / Е. С. Андрищенко; Запоріж. нац. ун-т. — Запоріжжя, 2015. — 20 с.; Бабенко В. Н. Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия // Журнал «Россия и современный мир». — 2014. — № 2В(83). — С. 211–221; Бышок С. О., Кочетков А. В. Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. — М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. — 480 с.; Бышок С. О. Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. — М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2013. — 352 с.; Kuzio T. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence. The Right and its Politics, 1989–1994 // Nationalities Papers. — 1997. — № 2. — P. 211–242; Kuzio T. Populist-Nationalists in Ukraine // Ukraine Analyst. — 2009. — Vol. 1. — №16. — P. 1–4; Кулык В. М. Национализм в Украине. 1986–1996 гг. // Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т.2. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 101–127; Секачев В.Р. Украинский национализм и украинцы // Социальное согласие против правового экстремизма - М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. — С. 313–344; Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994–2009 гг. // Ab Imperio. — 2010. — № 2. — С. 219–247; Экспертный доклад «Экстремизм в украинской политике, обществе, СМИ и силовых структурах». Выпуск I. — М.: Международная организация по наблюдению за выборами CIS-ЕМО, 2015. — 256 с.

³⁴⁵Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. — М.: Центрполиграф, 2014. — 368 с; Rudling A. Multiculturalism, Memory, and Ritualization: Ukrainian Nationalist Monuments in Edmonton, Alberta // Nationalities Papers. — 2011. — Vol. 39. — №5. — P. 733–768; Rudling P. A. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology // Canadian-Slavonic Papers. — 2006. — Vol. 48. — № 1–2. — P. 81–119; Rudling A. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of the OUN–UPA (the Organization of Ukrainian Nationalists — the Ukrainian Insurgent Army) // East European Jewish Affairs — 2006. — Vol. 36. — №2. — P. 163–189; Himka J.P. War Criminality: A Blank Spot in the Collective Memory of the Ukrainian Diaspora // Spaces of identity — 2005. — Vol.5 — №1. — P. 9–24.

³⁴⁶Ivakhiv A. In Search of Deeper Identities Neopaganism and «Native Faith» in Contemporary Ukraine // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. — 2005. — Vol. 8. — №3 — P. 7–38; Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал. — М.: ИЭА РАН, 1998. — С. 11–13; Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире. Т.2. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — С. 158–208.

в работах С. Л. Авербуха, Л. Дымерской-Цигельман, В. А. Лихачева, Л. Файнберга, В. А. Шнирельмана³⁴⁷.

Данный параграф посвящен положению радикального украинского национализма в политической сфере Украины: партийной системе, электоральным процессам, взаимодействию с государственными институтами в постсоветский период. Еще одним блоком тем, который будет рассмотрен, станет комплекс проблем, связанных с представлениями об истории в дискурсе ультраправых организаций и попытками их влияния на интерпретацию общенационального прошлого.

Само понятие радикализма изначально возникает в конце XVIII — начале XIX в. в Великобритании как термин, описывающий леволиберальное движение, выступающее в поддержку реформы парламента, снижения налогов и отмены фиктивных должностей³⁴⁸. Совокупность подобных идей получила распространение в европейской политической мысли, став катализатором создания политических партий, наподобие английской, в Германии, Сербии и ряде других стран³⁴⁹. Подобную ситуацию можно зафиксировать и в политическом языке Российской империи, так в словаре Брокгауза и Ефрона дефиниция «радикал» раскрывается через историю общеевропейского политического движения³⁵⁰. В Большой советской энциклопедии понятие радикалы также формулируется как граждане, требующие «буржуазно-демократических реформ» в рамках капиталистической системы, или как

³⁴⁷Авербух С. Л. Новый антисемитизм в Украине. — Киев: Ассоциация национальных и культурных объединений Украины, Еврейский культурный фонд, 2005. — 255 с.; Dymerskaya-Tsigelman L., Finberg L. Antisemitism of the Ukrainian Radical Nationalists: Ideology and Policy // Analysis of Current Trends in Antisemitism. — 1999. — №14; Лихачев В. А. Укрощение строптивых: антисемитизм как PR-стратегия [Электронный ресурс] // Газета Хадашот. — 2004. — №2(108). — Режим доступа: <http://old.vaadua.org/Hadasot/Had108/07.htm> (дата обращения: 01.04.18); Лихачев В.А. Антисемитизм как политтехнология (на примере президентских выборов в Украине) // Тирош: труды по иудаике. — 2005. — Вып. VII. — С. 220–235; Шнирельман В. А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. — М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. — С. 234–250.

³⁴⁸Halevy E. The Liberal Awakening (1815–1830). — New-York: Barnes & Noble inc, 1961. — P. 67–68.

³⁴⁹Радикализм [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия — Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01c5f2fc88579f33e24aabc5> (дата обращения: 01.04.18).

³⁵⁰Радикализм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб, 1899. — Т. 26. — С. 73–75.

сторонники фундаментального решения определенных вопросов³⁵¹. Вместе с тем современное значение данного понятия распространяющееся на сферу политического национализма, отходит от этой традиции и связывается с двумя основными аспектами своего значения. Во-первых, под понятием «радикализм» понимается политическое движение, постулирующее в своей идейной платформе требования радикальных преобразований политического, социального или экономического порядка. Во-вторых, радикализм определяется через социальные практики, а именно — как использование вооруженного насилия, совершение противоправных деяний и иных действий в ходе достижения своих политических целей.

Феномен правого радикализма обозначается в современной литературе различными терминами: экстремизм, правый радикализм, популистский радикализм, ультра национализм, правый популизм. Подобный терминологический плюрализм обусловлен синонимичностью значений³⁵². При этом использование в современной научной литературе термина «радикализм» является способом ухода от понятия «фашизм», которым обозначаются весьма разные политические движения, зачастую — сам термин «фашизм» представляется уже не столько аналитической категорией, сколько идеологемой, использующейся для делегитимизации своего оппонента или объекта исследования³⁵³.

Главный редактор информационно-аналитического центра «Сова» А. М. Верховский предложил для данного феномена термин «экстремисты и радикальные национал-патриоты». В своей концептуализации этого понятия он обозначил пять основных признаков: пропаганда или практика политического насилия; расовая или национальная нетерпимость; создание силовых групп поддержки; попытки и пропаганда вооруженного захвата власти; пропаганда

³⁵¹ Радикал // Большая Советская Энциклопедия. — Изд. 3-е. — М., 1975. — Т. 21. — С. 340.

³⁵² Еремина Н. В., Середенко С. Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. — СПб.: Алетейя, 2016. — С. 22–23.

³⁵³ Быстров Н. Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании: (пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948-1953 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2008. — № 11. — С. 150.

нарушений прав человека, включая дискриминацию по религиозному, национальному или расовому признаку³⁵⁴.

Э. Л. Картер выделяет две основные характеристики ультраправого экстремизма: антиконституционный характер действий и антидемократизм, которые, по её мнению, представляют собой проявления таких особенностей, как национализм, ксенофобия, расизм и призыв к сверхсильному государству³⁵⁵. К. Мудде определяет крайне правых популистов через три основные присущие им характеристики. Первая — это авторитаризм. Вторая — нативизм как требование и идеология этнической гомогенности национального государства и того, что «неродные» элементы (личности и идеи) его разрушают. Третья — популизм как идеология, противопоставляющая «простых людей» и коррумпированные элиты и которая представляет политику как выражение народной или общей воли людей³⁵⁶. Р. Гриффин помещает понятие правого радикализма в рамки либерально-демократического дискурса и определяет как «этнократический либерализм», являющийся гибридом идеологического экстремизма и демократического конституционализма ультраправых и центра. Он отвергает использование понятия «фашизм», так как эти движения, в отличие от фашистских, не претендуют на кардинальную смену миропорядка с либеральной системы на какую-то иную. Данные движения подвергают эрозии либеральную систему, представляя только одну группу полноправными членами гражданского общества, навязывая нелиберальный режим для всех «других», не рассматриваемых как человеческие существа³⁵⁷.

В диссертационном исследовании в качестве рабочего будет использоваться дефиниция «радикальный национализм», под которым понимаются политические

³⁵⁴Верховский А. М., Папп А. А., Прибыловский В. В. Политический экстремизм в России. — М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. — С. 7□10; Верховский А. М. Радикальные националисты в России в начале 2000 года. Доклад, представленный в Университете Калифорнии в Дэвисе 23 февраля 2000 г. [Электронный ресурс] // Информационно-экспертная группа "Панорама" — Режим доступа: <http://www.panorama.ru/works/patr/bp/finrr.html> (дата обращения: 01.04.18).

³⁵⁵Carter E. L. The extreme right in Western Europe: success or failure? - Manchester: Manchester University Press, 2005. — P. 15□16.

³⁵⁶Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — P. 22□23.

³⁵⁷Griffin R. Interregnum or Endgame? The Radical Right in the "Post-Fascist" Era // Journal of Political Ideologies. — 2000. — Vol.5. — №2. — P. 172□173.

объединения и отдельные деятели, применяющие и одобряющие идейно мотивированное насилие, чья политическая практика характеризуется ксенофобской риторикой, призывами к дискриминации (этнической, религиозной, языковой, расовой или иной), созданием военизированных объединений³⁵⁸. В число особенностей исторического рассказа и политической риторики радикального национализма входит язык ненависти, для которого характерны этноцентризм, ксенофобия, расовая, религиозная или этническая нетерпимость, абсолютизация культурных различий, дегуманизация своих политических оппонентов. Обозначив основные критерии понятия «радикальный национализм», обратимся к вопросу о субъектах политического радикализма в постсоветской Украине.

В политическом пространстве можно выделить несколько групп общественных объединений, которые могут претендовать на статус националистических разной степени радикальности. Субкультурные организации скинхедов, такие как: White Power — Skinhead Spektrum, украинское отделение международной организации «Кровь и честь» (Blood & Honor Division Ukraine), «Петровские тигры», «Дозор-88» и ряд других объединений скинхедов, футбольных фанатов, и подобных им организаций, расцвет которых пришелся на 2000-е гг., для которых характерно совершение противоправных деяний на основе расовой или этнонациональной ненависти и использование националистической или нацистской/фашистской символики³⁵⁹.

Неоязыческие организации, которые могут быть квалифицированы как радикальные ввиду того, что пропагандируют ненависть к представителям других религий, выстраивая свое самосознание вокруг концепта расы и разного рода исторических мифов. Примерами таких организаций являются: Объединение родноверов Украины, церковь РУН — віра, неоязыческая община «Православие»,

³⁵⁸ Кожевникова Г. В., Шеховцов А. В. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица. — М.: Центр «Сова», 2009. — С. 7.

³⁵⁹ Мартиненко О. А. Расизм та ксенофобія як нове фонове явище злочинності в Україні // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. — 2008 — №43 — С. 81.

«Родовое Огнище Славянской Родной Веры», Славянское духовное течение «Великий огонь» и прочие³⁶⁰.

Отдельные граждане, которые благодаря своим убеждениям и стремлениям включаются в культурные индустрии, связанные с национализмом и альтернативной историей. Это могут быть эзотерические и квазинаучные предприниматели, активисты-любители истории, политики разного уровня, решившие сыграть на провокативной теме, писатели и публицисты, которые в своих книгах и общественных организациях транслируют националистические взгляды³⁶¹.

Правые политические партии, сотрудничающие с националистами и использующие националистическую риторику, выдвигавшие кандидатов-националистов через свои предвыборные списки. Среди этих партий следует отметить «Народный Рух», «Наша Украина», «ВО Батьківщина» и ряд других.

Наконец, это партии и общественные организации, строящие свой имидж как националистические. Таким образом, представляется оправданным анализ именно этих организаций, так как ключевая ставка на образ политической силы как националистической ставит вопрос лишь о большей или меньшей степени радикальности.

Ключевым вопросом для любой политической организации является вопрос о власти и представленности во властных структурах, влияющих на принятие решений в стране. Националистические организации начинают возникать в конце 1980-х – начале 1990-х гг. XX в. Первыми партиями направления становятся: Украинский христианско-демократический фронт (1988 г.), Украинская национальная партия (1989 г.), Народный Рух України (1989 г.)³⁶². В процессе развития политической системы представители радикальных националистов

³⁶⁰ Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал. — М.: ИЭА РАН, 1998. — С. 11–13; Шнирельман В. А. Арийский миф в современном мире. Т.2. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — С. 158–208.

³⁶¹ Плеханов А. А. «Велесова книга», символическая власть и система образования в современной Украине // Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: сб. тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции. — М.: РГГУ, 2017. — С. 16.

³⁶² Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. - М.: Весь Мир, 2013. - С. 304.

начинают отдаляться от национал-демократических объединений ввиду большей радикальности своих взглядов и требований. Так появляются всеукраинское политическое объединение Державна самостійність України (ДСУ) и Украинская консервативная республиканская партия (УКРП), которые были созданы выходцами из правых крыльев Народного Руха и Украинской республиканской партии.

В 1991 г. появляется Украинская межпартийная ассамблея (УМА), создавшая после событий августовского путча военизированное крыло Украинская народная самооборона (далее УНА□УНСО). В том же году была основана Социал-национальная партия Украины (СНПУ), при которой в 1999 г. создано Общество содействия Вооруженным силам и Военно-морскому флоту Украины «Патриот Украины» (ПУ). Данная организация станет самостоятельной структурой, продолжившей радикальную националистическую повестку СНПУ в 2000-е и 2010-е гг.

В 1992 г. в качестве преемника ОУН членами ОУН(б) создается Конгресс украинских националистов (КУН), который в 1990□2000 гг. возглавляла Я. И. Стецько, жена третьего главы ОУН(б) и формального главы Украинского Государства в период немецкой оккупации Я. С. Стецько. В 1993 г. при патронаже КУН создается Общественная спортивно-патриотическая организация «Тризуб» им. С. Бандеры, которая также станет самостоятельной организацией. Её возглавит бывший член УНА□УНСО и один из теоретиков украинского национализма в постсоветский период В. П. Иванишин³⁶³.

Несмотря на быстрый рост националистических партий и организаций, их участие в военных конфликтах на постсоветском пространстве и внимание к этим проектам со стороны диаспоры, фактически в 1990-е гг. ни одной партии, представляющей себя как радикальных украинских националистов, не удалось

³⁶³ Андрищенко Е. С. Конфлікти, розколи і спроби об'єднання в українському націоналістичному русі (1990□2005 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2012. — Вип. 32. — С. 291□292.

добиться успеха на выборах и сформировать фракцию в Верховной Раде³⁶⁴. В этот период положение радикального украинского национализма в целом, несмотря на декларирование себя как представителей мнения всей украинской нации, во многом еще слабо. Организации не воспринимались как политическая сила, способная распространиться на всю Украину:

«Были отдельные попытки и тогда уже утвердить воинствующий интегральный национализм, но они не получали особой поддержки ни свыше, ни среди народа. Было такое движение т.н. Народный Рух Украины, вот там были экстремисты, там были попытки каких-то экстремистских выходов, но до поры до времени это все носило достаточно робкий и несистемный характер»³⁶⁵.

На первых парламентских выборах независимой Украины в 1994 г. регистрацию прошли КУН, ДСУ и УКРП, кандидаты, связанные с СНПУ и УНА□УНСО, шли в списках как беспартийные. На этих выборах ДСУ, ввиду внутрипартийных трений и слабой подготовки к выборам, как и СНПУ, не смогли провести в парламент ни одного кандидата³⁶⁶.

Из 27 кандидатов, выдвинутых УНА□УНСО, по одномандатным округам прошли пять депутатов: трое смогли получить депутатские мандаты в Тернопольской области и двое — в Львовской³⁶⁷. Среди всех структур националистов лучшие результаты показал КУН: из 60 выдвинутых кандидатов семь смогли пройти в парламент благодаря поддержке избирателей в Ивано-Франковской, Львовской и Ровенской областях³⁶⁸.

В парламентских выборах 1998 г. ДСУ вместе с СНПУ шла блоком «Меньше слов», который набрал 0,17% голосов и занял предпоследнее место. По

³⁶⁴Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994□2009 гг. // Ab Imperio. — 2010. — № 2. — С. 233.

³⁶⁵Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, А. Д. 1947 г.р.

³⁶⁶Голобуцкий О., Кулик В. Ультраправі партії [Электронный ресурс] // Официальный сайт Голобуцкого О. по изданию Політичні партії України / О. П. Голобуцкий [та ін.]; ред. В. М. Якушик; Національний ун-т «Киево-Могилянська академія», Центр суспільно-політичних досліджень. — Київ: Кобза, 1996. — 144 с. — Режим доступа: <http://golob.narod.ru/glytultrapravi.html> (дата обращения: 01.04.18).

³⁶⁷Політичні партії України у взаємодії зі структурами влади [Электронный ресурс] // Киевский центр политических исследований и конфликтологии — Режим доступа: <http://analitik.org.ua/publications/joint/3dd12dea/3dd13f15/> (дата обращения: 01.04.18).

³⁶⁸Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. - М.: Весь Мир, 2013. — С. 305.

одномандатному округу во Львовской области СНПУ смогла провести в парламент своего основателя О. Я. Тягнибока. УНА□УНСО, ввиду внутривнутрипартийного раскола и ухода Д. А. Корчинского из партии, набрала лишь 0,39% голосов и не получила ни одного мандата КУН, УКРП и УРП на данных выборах составили блок «Национальный фронт», позиционировавший себя как оппозицию «Народному Руху» с правого фланга, но набрали лишь 2,71% голосов, не преодолев проходной барьер, но проведя 6 депутатов по одномандатным округам, из них четверо представляли КУН³⁶⁹.

Помимо некоторых общих исторических отсылок, в частности к истории украинского национального движения, ОУН□УПА, в трудах теоретиков украинского национализма, в дискурсе и периодике происходят попытки пересборки рассказа о прошлом на основе отличной от украинского национализма 1930-1950-х гг. В печатных изданиях и выступлениях представителей СНПУ используется опыт французских новых правых, связанный с концептами геополитики, арийского мифа, белой Европы, текстов традиционализма. Данная партия встраивается в постсоветское идейное течение правого радикализма, представленное в России НБП и А. Г. Дугиным, суть которого заключается в импорте идей европейских, а если точнее, французских новых правых. В партийной прессе актуализируются темы политической и военной истории, связанные с Киевской Русью, УНР, ЗУНР, Сечевыми стрельцами, ОУН□УПА, идей цивилизационного противостояния Украины и России, претензия на исторический форпост Европы на востоке³⁷⁰.

³⁶⁹ Андрущенко Е. С. Участь українських націоналістичних організацій у парламентських виборах 1994□2002 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2011. — Вип. 31. — С. 220□222.

³⁷⁰ Андрущенко П. Симон Петлюра. Річниця загибелі // Орієнтири. — 2001. — №2. — С. 9; Любів Б. Український військовий однострій початку та середини XX століття // Орієнтири. — 1999. — №2. — С. 48□51; Бышок С. О., Кочетков А. В. Євромайдан імені Степана Бандери. От демократії к диктатурі. — М.: Книжний мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. — С.57□72; Панько П. Євген Коновалець — символ доби // Орієнтири. — 2001 — №4 — С. 9; Мартинюк Л. «Іду на ви» Портрет досконалого володаря // Правий напрям. Статті з газети «Соціал-націоналіст». — Львів: Ліґа-прес, 1998. — С. 20□22; Парубій А. Провідна верства орієнтири // Правий напрям. Статті з газети «Соціал-націоналіст». — Львів: Ліґа-прес, 1998. — С. 20-22; Пронюк Н. Цивілізаційне протистояння: Європа — Азія, Україна — Росія // Орієнтири. — 2000. — №3. — С. 13□15; Скринник Д. Шевченко: погляд з-під бронзового монументу // Орієнтири. — 2001 — №2 — С. 8.

Общей тенденцией репрезентации прошлого всеми радикальными националистическими организациями является представление истории яркими, но эклектичными отсылками к разным историческим периодам. Это можно продемонстрировать на примере сборника «Путь воина», изданного в 1999 г. в качестве цитатника для актива Общества содействия Вооруженным Силам и Военно-Морскому флоту Украины «Патриот Украины». Сборник представляет собой набор высказываний Григория Сковороды, Фридриха Ницше, Степана Бандеры, Дмитрия Донцова и выдержек из т.н. «Велесовой книги». В сборнике цитаты разбиты на тематические подборки, являясь, в сущности, иллюстрацией отношения радикального национализма к истории. Это инструментальное использование краткого числа исторических примеров, подтверждающих собственную правоту, без цели создания единого непротиворечивого нарратива и при отсутствии запроса на него³⁷¹.

КУН и ДСУ в идеологическом плане развивали идеи, заложенные ОУН(б) и развивавшиеся в диаспоральной печати после Второй мировой войны, которые характеризуются этнонационализмом, антисемитизмом, дегуманизацией России и русских, симпатиями к концептуальным положениям нацизма и фашизма³⁷². Активно используются идеологемы о расовой ошибке, смешении финно-угорских и тюркских племен, наследовании русского государства от Золотой Орды, цивилизаторской миссии Украины и украинцев, а также исторической вины русских и необходимости ассимиляции русскоязычной части населения Украины³⁷³.

Представления об истории, как и вся идеология УНА-УНСО, представляет собой постмодернистский набор идей интегрального национализма, панславизма, маоизма, анархизма, идей новых левых, каждый раз изменяющий свои

³⁷¹Шлях воїна. — Львів: Патріот України, 1999. — 20 с.

³⁷²Андрющенко Е. С. Об'єднання «Державна самостійність України» у політичному житті 1989–2003 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2012. — Вип. 29. — С. 234–236.

³⁷³Коваль Р. М. Чи можливе україно-російське замирення? — Стрий: Видавництво ім. ген. Мирона Тарнавського, 1991. — С. 3–24.

исторические обоснования под очередной тренд, озвученный идеологами движения³⁷⁴. Как отметил один из информантов: «УНА-УНСО издавало журнал «За Украину», но не просто Украину как независимую Украину, а как сердце будущей империи. С другой стороны — цитаты из Ульрики Майнхофт. Все вот эти символы — это игра в микс, где идеологом был Корчинский»³⁷⁵.

Вместе с тем общей особенностью для всех организаций является дегуманизация русских, исключение русских и России из культурного пространства Европы. Программа партии СНПУ, сформулированная в начале 1990-х гг., обращается к прошлому исключительно в антироссийском контексте. В ее седьмом, восьмом и десятом пунктах постулируются традиционная отсталость, деспотичность, национальный нигилизм и неполноценность «т. н. русских». Украина представляется как отрезанная «на несколько веков» от достижений европейской цивилизации, при этом имеющая «многовековую традицию существования общественных свобод и демократического управления», страной с традиционной культурой³⁷⁶.

Программа КУН также построена на антироссийской платформе и требует уничтожения СМИ, которые «проводят политику дезинформации, насильственной русификации», материального возмещения репрессированным и депортированным гражданам бывшей УССР, а также возвращения Украине неких «культурных ценностей» и доли золотого и алмазного фондов от РФ, вывода Черноморского флота из Крыма и т.д. В целом, как и большинство националистических программ, КУН использует риторику национально-

³⁷⁴Васильчук Є. О. Ідеологічні доктрини українських правоекстремістських об'єднань у контексті постмодерністського дискурсу (на прикладі УНА-УНСО) // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. — 2013. — № 3. — С. 16-20; Голобуцький О., Кулик В. Ультраправі партії [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Голобуцького О. по изданию Політичні партії України / О. П. Голобуцький [та ін.]; ред. В. М. Якушик; Національний ун-т «Киево-Могилянська академія», Центр суспільно-політичних досліджень. — Київ: Кобза, 1996. — 144 с. — Режим доступа: <http://golob.narod.ru/glvltultrapravi.html> (дата обращения: 01.04.18); Корнилов В.В. Шестипроцентный праздник // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2008. — № 12. — С. 33.

³⁷⁵Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».

³⁷⁶Соціал-національна партія України (СНПУ) // Держава, влада та громадянське суспільство у документах політичних партій України (кінець 1980-х – перша половина 2011 рр.) – Київ: ІПіЕНДім. І. Ф. Кураса НАН України, 2011. – С. 182.

освободительной борьбы, конструируя украинскую общность, в рамках которой радикальный национализм представляется ответом на насильственную колонизацию. Это реакционная риторика провозглашает преодоление «космополитизма, русификации, комплекса неполноценности»³⁷⁷.

В электоральных циклах 2000-х гг. националистические партии выходили на выборы в составе блоков правых и национал-демократических объединений. На выборах 2002 г. УНА□УНСО, шедшая вне блоков, получила 0,04% голосов. Причиной столь низкого результата стали продолжающиеся внутрипартийные расколы. Из числа ее членов только А. И. Шкиль, отбывший срок за участие в акциях «Украина без Кучмы», был избран депутатом по одномандатному округу от списка ВО Батькивщина³⁷⁸. Тем же путем по одномандатному округу от блока В. А. Ющенко «Наша Украина» был избран глава СНПУ О. Я. Тягнибок. В 2004 г. он проведет преобразования в партии, в результате которых СНПУ будет переименована во Всеукраинское объединение «Свобода», а Тягнибок займет главенствующее положение в руководстве. В результате чего из партии вышел ряд ключевых лидеров, участвовавших в её становлении с начала 90-х гг., в том числе А. В. Парубий. Имидж партии, не без консультаций с французским Национальным Фронтом, был изменен на более презентабельный и менее радикальный. От КУН, который шел на выборы в составе блока «Наша Украина», были избраны три депутата, в том числе Я. И. Стецько, ставшая советником премьер-министра В. А. Ющенко.

В 2004–2005 гг. представители радикального национализма участвуют в событиях «оранжевой революции», их большая часть поддерживает В. А. Ющенко, в том числе СНПУ, КУН, ДСУ, часть УНА□УНСО³⁷⁹. После его победы в третьем туре президентских выборов ряд высших должностей заняли люди с националистическим бэкграундом. Создатель КУН и заместитель председателя в

³⁷⁷Программа Конгресса Украинских Националистов [Электронный ресурс] // Официальный сайт КУН – Режим доступа: <http://cun.org.ua/pro-partiyu/programa/> (дата обращения: 01.04.18).

³⁷⁸Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 333.

³⁷⁹Там же. С. 339.

1993–1994 гг. Р. М. Зварыч стал министром юстиции, бывший глава Сумской ячейки КУН и лидер Молодежного националистического конгресса О. В. Медуница стал заместителем председателя Сумской областной государственной администрации³⁸⁰.

После событий «оранжевой революции» увеличивается число националистических организаций, сформированных в ходе протестов. В 2004 г. официально зарегистрирована партия «Братство» ушедшего из УНА–УНСО Д. А. Корчинского³⁸¹. В 2005 г. проющенкоовскими активистами создается молодежная организация Национальный Альянс, ставшая инициатором ряда культурных проектов, используемых для пропаганды украинского национализма, как, например, Всеукраинский фестиваль «Бандерштат», газета «Правый поступ», акции «Память поколений» и «Помни о Крутах»³⁸².

Также в 2005 г. в Харькове была воссоздана общественная организация «Патриот Украины» (ПУ), ставшая в 2008 г. отправной точкой создания новой структуры, объединившей радикальные националистические организации — «Социал-национальная ассамблея» (СНА), в состав которой, помимо ПУ, вошли «Революція і Держава» (Рід), «Слава и честь» (СіЧ), «Українська Альтернатива» и ряд других³⁸³. Политическая позиция ассамблеи представляла собой продолжение позиций СНПУ до её реформирования в партию «Свобода». Таким образом, данные организации становятся ещё более правой альтернативой, чем системная и стремящаяся к избавлению от прошлого радикального образа и одиозных членов партия «Свобода»³⁸⁴.

³⁸⁰Медуница О. Українська справа виграла битву за українську молодь // Терен-Україна. — 2010. — № 2(27). — С. 3.

³⁸¹Всеукраїнська політична партія «Братство» (ВПП «Братство») // Держава, влада та громадянське суспільство у документах політичних партій України (кінець 1980-х – перша половина 2011 рр.). – Київ: ІПіЕНДіМ. І. Ф. Кураса НАН України, 2011. – С. 515.

³⁸²Україна – мати героїв – це... [Електронний ресурс] // Офіційний сайт МГО Національний Альянс – Режим доступу: <http://nation.org.ua/projects/ukrajina-maty-herojiv/> (дата звернення: 01.04.18); Бандерштат – це... [Електронний ресурс] // Офіційний сайт МГО Національний Альянс – Режим доступу: <http://nation.org.ua/projects/bandershtat/> (дата звернення: 01.04.18).

³⁸³Бышок С. О., Кочетков А. В. Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. – М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – С. 289.

³⁸⁴Політичні партії України у парламентській виборчій кампанії 2012 року. – К.: ІПіЕНДіМ. І. Ф. Кураса НАН України, 2013. – С. 227–228.

В том же 2005 г. была создана Украинская национал-трудовая партия, не получившая регистрации и просуществовавшая примерно до 2009 г., запомнившаяся маршами в честь годовщины создания дивизии СС «Галичина», призывом к бойкоту израильских товаров и, в целом, радикальной расистской, национал-социалистической и антисемитской риторикой³⁸⁵.

Новые партийные и околпартийные организации активно использовали эстетику и образы неонацизма, расистскую и этнонационалистическую риторику. В своих изданиях, помимо традиционных ссылок и комплиментов в адрес ОУН-УПА, они, в отличие от радикального национализма конца 80-х — 90-х гг., ещё сохранявшего демократический рефрен, апеллируют к идее сильного и даже тотального государства, к необходимости создания украинской империи, что идейно продолжает концепты УНА-УНСО.³⁸⁶ В собственных информационных ресурсах и печатных материалах ими культивируется позитивный образ сильных автархий прошлого, что выражается в одобрении тоталитарных и авторитарных режимов, будь то Третий рейх, фашистская Италия или Испания при Франко³⁸⁷.

В ходе недолгой работы Верховной Рады пятого созыва в 2006-2007 гг. в числе депутатов были представлены трое членов КУН, а также один из лидеров СНПУ А. В. Парубий, который избирался по списку от блока «Наша Украина — Народная самооборона (НУНС).

Во второй половине 2000-х — начале 2010-х гг. начинается стремительный электоральный взлет партии «Свобода». После того как партия отказывается от прежнего названия, отсылающего к Национал-социалистической рабочей партии Германии, символа «идея нации», представляющего собой видоизмененный знак — «волчий крюк», использовавшийся в эмблеме дивизии СС «Das Reich», и неонацистской визуальной стилистики, сопровождавшей партию в ее печатной продукции, символике и внешнем виде ее членов, электоральные результаты

³⁸⁵ ЗМІ про нас [Электронный ресурс] // Сайт УНТП — Режим доступа: <http://www.untp.org.ua/index.php> (дата обращения: 01.04.18).

³⁸⁶ Секачев В. Р. Украинский национализм и украинцы // Социальное согласие против правого экстремизма. — М.: Издательство Института социологии РАН, 2005. — Вып. 3-4. — С. 333-334.

³⁸⁷ Газета Наступ №2 Березень 2009 [Электронный ресурс] // Мережеве видання Рід — Режим доступа: http://rid.org.ua/knigarnya/nastup/N2_a5.pdf (дата обращения: 01.04.18).

заметно улучшаются³⁸⁸. Партия преодолела сложившийся имидж организации, существующей исключительно в рамках Львовской области, завоевав поддержку в других западных областях, а также в ряде центральных областей Украины:

«Под руководством Тягнибока ВО «Свобода» ребрендировала себя из СНПУ, попытавшись убрать из публичного пространства как минимум часть своих самых одиозных лозунгов. Начали пытаться совершенно классическим грамишанским образом участвовать в большинстве доступных низовых движений, будь то трудовые конфликты, движение против уплотнительной застройки, какие-то культурные инициативы»³⁸⁹.

На местных выборах 2006 г. в Львовскую областную раду «Свобода» набирает 5,6% голосов, получив 10 мандатов; в Львовское городское собрание — 6,6% голосов и 9 мандатов, заняв в обоих случаях 4 место³⁹⁰. В 2009 г. свободовцы занимают первое место на выборах в Тернопольскую областную Раду с 34,69% голосов, получив 50 мандатов, и в Тернопольское городское собрание, получив 56,6% голосов и 34 мандата из 60. В том же году свободовец С. В. Надал становится городским головой г. Тернополя.

Неожиданное прохождение «Свободы» в парламент в 2012 г. было подготовлено успешным выступлением партии на местных выборах 2006 и 2010 гг., когда «Свобода» получила места, помимо упоминавшихся Львовской и Тернопольской областей, в областных и городских радах Винницкой, Волынской, Луцкой, Житомирской, Ивано-Франковской, Киевской, Ровенской и Хмельницкой областей, таким образом, выходя из западно-украинского пространства традиционной поддержки политического национализма³⁹¹. «Свобода» показала лучший результат националистов на выборах благодаря низовой базе, простой, но внятной идеологии и имиджу настоящих оппозиционеров:

³⁸⁸ Бышок С. О. Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. — М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2013. — С. 91–92.

³⁸⁹ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».

³⁹⁰ Україна: рік після виборів. Моніторинг регіонів. — Київ - Львів: Видавництво «МС», 2007. — С. 136–137.

³⁹¹ Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. - М.: Весь Мир, 2013. — С. 370.

«И в принципе вышли на центральную Украину, но вышли уже при Януковиче, вышли как чуть ли не единственная как бы по-настоящему оппозиционная сила. Это был их имидж. Они его холили и лелеяли при полном содействии политтехнологов В. Ф. Януковича, которые тоже ходили и лелеяли этот имидж, чтобы всегда показать, кто является оппозицией»³⁹².

Всего за партию было отдано 10,45% голосов, вместе с тем удалось провести 12 человек по одномандатным округам, получив 37 мест в парламенте, а зачастую и возможность решающего голоса³⁹³.

Все остальные националистические партии набрали не более 1,1% голосов. По спискам «Батькивщины» прошел А. В. Парубий и ещё несколько депутатов от националистов. Ввиду большого количества депутатов «Свободы», часть которых органически была связана с национализмом, в Верховной Раде, радикальные националисты напрямую получили доступ к влиянию на политику, внимание СМИ и т.д.

Как отмечает С. О. Бышок, важная тема партийной политики в гуманитарной сфере касается вопросов интерпретации истории и прошлого. В принятой на XII съезде «Свободы» в 2005 г. «Программе защиты украинцев», в отличие от программы СНПУ, в гораздо большей степени представлены вопросы, связанные с тематикой прошлого. Фактически она сводится к нескольким основным положениям.

Во-первых, это формирование культа ОУН□УПА. Требования признания членов ОУН□УПА участниками «национально-освободительной борьбы» за независимость Украины, предоставление им социальных льгот, подобных ветеранам Красной армии, пропаганда деятельности ОУН□УПА через СМИ, социальную рекламу, книгоиздание и другие культурные индустрии. Введение курса изучения истории ОУН□УПА во всех учебных заведениях, утверждение Дня создания УПА — 14 октября — как государственного праздника, учреждение

³⁹²Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».

³⁹³Список народных депутатов України, обраних на виборах народних депутатів України 28 жовтня 2012 року[Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія – Режим доступа: http://www.cvk.gov.ua/vnd_2012/ (дата обращения: 01.04.18).

музея-мемориала «Украинской победы (Вооруженной борьбы Украинской Нации за независимость)».

Во-вторых, использование темы голода 1932–1933 г. как инструмента внутренней и внешней политики. Провозглашение требований добиваться от Верховной Рады, международных организаций и других стран признания геноцида украинцев как преступления против человечности и требовать от России извинений и компенсаций.

В-третьих, была предложена программа декоммунизации «имперско-большевистских символов, памятников и названий», запрета компартии, проведения люстрации и судебных процессов над бывшими сотрудниками компартии, агентурой КГБ и, в целом, как написано в документе, «палачами, которые уничтожали украинцев». Провозглашается требование выплатить репрессированным украинцам и их детям компенсации «не менее, чем пострадавшим от холокоста».

Помимо этих положений в программе есть ряд пунктов, демонстрирующих «этнократический либерализм» в значении Р. Грифина, когда либеральные и демократические институты призваны отделить представителей титульной нации от всех иных и в полном объеме реализовывать права только титульной нации³⁹⁴. Так, среди требований фиксируется: квотирование для этнических украинцев в образовательных организациях (не менее 78% от общего числа), принятие законодательства, по которому гражданство может быть предоставлено только лицам, родившимся в Украине или являющимися этническими украинцами, требование возвращения в паспорт и свидетельство о рождении графы «национальность», лишение гражданства натурализованных иностранцев за уголовные преступления³⁹⁵. В проекте национальной конституции предлагается закрепить подобное неравенство статьей, в которой основой украинского

³⁹⁴Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 372.

³⁹⁵Програма захисту українців. Затверджено на XII З'їзді. Всеукраїнського об'єднання "Свобода". 23 грудня 2005 року. [Електронний ресурс] // Офіційний сайт ВО Свобода – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/articles/00079293/> (дата обращения: 01.04.18).

государства называется идея «полновластия украинской (титульной) нации на украинских землях»³⁹⁶. Большинство этих требований будет продублировано в ныне действующей программе, утвержденной в 2009 г.³⁹⁷

В период политического кризиса 2013–2014 гг. националисты, несмотря на декларируемый евроскептицизм, заняли позицию протестующих против приостановления переговорного процесса об ассоциации ЕС с Украиной. Среди ультраправых события Евромайдана получили определение этапа национальной революции³⁹⁸. В ходе политического противостояния было создано объединение, получившее название «Правый сектор», которому досталось беспрецедентное и непропорциональное его реальному политическому весу медийное внимание, особенно среди российских СМИ. Объединение вобрало в себя членов радикальных националистических организаций, первым главой которого стал Д. А. Ярош. В разное время в него входили такие радикальные националистические организации, как: С14, ПУ, СНА, УНА–УНСО, «Белый молот», «Братство», Карпатская Сечь, «Черный комитет», Комитет освобождения политзаключенных и другие³⁹⁹. В целом правый сектор и националистические организации смогли занять доминирующие позиции в визуальной коде событий Евромайдана:

«ВО Свобода на Майдане присутствовали очень видимо. Они к тому времени уже умели держать в каждой руке по флагу на каких-то больших

³⁹⁶Національна Конституція України (проект ВО "Свобода") [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВО «Свобода» – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/documents/00016792/> (дата обращения: 01.04.18).

³⁹⁷Програма ВО "Свобода" - Програма захисту українців [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВО Свобода – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/party/program/> (дата обращения: 01.04.18); Бышок С. О. Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. – М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2013. – С. 111.

³⁹⁸Олександр Сич: Українська національна революція завершиться, коли ми наповнимо державу національним змістом [Электронный ресурс] // ВО Свобода – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/comments/00014841/> (дата обращения: 01.04.18); Заява з приводу нинішнього етапу третьої української національної революції [Электронный ресурс] // Конгрес українських націоналістів – Режим доступа: <http://cun.org.ua/2014/zayava-z-privodu-ninishnogo-etapu-tretoy-ukrayinskoyi-natsionalnoyi-revolutsiyi/> (дата обращения: 01.04.18).

³⁹⁹Мальцев В. В. Россия — извечный враг Украины. Современный украинский праворадикальный национализм // Вопросы национализма. — 2014. — №18. — С. 50–51; За лаштунками Правого сектору [Электронный ресурс] // Українська правда – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/articles/2014/04/1/7020952/> (дата обращения: 01.04.18); Міцний сплав. Як виник «Правий сектор» [Электронный ресурс] // Тиждень.ua – Режим доступа: <http://tyzhden.ua/Society/142869> (дата обращения: 01.04.18).

мероприятиях, но ни Тягнибок лично, ни свободовцы как политсила не пользовались популярностью»⁴⁰⁰.

Именно в ходе этих событий националистический лозунг «Слава Украине — героям слава!» стал общеупотребительным среди украинских политиков. Сам визуальный код Майдана вобрал в себя ультраправые символы — красно-черные флаги ОУН□УПА, совмещённые тризуб и меч, символика ультраправых организаций, были ярко представлены на ёлке, сцене, баррикадах, надписях и граффити, стрит-арте в центре Киева⁴⁰¹. Лидер «Свободы» О. Я. Тягнибок выступил в составе переговорной группы с В. Ф. Януковичем, а А. В. Парубий, актуализировав опыт участия в «оранжевой революции», стал комендантом Майдана. В период Евромайдана члены радикальных движений и им сочувствующие по всей стране активно включились в уничтожение советских монументов и памятных знаков, символом которого стали показательные разрушения памятников В. И. Ленину.

В ходе политического кризиса 2013□2014 гг. в западных областях ультраправые начинают захватывать правительственные здания и учреждения МВД, в том числе оружейные комнаты⁴⁰². Накалившееся противостояние между властью и протестующими, потеря государством монополии на применение насилия и контроля над летальным оружием, нерешительность властей, в конечном итоге, привели к тому, что наиболее радикальные силы Майдана, в том числе «Правый сектор» и сотни «Самообороны Майдана», захватили остававшиеся под контролем властей правительственные здания в Киеве, приняв активное участие в государственном перевороте⁴⁰³.

Кабинет министров, сформированный после событий Майдана, включил в себя ряд представителей, связанных с ультраправыми. В их число вошли члены и

⁴⁰⁰ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».

⁴⁰¹ Григорьев М. С. Евромайдан. — М.: Кучково поле, 2014. — С. 130.

⁴⁰² Там же. С. 81□85.

⁴⁰³ Бабенко В. Н. Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия // Россия и современный мир. — 2014. — № 2. — С. 219□220.

народные депутаты от «Свободы», получившие посты вице-премьера, министра аграрной политики и продовольствия, министра обороны, министра экологии, и.о. генерального прокурора Украины. Также С. М. Квит, в 1990-х член КУН, стал министром образования, А. В. Парубий стал секретарем Совета национальной безопасности и обороны, а в 2016г. — председателем Верховной Рады⁴⁰⁴.

Вместе с тем, получив важные государственные посты, представители «Свободы» в том же 2014 г., после избрания П. А. Порошенко президентом, были смещены с занимаемых должностей. Несмотря на большой резонанс в СМИ, правые партии не смогли получить значительной поддержки на президентских и парламентских выборах в 2014 г. «Правый сектор» получил 1,8% голосов, при этом в зарубежном избирательном округе партия получила 8,16% голосов. Избраться в депутаты по Днепропетровскому одномандатному округу с явной поддержкой команды И. В. Коломойского смог Д. А. Ярош, заняв должность заместителя председателя Комитета по вопросам национальной безопасности и обороны Верховной Рады Украины. Из числа связанных с «Правым сектором» людей народными депутатами стали Б. Е. Береза и А. С. Денисенко.

«Свобода» не смогла преодолеть 5% барьер и провела лишь шесть депутатов по одномандатным округам. Ряд националистов, таких как А. В. Парубий, Т. Н. Чорновил, И. В. Гузь, О. В. Медунца, Ю. Н. Береза, были избраны по спискам Народного фронта. «Свобода» в этом электоральном цикле потеряла свое уникальное положение оппозиционной и независимой политической силы. В 2014 г. националистическая, антироссийская, милитаристская риторика была использована большинством политических партий, а имидж «Свободы» был скомпрометирован слухами о сотрудничестве с «Партией регионов» и коррупционными скандалами. Неудачно прошли для

⁴⁰⁴Постанова Верховної Ради України Про формування складу Кабінету Міністрів України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/802-VII> (дата обращения: 01.04.18).

правых и президентские выборы, когда О. Я. Тягнибок набрал 1,16% голосов, а шедший как самовыдвиженец Д. А. Ярош получил 0,7% голосов⁴⁰⁵.

Глава ПУ и СНА А. Е. Билецкий, арестованный по обвинению в нападении на Сергея Колесника и с конца 2011 г. содержащийся в СИЗО, попал под объявленную правительством А. В. Турчинова амнистию как политический заключенный. После освобождения он сделал головокружительную карьеру, став командиром добровольческого батальона «Азов», известного благодаря нацистской символике и большому количеству ультраправых в его рядах, получил звание подполковника милиции и был избран народным депутатом Верховной Рады Украины⁴⁰⁶. В октябре 2016 г. на базе общественной организации Гражданский корпус «Азов» была создана партия Национальный корпус, на съезде которой А. Е. Билецкий был избран её главой. Также в Верховную Раду по спискам Блока Петра Порошенко «Солидарность» был избран О. Н. Петренко — доброволец батальона и член Гражданского корпуса «Азов». Состоявший в ПУ В. А. Троян занял пост заместителя министра МВД Украины в 2016 году⁴⁰⁷.

Изменение политической ситуации после Евромайдана и заигрывание системных партий с национализмом выразилось в усилении популистских сил, перехвативших инициативу у националистов. Ярким примером тому служит Радикальная партия Олега Ляшко (получила на выборах 2014 г. 7,44% голосов и 22 депутатских места), которая смогла значительно увеличить, по сравнению с прошлыми выборами, представительство в парламенте благодаря использованию в предвыборной кампании военной темы и помощи в создании добровольческого батальона «Украина»⁴⁰⁸. Партия привлекла в свои ряды выходцев из ультраправой среды. Среди них — бывший политический заключенный в период президентства В. Ф. Януковича, член СНПУ, ПУ и СНА И. В. Мосийчук, герой Украины, сын

⁴⁰⁵Работяжев Н. В. Парламентские выборы на Украине: поворот на запад // Россия и новые государства Евразии. — 2015. — № 1(26). — С. 18–19.

⁴⁰⁶ Подобное сочетание должностей породило ряд анекдотов, например: Заходят нацист, народный депутат и полковник полиции в бар, а бармен говорит: «Добрый вечер, господин Билецкий, что будете пить?».

⁴⁰⁷ Народні депутати України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list#search_res (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁰⁸ Радикальна партія Олега Ляшка. Передвиборчий ролик [Электронный ресурс] // Youtube канал Олега Ляшка – 1 октября 2014 г. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iVYrjFJp-g4> (дата обращения: 01.04.18).

Романа Шухевича и первый председатель УНА□УНСО Ю-Б. Р. Шухевич, трое членов партии «Братство» Д. А. Корчинского⁴⁰⁹. Похожей стратегии придерживается ещё один популистский проект — УКРОП. На местных выборах 2015 г. они получили представительство в 16 областях⁴¹⁰. В 2016□2017 г., осознавая ряд тактических неудач, случившихся с радикальным националистическим движением, его лидеры предприняли ряд действий. Д. А. Ярош уходит с поста главы партии «Правый сектор» и создает общественную организацию «Государственная инициатива Яроша» (Дія). В 2017 г. был подписан документ, названный «Национальным манифестом», который декларировал единство задач, целей и сил националистических движений во внешней и внутренней политике. Его подписали лидеры «Свободы», «Правого сектора» и «Национального корпуса». Документ также был поддержан ОУН во главе с Б. О. Черваком, С14 под руководством С. Д. Мазура и КУН⁴¹¹.

В целом представленный анализ может считаться подтверждением выводов исследования Э. Картер, что в диспропорциональных избирательных системах происходит более оживленное голосование за ультраправые партии, так как они играют на образе непримиримой оппозиции, из чего следует голосование за ультраправых как протестная практика.

С 1994 по 2012 гг. и после 2014 г. ни одной ультранационалистической партии не удастся набрать минимальное количество голосов для того, чтобы быть представленной в парламенте или создать фракцию. Объясняя электоральные неудачи правых партий до 2012 г., А. Умланд и А. Шеховцов указывают несколько причин подобного положения дел: заикливание националистов на «национально-освободительной» риторике с элементами русофобии и антисемитизма; региональные различия и слабость националистических партий в

⁴⁰⁹ Фракція Радикальної партії Олега Ляшка [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины — Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list#search_res (дата обращения: 01.04.18).

⁴¹⁰ Вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів 25 жовтня 2015 року [Электронный ресурс] // Центральна виборча комісія — Режим доступа: http://www.cvk.gov.ua/vm_2015/ (дата обращения: 01.04.18).

⁴¹¹ «Свобода», ПС и «Национальный корпус» объединяются для реализации общих целей [Электронный ресурс] // Насправді — Режим доступа: <http://naspravdi.info/novosti/svoboda-ps-i-nacionalnyy-korpus-obedinyayutsya-dlya-realizacii-obshchih-celey> (дата обращения: 01.04.18).

южных и восточных областях страны; отсутствие русофобии и актуализированного образа «чужого» на бытовом уровне; внутрипартийная борьба между теми, кто поддержал «оранжевую революцию»⁴¹².

Эти причины, безусловно, повлияли на слабые результаты украинских националистов на выборах. Вместе с тем следует отметить, что подобные причины не отражают ключевую проблему электоральной неуспешности политических организаций ультраправых, успехи которых на протяжении двух десятилетий были крайне невысоки⁴¹³. Основная причина электоральной слабости ультраправых обусловлена тем, что их повестка и риторика были заимствованы и воплощены в жизнь государством. При отсутствии фракции националистов ультранационалистические организации, начиная с выборов 1994 г., получали свое представительство путем победы отдельных представителей в одномандатных округах. Ряд ультраправых деятелей избирался по спискам правящих правоцентристских партий НУНС и БЮТ, которые в свою очередь приглашали радикальных националистов и целые партии в состав своих объединений⁴¹⁴. Таким образом, правоцентристские партии и их лидеры использовали риторику и повестку, характерную для радикальных националистов. В такой политической конфигурации радикальным националистам отводилась роль уличной поддержки, но никак не политической силы. При этом часть ультраправых активистов после событий «оранжевой революции» и Евромайдана кооптировалась в государственные структуры. Подобное положение позволяло радикальному национализму долгое время занимать место «настоящей» оппозиции, что выгодно использовалось в политической игре в виде пугала для электората юго-восточных областей.

Фактически требования радикального украинского национализма, наиболее четко сформулированные в программе партии «Свобода» образца 2005 г.,

⁴¹² Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994–2009 гг. // *Ab Imperio*. — 2010. — № 2. — С. 242–246.

⁴¹³ Финько А. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // *Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики*. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 365.

⁴¹⁴ Скляр С. А. Эволюция всеукраинского объединения «свобода» в 1991–2006 годах: от радикального социал-национализма к парламентаризму // *Труд и социальные отношения*. — 2011. — № 12. — С. 82.

заклучавшиися в требованиях запрета коммунистической идеологии, героизации ОУН□УПА, исторической политики на тему голода 1932□1933 гг., были выполнены в рамках государственной политики в период президентства В. А. Ющенко и П. А. Порошенко. Именно государство, кооптирующее и воспроизводящее риторику и социальные практики, рожденные радикальным национализмом, является главным игроком на ультраправом поле. Ввиду этого число тем для подобного рода движений, на которых можно спекулировать, уменьшилось до вопросов, связанных с армией, нелегальной иммиграцией, оборотом наркотических веществ и ЛГБТ-проблематикой.

За постсоветский период радикальный национализм, испытав влияние как новых правых, так и новых левых, после событий 2013□2014 гг. перешел на следующий этап своего развития. Первоначально базирующийся на специфических элементах западноукраинского национализма, которые основываются на идейном наследии идеологов ОУН□УПА и авторов украинской эмиграции, национализм изменился и получил возможность действовать за пределами западных областей за счет продолжающегося вооруженного конфликта и радикализации общества. Но он не перестал быть антироссийским и антирусским, не перестал быть этническим. Радикальный национализм не отказался от эстетики неонацистских и неофашистских организаций и идейного населения ультраправых. Более того, он серьезным образом повлиял на украинский государственный патриотизм. Таким образом, современный проект построения украинской нации состоит в тотальной дискриминационной гомогенизации разнородного в лингвистическом и культурном плане населения Украины⁴¹⁵. Можно сделать вывод, что в терминах Р. Грифина программы украинских радикальных националистов нацелены на создание этнократического либерального порядка для этнических украинцев и нелиберального антигуманного режима для всех «других», в число которых попадают люди, чья идентичность сформирована как русская или советская.

⁴¹⁵ Щербак С. Национализм и проблема социальной интеграции в Украине // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 235.

В заключение можно сказать, что главным достижением националистов стало то, что они, не имея массовой электоральной поддержки, но придерживаясь принципиальной радикальной позиции, повлияли на государственную политику, дискурс которой заметно качнулся в правую сторону и позволил принять в части исторической политики ряд положений, характерных для радикального национализма. В целом мы видим, что, несмотря на отрицание влияния радикальных националистов на политическую систему, данное течение является составной частью политической системы Украины с момента обретения независимости.

§ 3.2. Исторический миф праворадикального национализма

*Ничто так не напоминает мифологию,
как современная политическая идеология.
Быть может, в нашем современном обществе
последняя просто заменила первую.
К. Леви-Стросс⁴¹⁶*

Исторические нарративы, мифологемы, образы прошлого, сформулированные и воспроизводимые радикальными националистическими движениями, долгое время оставались на периферии политической жизни стран Восточной Европы. Однако, как уже было сказано, за последнее десятилетие в политических системах Европы произошло усиление правого спектра политических сил, при этом Украина не стала исключением⁴¹⁷. Как показано в предыдущем параграфе, повестка дня радикального национализма в отношении национального прошлого зачастую была реализована и институционализирована в форме государственной политики. Подобные действия следуют общемировой тенденции агонистской исторической политики, при которой критериями для оценки прошлого оказываются специфически понимаемое общественное благо, поддержание суверенитета, ситуационная полезность, что оправдывает фальсификацию, вольное обращение с историческими источниками и политически ангажированными интерпретациями истории, сводя историческую науку к презентизму⁴¹⁸.

⁴¹⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — С. 186.

⁴¹⁷ Бирюков С. В., Барсуков А. М. «Крайне правые» партии в современной Европе. Мировая экономика и международные отношения – 2011. — № 8. — С. 91–100.

⁴¹⁸ Миллер А. И. История и политика: как наше настоящее и будущее связаны с нашим прошлым? (Тридцатые Губернаторские чтения. Тюмень, 10 октября 2017 г.) // Полития. – 2017. — № 4. — С. 161–162; Курилла И. И. История, или Прошлое в настоящем. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — С. 142.

Важную роль в потворстве данной мифологизации исторического знания играют различные теории и исторические фальсификации, которые служат образу великого прошлого и используются националистическими силами⁴¹⁹. Представители украинского радикального национализма не являются в данном случае исключением. В их рассказе о прошлом ключевую роль играет образ нации как вечной вневременной структуры. Подобное представление исходит из эссенциалистского понимания нации, в рамках которого она представляется в категориях преемственности и непрерывности, не конструируется, а существует извечно, «выплывая» из незапамятного прошлого⁴²⁰. В этом параграфе на основании работ представителей радикального украинского национализма будут рассмотрены общие черты и особенности исторического мифа, который транслируется данными движениями.

Идеологический базис концептов радикального украинского национализма был заложен идеологами национального движения XIX—середины XX веков. Особенно важным является идейное наследие теоретиков и практиков украинского национализма, участвовавших в деятельности ОУН□УПА, а также деятелей УНР и украинской эмиграции. А именно: Д. Ю. Андриевского, политического референта ОУН, председателя ОУН(б); С. А. Бандеры, одного из лидеров ОУН впоследствии главы ОУН(б); Д. И. Донцова, теоретика украинского интегрального национализма; Е. М. Коновальца, создателя и одного из руководителей ОУН; Д. Ю. Липы, публициста, члена ОУН, создателя геополитической программы украинского национализма; Н. И. Михновского, деятеля украинского национального движения конца XIX—начала XX вв.; Н. О. Сциборского, идеолога ОУН(м), автора работы «Нациокартия» и проекта конституции Украинского государства 1939 г.; Я. С. Стецько, председателя Украинского государственного правления Украинского государства (1941 г.), в

⁴¹⁹ Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М.: ИА РАН, 2011. — С. 6□7.

⁴²⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 54.

эмиграции главы ОУН(б) и других⁴²¹. Работы данных идеологов являются общим интеллектуальным фундаментом для подавляющего большинства движений украинского радикального национализма в постсоветский период. Большинство авторов, на которых опираются радикальные националисты, относятся к теоретикам национализма, чьи воззрения сформировались после победы большевиков на Украине и поражения украинского национализма как идеологии в годы революции и гражданской войны. Идейная основа межвоенного национализма представляет собой радикализированный, антидемократический и антигуманистический корпус текстов украинского идейного наследия, что обусловило его вхождение в базис постсоветского радикального украинского национализма⁴²².

В качестве источников, воплощающих постсоветский ультраправый дискурс, были привлечены книги, брошюры, программы и иные документы, в которых выражены идейные установки таких организаций, как ДСУ, НК, ПУ, «Свобода», СНА, СНПУ, «Тризуб» им. С. Бандеры, УНА□УНСО, ПС и другие. Были проанализированы тексты лидеров украинского национализма, сыгравших важную роль в идейном и организационном развитии движения: А. В. Парубия, ныне Председателя Верховной Рады Украины VIII созыва, одного из лидеров СНПУ; А. Е. Билецкого, главы Патриота Украины, ныне депутата Верховной Рады Украины VIII созыва, полковника МВД, главы партии Национальный корпус; Д. А. Яроша, депутата ВР Украины VIII созыва, экс-главы Правого сектора и ВО «Тризуб»; О. Р. Багана, публициста, доцента кафедры теории и истории украинской литературы Дрогобицкого государственного педагогического института, к.фил.н., руководителя Научно-идеологического центра имени Дмитрия Донцова; В. П. Иванишина, экс-члена УНА□УНСО, основателя ВО Тризуб; Р. М. Ковалю, идеолога ДСУ, редактора газет «Прапор антикомунізму»,

⁴²¹ Poliszczuk W. Pojęcie Integralnego Nacjonalizmu Ukraińskiego. - Warszawa: Wydawnictwo ANTYK Marcin Dybowski, 1997 – 36 s.; Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — С. 5□27.

⁴²² Motyl A.J. The turn to the right: the ideological origins and development of Ukrainian nationalism, 1919□1929. — New York: Columbia University Press, 1980. — 212 p.

«Визволення», «Нескорена Нація», «Незборима Нація»; А. И. Лупиноса, диссидента, инициатора создания Украинской межпартийной ассамблеи (будущая УНА□УНСО), Украинского историко-культурного просветительского общества «Мемориал». А также работы ряда других деятелей, связанных с радикальным украинским национализмом.

Итак, очертив круг идейных первооснов украинского радикального национализма и определив корпус текстов, представляющих собой воплощение идей в постсоветский период, рассмотрим основные составляющие исторического мифа. В данной части работы была использована теоретическая рамка структуризации исторического мифа, сформированная на основе работ Н. В. Ереминой, С. Н. Середенко и Л. А. Мосионжника. Содержание мифа будет рассмотрено через ряд маркеров, существенных для понимания особенностей ультраправых движений⁴²³.

Важнейшей отправной точкой исторического мифа является *образ золотого века*, представляющий собой веру в то, что когда-то имела место ситуация, идеальная для нации, но, в силу обстоятельств, ушедшая в небытие, оставив лишь память о «потерянном рае»⁴²⁴. Это выражается в описании определённого исторического периода, которому придаются черты, импортированные из современности и представляющие его в исключительно положительных тонах, придавая ему, таким образом, фундаментальное смысловое значение в картине мира. Говоря о представлениях о лучшем времени, следует отметить, что данный конструкт не является сам по себе элементом исключительно националистического рассказа о прошлом. Идея золотого века воспроизводится религиозными организациями, политиками и общественными деятелями

⁴²³Еремина Н. В., Середенко С. Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. – СПб.: Алетейя, 2016. – 302 с.; Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 416 с.

⁴²⁴Томайчук Л. В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). — 2012. — №3. — С. 53.

ненационалистической ориентации и, в целом, характерна для христианского или постхристианского сознания⁴²⁵.

В рамках полевого исследования при ответе на вопрос о том, какой период в истории Украины был самым светлым, часть информантов выбирали не периоды или события из отдаленной истории, называя очень недавний период в истории, с начала 2000-х гг. и до событий Евромайдана:

«Ну, мне кажется, что где-то с «нулевых», наверное»⁴²⁶;

«Все эти годы, когда не было голода, чум, войн, будут светлыми. То есть, к этому периоду можно отнести с 1991 г. до 2012 г., относительно светлый период»⁴²⁷;

«Двадцать лет независимости, потому что куча возможностей, представительства, признания. И Украину никто и не трогал, народ имел возможность развиваться, что и делалось, никто не мешал»⁴²⁸.

Следует отметить, что при ответе на вопрос о наилучшем периоде в истории Украины информанты гораздо дольше размышляли над ответом, чем отвечая на вопрос о трагических периодах в истории. Можно сделать вывод, что виктимизированный национально-освободительный нарратив истории, полный внешних врагов и внутренних предателей, воспроизводимый системой образования, закрепился в коллективной памяти. Подобный образ прошлого обусловил отстранение части общества от украинской истории как истории поражений и горя⁴²⁹.

Говоря о более частотных ответах, можно вывести две основных модели золотого века. Первая из них отсылает к временам Киевской Руси, при этом

⁴²⁵ Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: Инвест-ППП, 1995. — С. 72.

⁴²⁶ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина 19.06.2017, Л. К., 1993 г.р.

⁴²⁷ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 22.05.2017, А. Ф. 1992 г.р.

⁴²⁸ Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 8.04.2017 Я. А., 1996 г.р.

⁴²⁹ Wanner C. Burden of Dreams: History and Identity in Post-Soviet Ukraine. — University Park: Pennsylvania State University Press, 1998. — P. 131.

происходит апелляция к величию страны на международной арене, позиционированию ее как просвещённой, сильной, успешной:

«Самый светлый для этих территорий период Киевской Руси, князя Ярослава, период объединенного княжества Литовского, современный период»⁴³⁰;

«Наверное, самый светлый был — Киевская Русь. Когда вообще Восточная Европа была едва ли не впереди планеты всей. Когда она покрестилась, дружила с Византией. Мне кажется, у нас был шанс, что ли... В плане, я имею в виду, тогда технология, какая-нибудь наука, которая тогда существовала, или ее зачатки»⁴³¹;

«Мы же не идем в Европу, мы были там и возвращаемся в Европу. Туда где мы были. Помните, что дочь киевского князя вышла замуж за француза. Она привезла с собой Евангелие. Это здесь была письменность, в Украине. Она [его] во Францию привезла, и 35 королей прикладывали руку во время клятвы. Ее муж, французский король, был неграмотным. Мы были в Европе. Нас на 400 лет вынули, а теперь мы дальше идем»⁴³².

При этом ничего не говорится о положении человека, о качестве жизни, эти высказывания касаются страны и государства. В целом данный образ, существующий в неизменном виде в националистическом мифе, касается некоторой тоски о сильном государстве, порядке, достойном месте в мировой политике. Чаяния, существующие в настоящее время, перекладываются на прошлое. Второй вариант золотого века, не менее часто встречающийся, связан с казацким мифом, апеллирующим к концептам свободы, военных побед, борьбы, важности украинской истории в контексте общеевропейской:

⁴³⁰ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 24.05.2017, Гайдукевич Анастасия Віталіївна начальник відділу музейної справи Управління інституційного забезпечення політики національної пам'яті, Щорічна 1982 г.р.

⁴³¹ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 19.06.2017, А. Е. 1995 г.р.

⁴³² Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017 г. Л. Г. 1947 г.р.

«Однако наипозитивнейший период, как по мне, то это казачество. Немного девичье, романтическое видение казаков. И субъективно, но, тем не менее, снова борьба. Не сидели и молчали, а борьба, чего сегодня не хватает»⁴³³;

«Самое начало казачества было самое хорошее время. Когда люди убегали от панов и сами СВОЕ что-то создавали. Потом они создали армию. А потом, когда у них началась фигня, когда армия стала в составе польской армии, вот это уже все пошло. Особенно когда гетманщина пошла, отделилась от запорожского войска»⁴³⁴;

«Мне кажется, что вот 1654 год — это переломный момент в истории не Украины, а Европы. Если бы тогда не только Украина, а и Польша увидели другую перспективу. Если бы Польша тогда, мы не про даты сейчас, увидела возможность реального федеративного союза с Украиной, вся европейская история пошла бы по-другому»⁴³⁵.

Обращение в историческом мифе радикального национализма к сложившимся концепциям «золотого века» происходит в модифицированном виде. Это связано с тем, что большинство националистов исходит из этноцентристской абсолютизации нации, а часть из них — из расового видения истории. Это ярко проявляется в концепции золотого века, базирующейся на образе Киевской Руси как государства, принадлежащего исключительно украинцам⁴³⁶. Практически во всех работах мы видим повторение мифологем, созданных еще в период А. С. Пушкина, о том, как Русь защитила ценой своей государственности Европу от монгольского нашествия, безусловно, с заменой в пушкинском мифе России как наследницы Руси на Русь – Украину⁴³⁷. А. В. Парубий пишет о том, что Украина не просто закрыла Европу от нашествия и,

⁴³³ Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 7.04.2017 г. М. К. 1996 г.р.

⁴³⁴ Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 17.01.2017 г. В. В. 1993 г.р.

⁴³⁵ Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017, В. К.

⁴³⁶ Фурман Д.Е. Русские и украинцы: трудные отношения братьев // Украина и Россия: общества и государства. — М.: «Права человека», 1997. — С. 6□7.

⁴³⁷ Кантор В. К. Карамзин: самопознание, или Сотворение европейской России // Вопросы философии. — 2016. — № 12. — С. 124□125; Пушкин А.С. Собрание сочинений: в десяти томах. — М.: Государственное издательство Художественной Литературы. — Т. 6. Критика и публицистика. — С. 407□414.

таким образом, оказалась в ситуации слабого развития, но более того, что Киевская Русь была сверхдержавой: «Тогда Украина была одним из ведущих центров культурной жизни Европы, самой вооруженной силой Европы», и защитила она не просто Европу, но защитила «белую расу от тотального нашествия азиатских орд...»⁴³⁸.

Продолжение этого направления мы можем увидеть в документах «Патриота Украины» и «Социал-национальной ассамблеи», где делается особый акцент на том, что Киевская Русь была империей, и наследующая ей Украина должна повторить её былую славу⁴³⁹. Этот образ также является отправной точкой геополитической мысли, связанной с расовыми взглядами на историю, где историческая роль Украины состоит в том, что ей суждено быть Великой Украинской империей с центром в Киеве, будучи при этом лидером славянского мира и последним бастионом Европы и всей белой расы⁴⁴⁰. Обращение к образу золотого века, основывающегося на истории Киевской Руси, характерно для большинства ультраправых националистов Украины, поскольку данный миф может существовать с опорой как на категорию расы, так и на категорию нации. Даже «системные националисты» активно используют этот образ, к примеру, в проекте конституции партии «Свобода» предлагаемым гербом Украины заявляется Тризубец как символ «Государства Владимира Великого»⁴⁴¹.

Сюжет о золотом мифе не уникален. Он привлекает не только украинских, но и русских националистов тем, что дает возможность спекулировать по поводу формирования нехристианского государства для неоязычников, имперского государства для сторонников сильной автаркии, демократической конфедерации

⁴³⁸ Парубій А. Погляд справа. Статті, виступи, інтерв'ю. — Львів: Орієнтири, 1999. — С. 21□22.

⁴³⁹ Білецький А. Український расовий Соціал-Націоналізм — ідеологія Організації «Патріот України» // Український соціальний націоналізм. Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. — Харків: Патріот України, 2007. — С. 5.

⁴⁴⁰ Однороженко О. Українська мова та її імперські перспективи // Український Соціальний Націоналізм. Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. Випуск 2. — Київ: Видавництво «Спадщина», 2012. — С. 9.; Ілленко А. Кінець ретронаціоналізму та перспективи Нового Націоналізму // Український соціальний націоналізм. Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. — Харків: Патріот України, 2007. — С. 34.

⁴⁴¹ Національна Конституція України (проект ВО "Свобода") [Електронний ресурс] // Офіційний сайт ВО «Свобода» — Режим доступу: <http://svoboda.org.ua/news/documents/00016792/> (дата обращения: 01.04.18).

для национал-демократов⁴⁴². Таким образом, Киевская Русь превращается в идеальный образ прошлого, достаточно далекий, чтобы наполнить его своими смыслами, и достаточно яркий, чтобы быть привлекательным для многих.

Частью образа золотого века также является мотив его потери, национальной трагедии, которая, в свою очередь, связана с такой важной составляющей исторического мифа, как *инволюционизм*, то есть вера в регресс, случившийся с нацией, катастрофу, объясняющую неудовлетворительное положение дел в настоящем. Подобная характеристика связана с представлениями о времени и историософии в радикальном национализме, которые основываются на концепции кругового времени и идеях традиционализма и западных эзотерических учений. В рамках данного концептуального языка описания мира временным промежуткам приписываются особые качества, определяющие развитие человеческой истории⁴⁴³. Целью формирования этого образа трагедии и деградации нации является статус нации как противоречивого «героя-жертвы» в настоящем. Он необходим для освобождения от ответственности, так как трагедия всегда имеет внешний источник, который и несет за нее ответственность и моральные обязательства. Кроме того, это основание для разного рода претензий к «другому», которым может выступать государство, народ, инакомыслящие или иная группа⁴⁴⁴. Трагедией для украинских националистов в большинстве случаев выступает столкновение с этническим иным, более низким по статусу и развитию, но более вероломным и агрессивным. В его роли могут выступать хазары, тюркские или финно-угорские племена, но по мере приближения к настоящему основным этническим иным выступают русские, «советские», реже — евреи.

⁴⁴² Бутылов Н. В., Шиженский Р. В. Локусы новоязыческого золотого века на примере мировоззренческих дискурсов волхва Велимира (Н. Н. Сперанского) // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2013. — Т.1 — № 3 (115). — С. 34–37; Кутявин Н. А. Неоязыческий миф о князе Святославе // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура. Материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. — С. 17–30; Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. — М.: Издательство «Единство», 1998. — 256 с.

⁴⁴³ Шнирельман В. А. Конспирология и оккультные силы // Историческая экспертиза. — 2016. - № 1. — С. 220.

⁴⁴⁴ Еремина Н. В., Середенко С. Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. — СПб.: Алетейя, 2016. — С. 248.

Подобные представления о национальной трагедии и инволюционизме составляют собой базовую черту всех течений радикальных националистов. Причина потери золотого века может по-разному конкретизироваться и связываться с разными обстоятельствами. В этом случае потеря связывается с расовым противостоянием и поражением, которое получила Украина как оплот белой расы после падения Киевской Руси: «...крупное столкновение двух рас, в котором Украина достойно выполнила свое предназначение, подорвало могущество нашего государства»⁴⁴⁵. Может объясняться убежденностью в общем процессе духовного вырождения, деградации страны и народа ввиду колониального прошлого: «колониального батрачества на московских хозяев»⁴⁴⁶. А также уничтожением национальной памяти русскими и Россией: «После того, как Москва утвердилась на Украине, переписывали историю, жгли архивы... ...Москва ограбила не только богатства нашей земли... ...она хотела выесть саму душу народа, лишить его памяти, истории»⁴⁴⁷. Деградацией социально-политических институтов ввиду введения «чуждых» либеральных и советских общественных институтов: «Привычному украинскому народовластию противопоставляется олигархия в виде парламентской демократии, природному влечению украинцев к частной собственности — колхозный метод хозяйствования, традиционным для украинства высоким морально-этическим идеалам — пошлость и разврат»⁴⁴⁸.

В этих рассуждениях предстает убежденность в иерархичности и стадийной эволюции/инволюции наций, что представляет собой превратно понятое наследие советской теорией этноса. Ярким примером тому являются работы идеолога ДСУ Р. М. Ковалю, в которых он рассматривает причины деградации наций. Согласно его рассуждениям, лишенная элиты нация опускалась ступенью ниже в своем развитии и становилась «этномассой»,

⁴⁴⁵Парубій А. Погляд справа. Статті, виступи, інтерв'ю. - Львів: Орієнтири, 1999. — С. 22.

⁴⁴⁶Іванишин В. Українська ідея: вибрані твори. – Дрогобич: Посвіт, 2014. – С.114.

⁴⁴⁷Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух історія та ідеї [Електронний ресурс] // E-libra.ru. Електронна бібліотека – Режим доступу: <http://e-libra.ru/read/225495-naconalzm-naconalstichnij-rux.html> (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁴⁸Парубій А. Погляд справа. Статті, виступи, інтерв'ю. — Львів: Орієнтири, 1999. — С. 9□10.

которую ассимилировали более активные, «властеспособные» этносы⁴⁴⁹. Кризис связывается не только с институтами власти, но и с инволюцией институтов церкви и армии, разочарованностью в интеллигенции и интеллектуалах, армии, церкви, которые не могут взять на себя роль спасителей народа⁴⁵⁰.

В подобных объяснениях проявляется еще одна важная черта ультранационалистического исторического мифа, выраженная в *антилиберализме, антиглобализме и аристократизме* — эстетизации авторитарных и тоталитарных режимов прошлого. Подобные образы встраиваются в общий исторический рассказ как нормализация радикальных, антигуманных действий и антидемократических мер в настоящее время. В программах 1990-х гг. эта тенденция проявляется отчетливо. К примеру, в программе КУНа от элиты требуется гораздо большее, чем просто политическое представительство. При описании такой категории, как «украинская национальная идея», отмечается, что её носителем может быть «украинская нация», выразителем которой является национальная элита, реализующая свое лидерство как харизматическое, которая «не колеблется в выборе между жизнью и смертью в борьбе за интересы Украинской Нации и Государства»⁴⁵¹. Идеолог ДСУ Р. М. Коваль, критикуя политический процесс 1990-х гг., излагает собственное представление о том, что демократия — это власть ветхозаветного Хама, в рамках которой предаются «истинные идеалы нации» в обмен на ценности общества потребления, она способствует существованию на Украине морали рабов⁴⁵². Лишь элита может дисциплинировать, облагородить, оздоровить

⁴⁴⁹ Коваль Р. Філософія сили: есеї. - Київ: Мена Домінант, 2016. – С. 15.

⁴⁵⁰ Ярош Д. А. Нація и революція [Электронный ресурс] // Электронная библиотека rubooks.org – Режим доступа: <http://rubooks.org/book.php?book=2736&page=13> (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁵¹ Програма Конгресу Українських Націоналістів [Электронный ресурс] // Конгрес українських націоналістів Полтави— Режим доступа: <http://cun.pl.ua/%D0%BF%D1%80%D0%BE-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%96%D1%8E/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B0/> (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁵² Коваль Р. М. Філософія сили: есеї. — Київ: МенаДомінант, 2016. – С. 40–41.

общество, она будет сформирована ДСУ путем отбора лучших людей и «создаст энергию, одухотворит этнос и превратит его в украинскую нацию»⁴⁵³.

В сборниках статей, посвященных идейной основе организации «Патриот Украины», рисуется образ сильного государства, противопоставленный общему дискурсу о демократичности и антиавторитаризме: «"Украинцы – угнетенная нация" — наглая ложь... наш народ всегда был государственным и завоевателем. После времен Киево-Руськой империи мы правили в Русско-литовском государстве, затем играли большую роль в Речи Посполитой и Российской империи... Основную часть своей истории мы не просто не были угнетены, а господствовали над другими. Таким образом, мы можем сформулировать основные принципы традиционного уклада украинской жизни: элитаризм, иерархизм, авторитаризм и империализм»⁴⁵⁴.

Также характерной особенностью является *размытость исторических рамок*, проистекающая из веры в «вечность нации», поскольку авторы склонны к установлению причинно-следственных связей на основе принадлежащих к разным историческим эпохам событий, игнорировании временных промежутков между событиями, с которыми выстраивается причинная связь. Ярким примером такой размытости служит преамбула проекта «Национальной Конституции Украины» партии «Свобода», в котором утверждается «континуитет» от Киевской Руси до Украинской Державы 1941 г. и фиксируется прямое наследование духовной и материальной культуры «трипольцев, скифов и сотен последующих поколений украинцев»⁴⁵⁵. А. В. Парубий в предисловии к книге В. А. Рога ставит в один ряд разрушение Киева «ордами московского князя Андрея Боголюбского» и «оккупацию» Украинской народной республики в период гражданской

⁴⁵³ Всеукраїнське політичне об'єднання «Державна самостійність України» (ВПО «ДСУ») // Держава, влада та громадянське суспільство у документах політичних партій України (кінець 1980-х – перша половина 2011 рр.) – Київ: ІПіЕНДім. І. Ф. Кураса НАН України, 2011. — С. 121.

⁴⁵⁴ Юрченко Е. Націоналізм і традиція // Український. Соціальний Націоналізм Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. Випуск 2. — Київ. Видавництво «Спадщина», 2012. — С. 22.

⁴⁵⁵ Національна Конституція України (проект ВО "Свобода") [Електронний ресурс] // Офіційний сайт ВО «Свобода» – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/documents/00016792/> (дата обращения: 01.04.18).

войны⁴⁵⁶. А. И. Лупинис при описании Украины в геополитическом контексте излагает историю Украины как обоснование идеи необходимости разворота политики Украины на восток и формирования геополитической оси Украина-Дон-Кубань-Ичкерия, Закавказье и Иран⁴⁵⁷. Для обоснования этого тезиса Украина предстает некоторым онтологическим объектом, детерминированным географией, под которым понимается Скифское государство, Киевский каганат, Киевская Русь, Украина в составе Российской империи. В целом пренебрежение историей взамен геополитических построений является характерной чертой работ радикальных националистов. В их публикациях прошлое — лишь материал для аргументации своего тезиса.

Подобные разрывы в историческом воображении соседствуют с общей эклектичностью взглядов, присущих большинству националистических работ, которые отличаются противоречивостью и очень подходят под критерий критикуемой националистами философии постмодернизма. Стиль, образность и яркость эмоций в «исторических работах» доминируют над историческим описанием и фактологией.

Ещё одной важной чертой исторического мифа является то, что Л. А. Мосионжик предлагает обозначить термином *культурализм*, чья сущность заключается в том, что история представляется как арена борьбы собственных нациям духовных начал. Эти «духи» и выступают силами, направляющими исторический процесс. Культурализм, обращенный в прошлое, представляет исторический нарратив, в котором действуют вечные культуры, одухотворенные некоторыми высшими началами, и вытекающая из этого вера в историю как арену борьбы духовных начал⁴⁵⁸. Данный феномен также является общей чертой украинского радикального национализма и представляет собой форму культурного расизма, скрывающегося за внешне невинным языком культурных

⁴⁵⁶Рог В. «Українофобія» п'ята колона», і її ляльководи» // Онлайн бібліотека e-Reading – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1001842/Rog_Viktor_-_Ukrainofobiya_5_kolona_ta_ii_lyalkovodi.html (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁵⁷Лупиніс А. І. Бунт має рацію. – Чернівці: «Факел», 2004. — С. 19–25.

⁴⁵⁸ Мосионжик Л.А. Технология исторического мифа — СПб.: Нестор-История, 2012. — С. 133–134.

различий. Обращение к культуре в данном случае означает её абсолютизацию в рамках присвоенной национальной территории, а разница между культурами предстает непреодолимой, подобно разнице, представляемой между расовыми типами в работах расистских мыслителей нового времени⁴⁵⁹.

В работах Д. А. Яроша это демонстрируется наиболее отчетливо. Говоря о сущности истории и нации, Д. А. Ярош отмечает, что национальную идею творит дух нации — это «дух извечной стихии», который сохранил ее «на грани двух миров» на протяжении тысячелетий⁴⁶⁰. При этом он во многом продолжает и повторяет мысли своего учителя В. П. Иванишина. Последний, несмотря на свою националистическую практику, а возможно, и благодаря ей, очень точно описывает сущность национализма как иррационального феномена. В. П. Иванишин формулирует понимание национализма как движения, опирающегося «на извечное внутреннее ощущение ирреальной связи человека с мистически-сакральной субстанцией — духом нации, «духом вечной стихии», верифицирующегося для подтверждения своей истинности с историческим опытом нации и возводящего жертвенность индивида во имя свободы и волеизъявления нации в значение категорического императива⁴⁶¹. В публикациях О. Р. Багана, посвящённых истории национализма, присутствует тот же самый ход объяснения, в котором потеря независимости связывается с потерей некоего духа ввиду «неверной природы своего народа», что случилось во времена распада Киевской Руси и исторических событий XVII века⁴⁶². Общими для работ националистов являются словосочетания, связанные с некоторым «духом», будь то «происхождение по духу», «братья по духу» и т.д., являющиеся неременной лексемой для такого рода текстов.

⁴⁵⁹ Панковский Р. Расизм и популярная культура. — Варшава; Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2014. — С. 38–39.

⁴⁶⁰ Ярош Д. Українська революція: XXI століття [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RuLit – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/naciya-i-revoluciya-read-339631-3.html> (дата обращения: 01.04.18).

⁴⁶¹ Иванишин В. Українська ідея: вибрані твори. – Дрогобич: Посвіт, 2014. – С. 203.

⁴⁶² Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух історія та ідеї [Электронный ресурс] // E-libra.ru Электронная библиотека – Режим доступа: <http://e-libra.su/read/225495-naconalzm-naconalstichnij-rux.html> (дата обращения: 01.04.18).

Ещё одна характеристика исторического мифа — вторжение в исторический рассказ «*мессианского времени*», что выражается в появлении несводимой к «объективному» историческому процессу субъективности, которая выражается в форме рассказа через синхронность событий, основанных на их символическом параллелизме⁴⁶³. В ряде работ присутствует мессианское время, вторгающееся в общеисторический нарратив, хотя следует отметить, что это мало характерно для радикального украинского национализма. В брошюре «Слово белого вождя», изданной в период отбывания А. Е. Билецким срока в исправительном учреждении, осуществляется попытка представить его как сокрытого вождя путем создания исторических параллелей с Иисусом Христом, Чингисханом, и Гитлером: «Лишь единицы знали, что распятый среди преступников на 33-м году жизни в действительности был Спасителем. Так и сейчас немногие знают, что заключенный среди преступников также на 33-м году жизни является Вождем»⁴⁶⁴. В широком смысле мессианское время прилагается к описанию времен Киевской Руси как некоего мессианского государства, при деградации которого Европа заражается «авантюристическими псевдоидеями», создающими непоправимую угрозу белой расе⁴⁶⁵.

Тема связанности христианской религии и национализма занимает важное место в работах В. П. Иванишина и Д. А. Яроша. В программе ВО «Тризуб» 2005 г. создание украинского национального государства увязывается с реализацией Божьей воли ввиду того, что слуги сатаны стремятся ассимилировать украинцев в другие нации или в «космополитическое быдло под названием «политическая нация»»⁴⁶⁶. В целом религия, так же как и история, становится ценной лишь в ситуации ее пользы для реализации национальных интересов. Подобный принцип наиболее точно был озвучен в документах «Социал-национальной ассамблеи» — все работы радикальных националистов можно свести до «простого и

⁴⁶³ Zizek S. The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity. — Cambridge: MIT Press, 2003. — P. 133–134.

⁴⁶⁴ Білецький А. Слово Білого Вождя. — Харків.: Самиздат, 2013. — С. 11.

⁴⁶⁵ Парубій А. Погляд справа. Статті, виступи, інтерв'ю. — Львів: Орієнтири, 1999. — С. 22.

⁴⁶⁶ Програма реалізації української національної ідеї у процесі державотворення розроблена Провідником ВО «Тризуб» ім. С. Бандери Василем Іванишином у 2003 році. [Електронний ресурс] // Електронна бібліотека RuLit — Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/naciya-i-revoluciya-read-339631-28.html> (дата обращения: 01.04.18).

религиозного»: все то хорошо, что идет во благо национальных интересов, и все то зло, что им противоречит⁴⁶⁷.

Для части радикального национализма исторический миф несет в себе и идею биологического расизма, апеллирующую к категории расы как значимому действующему субъекту истории, к чистоте крови, ссылкам на авторов, упоминающих вопросы расового характера⁴⁶⁸. Подобная историософия характерна для национал-социалистического идеологического направления, представленного такими организациями, как СНПУ, ПУ, СНА, УНТП. Так, в манифесте «Патриота Украины» 2006 г. «Право Нации», помимо описания нации как биологического организма и расового типа, утверждается право нации «как замкнутой генетической популяции» осуществлять депортацию на историческую территорию «инорасовой примеси»; на внедрение расового евгенического законодательства; ассимиляцию русских, которая описывается туманной фразой «отдельных представителей социальных и региональных групп населения», подвергшихся инородной оккупации вхождения в состав полиэтнических образований и влияния космополитической культуры; фактически, право на геноцид — «избавиться от паразитарных слоев, которые пытаются путем экономических и политических манипуляций присвоить себе материальные ценности»⁴⁶⁹.

Еще одной чертой националистического мифа ультраправых является представление о непреодолимых *психологических различиях* между этносами, которые формируются на основе институциональной закреплённости представлений об особом национальном характере и постулировании иерархии психологических типов, в которой своя нация представляется наиболее

⁴⁶⁷Осадчий С. Обрії Української Наддержави // Український Соціальний Націоналізм. Збірка ідеологічних робіт та програмових документів Випуск 2 – Київ: Видавництво «Спадщина», 2012. — С. 14.

⁴⁶⁸Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение – 1995. — №6. – С. 6.

⁴⁶⁹Право Нації [Электронный ресурс] // Мережеве видання Рід – Режим доступа: <http://rid.org.ua/pravo-natsiyyi/> (дата обращения: 01.04.18).

продвинутой⁴⁷⁰. Подобный психологизм может объяснять национальную деградацию смешением высококультурных украинцев с «местным финно-угорским населением», в результате чего они потеряли органическое единство с Украиной, и их культура растворилась в «бесконечно рабской и тупо-жестокоей психологии финно-угорских племен», что также утверждается в одном из пунктов программы СНПУ⁴⁷¹.

В программе партии «Свобода» утверждается, что национальная украинская культура должна соответствовать «украинскому менталитету, украинскому психотипу», не раскрывая, в чем именно выражаются эти понятия. Это положение было унаследовано праворадикальной организацией «Монолит 1044»⁴⁷².

Подводя итоги, можно сказать, что исторический миф радикального национализма берет свои корни в работах интегральных националистов украинского политического движения межвоенного периода. Данный миф воспроизводит идею непрерывности украинской государственности и нации, несмотря на её прерывность в историческом континууме. Особенностью рассказа о прошлом является удревнение истории вплоть до трипольской культуры и государства скифов. Также этот рассказ характеризуется агрессивностью по отношению к близлежащим соседям украинского народа, в том числе подводит основу для дегуманизации русских как народа, приписывая ему имманентные качества, с одной стороны, как неполноценного, рабского и слабого сообщества, с другой как поработителей и эксплуататоров непокорного, великого, но обманываемого и предаваемого украинского народа.

⁴⁷⁰ Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 18.

⁴⁷¹ Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух історія та ідеї [Электронный ресурс] // E-libra.ru Электронная библиотека – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/225495-naconalzm-naconalstichnij-rux.html> (дата обращения: 01.04.18); Соціал-національна партія України (СНПУ) // Держава, влада та громадянське суспільство у документах політичних партій України (кінець 1980-х – перша половина 2011 рр.) – Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2011. – С. 181–182.

⁴⁷² Програма СНПУ-СВОБОДИ [Электронный ресурс] // Офіційний форум ВО "Свобода" – Режим доступа: <http://www.forum.vosvoboda.info/viewtopic.php?t=578&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=> (дата обращения: 01.04.18); Ідеологія [Электронный ресурс] // МГО «Моноліт 1044» – Режим доступа: <http://www.monolit-1044.in.ua/%D0%BF%D1%80%D0%BE-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%96%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D1%96%D1%8F/> (дата обращения: 01.04.18).

Для исторического мифа радикальных националистов характерны такие черты, как формирование золотого века на основе образа Киевской Руси и проецирование данного образа националистами, позиционирующими себя сторонниками сильной автаркии, как противовес сложившемуся в Украине слабому анократическому режиму. Убежденность в общей деградации украинской нации и государства, обусловленной русским колониальным господством, потерей государственности, духовной деградацией народа, неработающими институтами.

Биологический расизм присущ не всем движениям и представителям украинского национализма, но вместе с тем он активно воспроизводится в таких организациях, как СНПУ, ПУ, СНА, УНТП. В то время как НК, «Свобода», ПС стремятся не допускать подобного рода высказываний, вместе с тем в их составе существует ряд активистов, использующих расовую риторику. Культурный расизм вместе с этноцентризмом характерен для всех движений правого радикализма и стремится закрепить в законодательстве доминирование украинской этнонации.

В качестве общей черты можно назвать антилиберализм, использование коллективного образа «западных стран» как образа врага. Отношение к демократическому режиму от скептического до ярко выраженной неприязни. Общим является и фокусирование в идеологических работах и программных документах на «элите», придание теме радикального национализма элитарного аспекта, аристократизма в противовес массовым движениям. В целом, как уже отмечалось, история и прошлое в большинстве идеологических и публицистических работ выступает как материал для иллюстрации собственных тезисов и принципов.

Заключение

Как показало проведенное исследование, феномен инструментализации истории в ходе национального строительства в постсоветской Украине является сложным и многогранным явлением, обусловленным множеством факторов. В политическом языке Украины постсоветского периода к истории, в той или иной степени, обращались все политические силы. Общей тенденцией за последние 25 лет является смещение центра внимания на исторические события и память об украинской государственности начала XX в., травматические события советского периода, события недавнего прошлого, связанные с политическим кризисом 2013–2014 гг.

Происходит радикализация языка рассказа о прошлом. Если президенты Л. Д. Кучма и В. Ф. Янукович стремились обращаться к приемлемым для обеих национальных нарративов фигурам и историческим событиям, то В. А. Ющенко, а затем П. А. Порошенко апеллировали к образам и символам националистической версии исторического прошлого Украины. Подобная ситуация изгнания памяти об общем прошлом с Россией и Советским Союзом существует в контексте исторической политики в странах Восточной Европы, где память о советском прошлом в рамках концепции двух тоталитаризмов приравнивается к нацистской.

Следует отметить тенденцию обращения к истории и прошлому в пограничных политических ситуациях: выборах, кризисных явлениях, экстраординарных событиях. В них обращения к истории и нации являются способом легитимировать «революционные» изменения, обосновать право на власть и встроить себя в исторический рассказ страны. Особенностью языка политики президентов, эксплуатирующих советско-ностальгический нарратив, является использование прошлого для оправдания существующего положения (В.

Ф. Янукович, Л. Д. Кучма). Для президентов, в своем языке политики апеллирующих к националистическому нарративу, характерно использование ссылок на прошлое и исторические персоны для обоснования принятых ими политических решений (В. А. Ющенко, П. А. Порошенко).

Были проанализированы этапы, методы и модели разрушения советского символического наследия. Выделены несколько основных этапов активной замены и уничтожения советских символов. В конце перестройки – начале 90-х гг. реализуется первый этап деконструкции. Как стихийное движение снизу, на уровне сельских, городских, районных советов народных депутатов, происходит смена топографических названий, демонтаж памятных знаков и памятников. С момента получения Украиной независимости данный процесс приостанавливается ввиду усиления экономического кризиса перехода к рынку и болезненных экономических реформ, вызвавших ухудшение социально-экономического положения страны.

Второй этап активной борьбы с советским наследием начинается после событий «оранжевой революции» и победы на президентских выборах В. А. Ющенко. В ситуации политической нестабильности атаки на советское прошлое усиливались, порождая «войны памятников», когда левые и правые политические силы спекулировали на теме советского прошлого, получая медийную известность. Данный период характеризуется частичной декоммунизацией, связанной с выстраиванием образа Украины как нации-жертвы вокруг событий голода 1932–1933 гг., подаваемых как геноцид украинской этно-нации. В рамках этого процесса формируется институциональная база по уничтожению символов советской эпохи. На данном этапе действия власти столкнулись с сопротивлением политических оппонентов из КПУ и «Партии регионов», а также представителей местных и региональных властей, игнорировавших мероприятия и планы по декоммунизации ввиду их финансовой обременительности и политической ангажированности.

Третий этап связан с событиями политического кризиса 2013–2014 гг., а также конфликтом на востоке Украины. Дискурсивные практики об этих событиях перенаполнили символы советского прошлого новым содержанием. Памятники, названия, символика советского обретают новое значение как маркеры «чужого» в стране, в роли которого выступает Россия. Таким образом, советские символы интерпретировались как объекты, ставящие под сомнение символическое господство Украины и новых властей на территории страны, легитимность территориальной целостности Украины, само существование независимого государства и украинской идентичности. Уничтожение памятников советской эпохи было реализовано в контексте общей дегуманизации советской идентификации и формирования новой украинской идентичности как построенной на тотальном противопоставлении всему советскому и российскому. Инструментом этой политики стал возрожденный Украинский институт национальной памяти, чьи нормотворческие инициативы показали сложность смыслового наполнения понятия «советское», которое представляется спекулятивно вобравшим в себя не только элементы советской политической, экономической или культурной гегемонии, но и ряд объектов, связанных с Россией и русскими. Декоммунизация на последнем своем этапе вобрала в себя как составную часть дерусификацию.

Рассмотрена инструментализация истории в сфере образования. Политизация и национализация исторического знания была обусловлена событиями периода перестройки, когда сформировалась основная структура современного украинского исторического нарратива, вобравшего в себя ряд характерных черт, присущих националистической украинской историографии, советской традиции историописания и общемодерновой модели рассказа о прошлом. Вместе с тем система управления образованием и культурными индустриями унаследовала институциональные черты советской системы, в которой государство продолжает использовать директивные методы управления. Однако если в Советском союзе партийно-государственные органы

осуществляли пристальный контроль за содержанием образования и продуктами культурных индустрий, то в постсоветский период государство уходит из этих сфер, избавляясь от функции идеологического цензора и оптимизируя расходы на отрасли культуры и образования. Ухудшение финансирования и ослабление идеологического контроля в постсоветский период приводит к усилению самостоятельности отдельных игроков культурной и образовательной политики, которые реализуют свое представление об истории, функции истории и памяти. Так, идейное содержание образовательно-культурных индустрий оказалось в руках национализирующей интеллигенции, культурный проект которой основан на этническом национализме, противопоставляемом советской культурно-знаковой гегемонии. Ситуация историографической травмы советского периода, резкого изменения приоритетов в историческом рассказе, использования истории в школе как методов политической индоктринации породила общее предубеждение к исторической науке как к дисциплине конъюнктурной и к историкам как к профессиональным редакторам прошлого, переписывающим историю согласно запросам сегодняшнего дня.

Была рассмотрена динамика появления и изменения календаря государственных праздников Украины. За постсоветский период можно выделить два неравных этапа отношения государства и общества к государственным праздникам. Первый из них длился с 1991 по 2013 гг., когда, при сохранении большинства советских, появляется ряд новых праздников и памятных дат, конституирующих независимость постсоветской Украины. При этом ритуалистика и смысловое значение части праздников, возникших после распада СССР, оказываются непроработанными и ещё находящимися в поиске оформления ритуалов и социальных практик, позволяющих состояться этим дням как национальным праздникам и памятным дням. Второй этап начинается в 2014 г., когда происходит изъятие ряда советских праздников из общегосударственного пользования и переход практик их празднования на уровень семейной, локальной,

региональной памяти сообществ. Всего можно выделить четыре основные модели работы с календарем праздников, формирующиеся после 2013 г.

Во-первых, советские праздники вытесняются путем учреждения новых государственных праздников, в календарной близости от них. Советский опыт государственной политики в сфере праздников и замена религиозных праздников на светские памятные дни был применен к советской же традиции. Это провоцирует развитие гражданской религии, связанной с культом жертв голода 30-х гг., героизацией погибших в результате событий Евромайдана и «АТО». Вторая модель связана с сохранением праздников, но их временной коррекцией, ввиду чего возникают новые смысловые тропы, как это случилось с Днем защитника Украины, перенесённым на 14 октября. Третья модель обуславливает замену смыслового наполнения праздника и придания ему новых смыслов, как это произошло с Днем соборности Украины, четвертая — с забвением памятных дат, связанных с советским прошлым.

Изучено формирование национального пантеона героев Украины. В течение постсоветского периода растет позитивное отношение к историческим личностям из числа националистического пантеона героев и забвение исторических личностей, связанных с Россией и СССР. Причинами сложившегося положения послужили региональная дифференциация исторической памяти, героизация ОУН□УПА, активно проводимая в период президентства В. А. Ющенко, военный конфликт на востоке Украины. Все это послужило материалом для начала переформатирования образа страны в истории, смещения государственной пропаганды с модели формирования национальной идентичности как жертвы через травматическое прошлое, к новой модели. В ней происходит обращение к теме героической борьбы, материал для которой черпается как из советского наследия, так и из националистического нарратива о деятельности ОУН□УПА, что проистекает из потребности проецирования успешного исторического опыта вооруженной борьбы.

Вместе с тем существует тенденция забвения героев, связанных с советским прошлым и Россией, с одной стороны, и их национализация как украинских героев, с другой. Язык истории как политический язык остается одним из важнейших элементов высказывания на политические темы. Сложилась ситуация, при которой каждая историческая фигура прошлого уже распределена между политическими лагерями. Отношение граждан Украины к тем или иным историческим личностям воспринимается как акт политической идентификации в настоящем. Вследствие подобного положения дел результаты полевого исследования показывают запрос на нейтральных исторических героев, связанных с культурой, наукой, образованием, примиряющих, а не раскалывающих общество.

Рассмотрено положение и место радикального украинского национализма в политической системе Украины. Подобного рода организации начиная с момента формирования украинской политической системы стали ее неотъемлемой частью. В ходе выборов в парламент ряд организаций получал представительство путем победы своих депутатов в одномандатных округах. Другой моделью рекрутинга ультраправых во власть в 2000-е гг. стало избрание отдельных радикальных националистов и целых партий в состав правоцентристских объединений НУНС и БЮТ, для привлечения протестного ультраправого электората и силовой поддержки своих публичных акций.

Риторика и повестка радикальных националистов вошла в структуры государственного аппарата и правоцентристские партии. Следует отметить, что повестка дня радикального украинского национализма в сфере исторической политики была реализована в период президентства В. А. Ющенко и П. А. Порошенко. Именно государственные институты, использующие повестку и риторику радикального национализма, являются главными игроками на ультраправом поле. Вместе с тем этим организациям присуща электоральная слабость, что обусловлено игрой элит и государственных структур на ультраправом поле. Часть радикальных националистов после событий

«оранжевой революции» и Евромайдана включаются в состав государственных структур, в том числе и силовых ведомств. Несмотря на отрицание их влияния на политическую систему Украины, данная политическая сила была и остается составной частью этой системы.

Первоначально базирующийся на специфических западно-украинских, галицийских моделях идеологии, доставшихся от ОУН–УПА разного толка, в значительной мере слабо воспринимаемых в других регионах, национализм изменился и получил возможность к усилению за счет продолжающегося вооруженного конфликта и радикализации общества. Тем не менее, радикальный украинский национализм не перестал быть антироссийским и антирусским, не перестал быть этническим, не отказался от эстетики неонацистских и неофашистских организаций и идейного наследия ультраправых. Более того, он серьезным образом повлиял на украинский государственный патриотизм, перенявший основные шаблоны украинского национализма.

Изучены компоненты и общие типологические черты исторического мифа, продуцируемого представителями радикального украинского национализма, чьей характерной чертой стало формирование образа «золотого века» на основе истории Киевской Руси. Это государственное образование стало проекцией их политических взглядов и чаяний. Через рассказ о прошлом раскрываются политические воззрения сторонников данного движения, имеющие такие типологические черты, как приверженность идеям авторитарного корпоративного государства, антилиберализма, аристократизма и идеи диктата сильной личности. Данный миф включает в себя убежденность в инволюционизме в форме веры в случившуюся с нацией катастрофу, приведшую к деградации народа и нации. Целью подобной мифологемы является оправдание статуса нации как «героя-жертвы», который позволяет отказаться от ответственности за негативное наследие прошлого и переложить эту ответственность на «другого», которым выступает этнический иной. В его роли могут выступать хазары, тюркские и финно-угорские племена. По мере приближения к современности основным

этническим иным выступают Россия и русские, СССР и «советские», реже — евреи. Именно они являются виновниками общей деградации украинской нации и государства, неся с собой колониальное господство, потерю государственности, духовную деградацию украинского народа.

Части организаций радикального национализма присущ дискурс биологического расизма. Он присутствует в текстах и высказываниях сторонников СНПУ, ПУ, СНА, УНТП, в то время как Национальный корпус, Государственная инициатива Яроша, партия «Свобода», «Правый сектор» стремятся дистанцироваться от подобного рода высказываний. Культурный расизм вместе с этноцентризмом характерен для всех движений правого радикализма, что выражается в законодательных инициативах и требованиях закрепления в нормативно-правовых документах доминирования украинской этнонации. Также общим положением является ориентирование в идеологических работах и программных документах на «элиту», придание теме радикального национализма элитарного аспекта, аристократизма, в противовес массовым движениям.

В целом можно сделать вывод о том, что в постсоветский период нельзя говорить о единой, однажды сформированной исторической политике и едином направлении в инструментализации истории. Государство и разного рода политические силы обращались к историческому прошлому с политически заданных инструментальных позиций. При этом важную роль играет институт президента страны как задающий линию исторической политики в период своего срока полномочий. Его позиция большую часть постсоветского периода строилась в зависимости от складывающейся политической ситуации, когда президенту было необходимо балансировать между партиями право-популистскими и советско-ностальгическими. Это же относится и к сфере внешней политики, где большую часть постсоветского периода Украина балансировала в своих приоритетах между Россией и странами ЕС, США. Украина следовала общим тенденциям, характерным для Восточной Европы,

хотя, безусловно, с учетом собственных особенностей. В постсоветский период сложился синтез националистического дискурса о нации и истории, при квазисоветских институциональных формах и методах реализации политики, его обсуждающей.

Следует отметить общее для большинства информантов ощущение раскола и нарушения целостности украинского общества, радикальной поляризации мнений, чувства разобщенности. Разочарование от реакции политических элит на изменения, принесенные событиями Евромайдана, и попытки забыть и музеефицировать память о событиях политического кризиса. Все это вкупе с постсоветским феноменом недоверия к профессиональной исторической науке, преподаванию истории, постоянному переписыванию учебников, а также нагнетаемой озлобленностью, акцентировании образа внешнего врага и поисков врагов внутренних (в том числе в прошлом), приводит к раздраженности общества от политики декоммунизации, проводимой в отношении топонимики, памятных мест, национальных праздников. Вместе с тем альтернатива проводимой политике находится вне легального и легитимного политического высказывания.

Данная тема имеет широкие перспективы исследования в отношении религиозно-конфессионального аспекта исторической политики и влияния религиозных сил на её формирование, технологий и методов репрезентации истории, как в традиционных средствах массовой информации, так и в сети интернет, форумах, социальных сетях и системах обмена мгновенными сообщениями. Особенный интерес представляет собой не только анализ общеукраинских СМИ, но и региональных, отражающих специфику преломления общенационального дискурса в регионах и в целом анализ локальных особенностей преломления государственной исторической политики.

Істочники

Нормативно правовые акты

1. Декларація про державний суверенітет України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради України – Режим доступу: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/55-12> (дата звернення: 01.04.18).
2. Закон України Про внесення зміни до статті 73 Кодексу законів про працю України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/238-19> (дата звернення: 01.04.18).
3. Закон України Про Голодомор 1932-1933 років в Україні [Електронний ресурс] // Верховна Рада України – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/376-16> (дата звернення: 01.04.18).
4. Закон України Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917-1991 років [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-viii> (дата звернення: 01.04.18).
5. Закон України Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради - Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/317-viii> (дата звернення: 01.04.18).
6. Закон України Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-19> (дата звернення: 01.04.18).

7. Закон України Про правонаступництво України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради - Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1543-12> (дата звернення: 01.04.18)
8. Закон України Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939-1945 років [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/315-19> (дата звернення: 01.04.18).
9. Закон Української Радянської Соціалістичної Республіки Про внесення змін і доповнень до Кодексу законів про працю Української РСР при переході республіки до ринкової економіки [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/871-12> (дата звернення: 01.04.18).
10. Конституція України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради України – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата звернення: 01.04.18).
11. Перший універсал Української Центральної ради [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради України – Режим доступу: <http://gska2.rada.gov.ua/site/const/universal-1.html> (дата звернення: 01.04.18).
12. Постанова Верховної Ради Про День незалежності України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/ru/2143-12> (дата звернення: 01.04.18).
13. Постанова Верховної Ради України Про визнання геноциду кримськотатарського народу [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/792-19> (дата звернення: 01.04.18).
14. Постанова Верховної Ради України Про формування складу Кабінету Міністрів України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/802-VII> (дата звернення: 01.04.18).

- 15.Постанова Верховної Ради Української РСР Про День проголошення незалежності України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/en/56-12> (дата звернення: 01.04.18).
- 16.Постанова Кабінету міністрів України від 12 листопада 2014 р. № 684 Положення про Український інститут національної пам'яті [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/684-2014-%D0%BF> (дата звернення: 01.04.18).
- 17.Постанова Кабінету міністрів України від 12 січня 2011 р. № 8 Про утворення Українського інституту національної пам'яті [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/8-2011-%D0%BF> (дата звернення: 01.04.18).
- 18.Постанова Кабінету міністрів України від 9 липня 2014 р. № 292 Питання Українського інституту національної пам'яті [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/292-2014-%D0%BF> (дата звернення: 01.04.18).
- 19.Постанова Кабінету міністрів України від 26 жовтня 1998 р. N 1696 про 65-ті роковини голодомору в Україні [Електронний ресурс] // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1696-98-%D0%BF>(дата звернення: 01.04.18)
- 20.Постанова Кабінету Міністрів України від 9 липня 2014 р. № 292 «Питання Українського інституту національної пам'яті» [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/292-2014-п> (дата звернення: 01.04.18).
- 21.Постанова Про затвердження Положення про Український інститут національної пам'яті [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної

- Рады України. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/927-2006-п> (дата обращения: 01.04.18).
22. Указ Президента України №38/93 Про заходи у зв'язку з 60-ми роковинами голодомору в Україні [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Президента України – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/3893-5114> (дата обращения: 01.04.18).
23. Указ Президента України №872/2014 Про День Гідності та Свободи [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Президента України – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/documents/8722014-18001> (дата обращения: 01.04.18).
24. Указ Президента України Про внесення змін до Указу Президента України від 26 листопада 1998 року N 1310 [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/797/2004> (дата обращения: 01.04.18).
25. Указ Президента України Про всебічне вивчення та об'єктивне висвітлення діяльності українського визвольного руху та сприяння процесу національного примирення [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/879/2006> (дата обращения: 01.04.18)
26. Указ Президента України Про встановлення Дня пам'яті жертв голодоморів [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1310/98> (дата обращения: 01.04.18).
27. Указ Президента України Про вшанування учасників боротьби за незалежність України у ХХ столітті [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/75/2010> (дата обращения: 01.04.18).
28. Указ Президента України Про День захисника Вітчизни [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/202/99> (дата обращения: 01.04.18).

29. Указ Президента України Про День захисника України [Електронний ресурс]
// Официальный сайт Верховной рады – Режим доступа:
<http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/806/2014> (дата обращения: 01.04.18).
30. Указ Президента України Про День Соборності Україн [Електронний ресурс]
// Официальный сайт Верховной рады – Режим доступа:
<http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/871/2014> (дата обращения: 01.04.18).
31. Указ Президента України Про День Українського козацтва № 966/99
[Електронний ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины –
Режим доступа: <http://archive.li/u51cg> (дата обращения: 01.04.18).
32. Указ Президента України Про додаткові заходи щодо вшанування пам'яті
жертв Голодомору 1932-1933 років в Україні [Електронний ресурс] //
Официальный сайт Верховной Рады Украины - Режим доступа:
<http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/ru/432/2009> (дата обращения: 01.04.18).
33. Указ Президента України Про заходи у зв'язку з Днем пам'яті жертв
голодоморів [Електронний ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады
Украины - Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/856/2008> (дата
обращения: 01.04.18).
34. Указ Президента України Про присвоєння С. Бандері звання Герой України
[Електронний ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины –
Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/46/2010> (дата обращения:
01.04.18).

Документы государственных, политических общественных и иных организаций

1. Бандерштат – це... [Електронний ресурс] // Официальный сайт МГО
Национальный Альянс – Режим доступа: <http://nation.org.ua/projects/bandershtat/>
(дата обращения: 01.04.18).

2. Біографія [Електронний ресурс] // Громадська приймальня народного депутата України Андрія Білецького – Режим доступу: <http://biletsky.kiev.ua/biografiya/> (дата звернення: 01.04.18) (дата звернення: 01.04.18).
3. Вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів 25 жовтня 2015 року [Електронний ресурс] // Центральна виборча комісія – Режим доступу: http://www.cvk.gov.ua/vm_2015/ (дата звернення: 01.04.18).
4. Відбулося ранкове засідання Верховної Ради України [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради України – Режим доступу: <http://rada.gov.ua/news/Novyny/131146.html> (дата звернення: 01.04.18).
5. Декомунізація: що і чому перейменовувати й демонтувати. Збірник матеріалів, рекомендацій і документів щодо виконання вимог Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» / Упоряд. С. Бутко, С. Горобець, І. Каретніков, Б. Короленко, М. Майоров; Український інститут національної пам'яті. – Київ: Український інститут національної пам'яті, 2015. – 103 с.
6. Заява з приводу нинішнього етапу третьої української національної революції [Електронний ресурс] // Конгрес українських націоналістів – Режим доступу: <http://cun.org.ua/2014/zayava-z-privodu-ninishnogo-etapu-tretoy-ukrayinskoyi-natsionalnoyi-revoluyutsiyi/> (дата звернення: 01.04.18).
7. ЗМІ про нас [Електронний ресурс] // Офіційний сайт ГО УНТП – Режим доступу: <http://untp.org.ua/page.php?psevdo=zmi> (дата звернення: 01.04.18).
8. ЗМІ про нас [Електронний ресурс] // Сайт УНТП – Режим доступу: <http://www.untp.org.ua/index.php> (дата звернення: 01.04.18).
9. Лист Мін'юсту від 08.11.2016 р. № 38779/31702-0-33-16/8 "Щодо деяких питань, пов'язаних з застосуванням норм Закону України «Про засудження

- комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» [Електронний ресурс] // Нормативно-правова бібліотека - Режим доступа: <http://document.ua/shodo-dejakih-pitan-povjazanih-z-zastosuvannjam-norm-zakonu-doc291101.html> (дата обращения: 01.04.18).
10. Лист МОН України №1/9-448 від 22.09.2015 «Щодо заходів з відзначення 25-ї річниці Революції на граніті» [Електронний ресурс] // Официальный сайт МОН Украины – Режим доступа: <http://old.mon.gov.ua/ua/about-ministry/normative/4413-> (дата обращения: 01.04.18).
11. Методичні рекомендації до відзначення у загальноосвітніх навчальних закладах 25-ї річниці Революції на граніті [Електронний ресурс] // Український інститут національної пам'яті - Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/metodrekomendacii-revoluciia-na-hraniti.pdf> (дата обращения: 01.04.18).
12. Народні депутати України [Електронний ресурс] // Официальный сайт Верховной Рады Украины – Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list#search_res (дата обращения: 01.04.18).
13. Національна Конституція України (проект ВО "Свобода") [Електронний ресурс] // Официальный сайт ВО «Свобода» – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/documents/00016792/> (дата обращения: 01.04.18).
14. Підсумки реформи декомунізації у 2016 році. [Електронний ресурс] // Український інститут національної пам'яті - Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/news/ponad-50-tisyach-vulits-zminili-nazvi-vprodovzh-2016-roku> (дата обращения: 01.04.18).
15. Право Нації [Електронний ресурс] // Мережеве видання Рід – Режим доступа: <http://rid.org.ua/pravo-natsiyi/> (дата обращения: 01.04.18).

- 16.Про Звернення до Українського народу учасників спеціального засідання Верховної Ради України 14 травня 2003 року щодо вшанування пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років [Електронний ресурс] // Официальный сайт Верховной рады - Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/789-15> (дата обращения: 01.04.18).
- 17.Програма ВО "Свобода" - Програма захисту українців [Електронний ресурс] // Официальный сайт ВО Свобода – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/party/program/> (дата обращения: 01.04.18)
- 18.Програма захисту українців. Затверджено на XII З'їзді. Всеукраїнського об'єднання "Свобода". 23 грудня 2005 року. [Електронний ресурс] // Официальный сайт ВО Свобода – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/articles/00079293/> (дата обращения: 01.04.18).
- 19.Програма Конгресса Украинских Националистов [Електронний ресурс] // Официальный сайт КУН – Режим доступа: <http://cun.org.ua/pro-partiyu/programa/> (дата обращения: 01.04.18).
- 20.Програма Конгресу Українських Націоналістів [Електронний ресурс] // Конгрес українських націоналістів Полтави – Режим доступа: <http://cun.pl.ua/%D0%BF%D1%80%D0%BE-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%96%D1%8E/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%B0/> (дата обращения: 01.04.18).
- 21.Програма СНПУ-СВОБОДИ [Електронний ресурс] // Офіційний форум ВО "Свобода" – Режим доступа: <http://www.forum.vosvoboda.info/viewtopic.php?t=578&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=> (дата обращения: 01.04.18)
- 22.Проект Закону про внесення змін до закону України "Про географічні назви" щодо встановлення географічних назв [Електронний ресурс] // Официальный

- сайт Верховной рады - Режим доступа:
http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=56887 (дата обращения:
01.04.18).
23. Проект закону України «Про державні та інші свята, пам'ятні дати і скорботні дні» [Електронний ресурс] // Официальный сайт института национальной памяти – Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/laws/proekt-zakonu-ukraini-pro-derzhavni-ta-inshi-svyata-pam-yatni-dati-i-skorbotni-dni> (дата обращения: 01.04.18).
24. Радикальна партія Олега Ляшка. Передвиборчий ролик [Електронний ресурс] // Youtube канал Олега Ляшка – 1 октября 2014 г. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iVYrjFJp-g4> (дата обращения: 01.04.18).
25. Рекомендації до перейменування [Електронний ресурс] // Український інститут національної пам'яті - Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/rename> (дата обращения: 01.04.18).
26. Список народних депутатів України, обраних на виборах народних депутатів України 28 жовтня 2012 року [Електронний ресурс] // Центральна виборча комісія – Режим доступа: http://www.cvk.gov.ua/vnd_2012/ (дата обращения: 01.04.18)
27. Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію [Електронний ресурс] // Український інститут національної пам'яті - Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu> (дата обращения: 01.04.18).
28. Стенограмма первой сессии Верховной Рады Украины четырнадцатого созыва 12 мая 1998 г. 10:00 [Електронний ресурс] // Официальный сайт Верховной рады Украины – Режим доступа: http://static.rada.gov.ua/zakon/skl3/BUL31/120598_01.htm. (дата обращения: 01.04.18).

29. Україна – мати героїв – це... [Електронний ресурс] // Офіційний сайт МГО Національний Альянс – Режим доступу: <http://nation.org.ua/projects/ukrajina-maty-herojiv/> (дата звернення: 01.04.18)
30. Фракція Радикальної партії Олега Ляшка [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної Ради України – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/site2/p_deputat_list#search_res (дата звернення: 01.04.18).
31. European Parliament resolution of 25 February 2010 on the situation in Ukraine [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Європарламенту – Режим доступу: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P7-TA-2010-0035+0+DOC+XML+V0//EN> (дата звернення: 01.04.18).

Сообщения средств массовой информации и сетевых изданий

1. "Свобода", ПС и "Национальный корпус" объединяются для реализации общих целей [Електронний ресурс] // Насправді <http://naspravdi.info/novosti/svoboda-ps-i-nacionalnyy-korpus-obedinyayutsya-dlya-realizacii-obshchih-celey> (дата звернення: 01.04.18).
2. В Военной академии Одессы снесли новодельный памятник двоюродному брату Николая II [Електронний ресурс] // Думская.net - Режим доступу: <http://dumskaya.net/news/v-voennoj-akademii-odessy-snesli-novodelnyj-pamy-053100/> (дата звернення: 01.04.18).
3. В ДНР решили разрушить памятники жертвам голода и репрессий [Електронний ресурс] // Живой журнал frankenstein – Режим доступу: <http://frankenstein.livejournal.com/644404.html> (дата звернення: 01.04.18).
4. В ДНР хотят снести памятники жертвам Голодомора - СМИ // Корреспондент.net. – Режим доступу: <http://korrespondent.net/ukraine/3552133-v->

- dnr-khotiat-snesty-pamiatnyky-zhertvam-holodomora-smy (дата обращения: 01.04.18).
5. В Запорожье восстановили памятник Сталину [Электронный ресурс] // Телеканал новостей «24». - Режим доступа: http://24tv.ua/ru/v_zaporozhe_vosstanovili_pamyatnik_stalinu_n155893 (дата обращения: 01.04.18).
6. В Запорожье представители КПУ атаковали выставку, посвященную УПА // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» - 2008. - №14. - С. 2.
7. В Луганской области хулигану, который взорвал памятник Ленину, дали три года [Электронный ресурс] // CXID.info - Режим доступа: <http://cxid.info/v-luganskoy-oblasti-huliganu-kotoryy-vzorval-pamyatnik-leninu-dali-tri-goda-n59152> (дата обращения: 01.04.18).
8. В столичной школе разразился скандал из-за пророссийских учебников [Электронный ресурс] // Украинское интернет-издание «Обозреватель» – Режим доступа: <https://www.obozrevatel.com/society/32094-v-stolichnoj-shkole-razrazilysya-skandal-iz-za-prorossijskih-uchebnikov.htm> (дата обращения: 01.04.18).
9. Вирок голоду. Апеляційний суд Києва назвав організаторів Голодомору 1932-1933 рр. Історичну справедливість відновлено [Электронный ресурс] // Официальный сайт СБУ Украины – Режим доступа: http://ssu.kmu.gov.ua/sbu/control/uk/publish/article?art_id=96824&cat_id=96714&mustWords=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%80&searchPublishing=1 (дата обращения: 01.04.18)
10. Виступ Ющенко перед парламентом [Электронный ресурс] // Українська правда - Режим доступа: http://www.pravda.com.ua/articles/2006/02/9/3061882/view_print/ (дата обращения: 01.04.18).
11. Відбулося ранкове засідання Верховної Ради України [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной рады Украины – Режим доступа: <http://rada.gov.ua/news/Novyny/131146.html> (дата обращения: 01.04.18).

12. Вступительное слово Януковича к посланию к Верховной Раде. Полный текст [Электронный ресурс] // Корреспондент.net – Режим доступа: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/1366886-vstupitelnoe-slovo-yanukovicha-k-poslaniyu-k-verhovnoj-rade-polnyj-tekst> (дата обращения: 01.04.18).
13. Выступление президента в Верховной Раде (полный текст) [Электронный ресурс] // ИА Украинские национальные новости – Режим доступа: <http://www.unn.com.ua/ru/news/325753-vistup-prezidenta-u-verhovniy-radi-povniy-tekst> (дата обращения: 01.04.18).
14. Выступление президента в День памяти жертв голодоморов в Украине в 2014 г. // Официальное интернет-представительство президента Украины - Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/slovo-prezidenta-u-den-vshanuvannya-pamyati-zhertv-golodomor-34103> (дата обращения: 01.04.18).
15. Выступление президента на церемонии памяти жертв голодоморов в Украине в 2015 г. [Электронный ресурс] // Официальное интернет-Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-na-ceremoniyi-vshanuvannya-pamyati-zhertv-36377> (дата обращения: 01.04.18).
16. Газета Наступ №2 Березень 2009 [Электронный ресурс] // Мережеве видання Рід – Режим доступа: http://rid.org.ua/knigarnya/nastup/N2_a5.pdf (дата обращения: 01.04.18).
17. Головатий розповів про важливість державних свят [Электронный ресурс] // Інформаційна агенція «ВГОЛОС» – Режим доступа: http://vgolos.com.ua/news/golovatyy_rozpoviv_pro_vazhlyvist_derzhavnyh_svyat_12894.html?print (дата обращения: 01.04.18).
18. Жители Кировограда вышли на митинг против переименования города в Ингульск [Электронный ресурс] // Газета «Сегодня» - Режим доступа: <http://www.segodnya.ua/ukraine/zhiteli-kirovograda-vyshli-na-miting-protiv-pereimenovaniya-goroda-v-ingulsk-684223.html> (дата обращения: 01.04.18).

19. За лаштунками Правого сектору [Електронний ресурс] // Українська правда – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/articles/2014/04/1/7020952/> (дата обращения: 01.04.18).
20. Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2003 році» [Електронний ресурс] // Харківська обласна рада – Режим доступа: http://www.ts.lica.com.ua/b_text.php?type=3&id=200113&base=1 (дата обращения: 01.04.18).
21. Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2005 році» [Електронний ресурс] // Офіційний сайт Верховної ради – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-06/page2> (дата обращения: 01.04.18).
22. Інститут напам'яті: За Єлисаветград буде навіть більше соромно, ніж за Кіровоград [Електронний ресурс] // Сетеве видання Голос Правди - Режим доступа: <https://golospravdy.com/institut-nacpamyati-za-elisavetgrad-budet-dazhe-bolee-stydno-chem-za-kirovograd/> (дата обращения: 01.04.18).
23. Як Ільича свергають з п'єдесталів [Електронний ресурс] // Агентство Русської Інформації - Режим доступа: <https://ari.ru/ari/2013/06/01/kak-ilicha-svergayut-s-pedestalov> (дата обращения: 01.04.18).
24. Канада призвала визнати геноцидом депортацію кримських татар 1944 року [Електронний ресурс] // «Life.ru» — інформаційний портал – Режим доступа: https://life.ru/t/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/912264/kanada_prizvala_priznat_ghienotsidom_dieportatsiiu_krymskikh_tatar_1944_ghoda (дата обращения: 01.04.18).
25. Луганське відкрили пам'ятник жертвам ОУН-УПА [Електронний ресурс] // Інформаційне агентство ЛІГА БізнесІнформ - Режим доступа:

- <http://news.liga.net/news/society/486640-v-luganske-otkryli-pamyatnik-zhertvam-oun-upa.htm> (дата обращения: 01.04.18).
26. Минюст признал организацию УНА-УНСО пособниками фашистов [Электронный ресурс] // Газета «Вести» – Режим доступа: <http://vesti-ukr.com/strana/105941-minjust-priznal-organizaciju-una-unso-posobnikami-fashistov> (дата обращения: 01.04.18).
27. Міцний сплав. Як виник "Правий сектор" [Электронный ресурс] // Тиждень.ua – Режим доступа: <http://tyzhden.ua/Society/142869> (дата обращения: 01.04.18).
28. На родине Ющенко открыли памятник жертвам ОУН-УПА (ФОТО) [Электронный ресурс] // РИА «Новый День» - Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kiev/187809.html> (дата обращения: 01.04.18).
29. На Украине выпустили из-под стражи «васильковских террористов» [Электронный ресурс] // «Lenta.ru» - Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/02/24/out/> (дата обращения: 01.04.18).
30. Одесситы восстановили первый в СССР памятник Ленину – "пауку" [Электронный ресурс] // Газета «Сегодня» - Режим доступа: <http://kp.ua/politics/427925-odessyty-vosstanovyly-pervyi-v-sssr-pamiatnyk-lenynu-rauku> (дата обращения: 01.04.18)
31. Открытое письмо участников научных чтений «Попытка реабилитации ОУН-УПА – преступление против Великой Победы» г. Киев 13 октября 2008 г. // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» - 2008. - №12. - С. 3.
32. Памятник Ленину восстановят в центре Одессы [Электронный ресурс] // Биржевой лидер - Режим доступа: <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/ukraine/entry1008186047.html> (дата обращения: 01.04.18).
33. Позачергове послання Президента України до Верховної Ради України 2014 р. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/pozachergove-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-rad-34118> (дата обращения: 01.04.18).
34. Порошенко призвал Турцию признать депортацию крымских татар в 1944 году геноцидом [Электронный ресурс] // Материк. Информационно-аналитический

- портал постсоветского пространства – Режим доступа:
http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=22960&phrase_id=2313848 (дата обращения: 01.04.18).
- 35.Порошенко: 80% украинцев считают Голодомор геноцидом [Электронный ресурс] // Корреспондент.net – Режим доступа:
<http://korrespondent.net/ukraine/3596150-poroshenko-80-ukrayntsev-schytauit-holodomor-henotsydom> (дата обращения: 01.04.18)
- 36.Послання Президента України Віктора Ющенка до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України 2008 рік [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной рады Украины - Режим доступа:
<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0013100-08> (дата обращения: 01.04.18).
- 37.Послання Президента України Віктора Януковича до Українського народу [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной рады – Режим доступа:
<http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/n0003100-10> (дата обращения: 01.04.18).
- 38.Послання Президента України до Верховної Ради України 2001 рік [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховной рады – Режим доступа:
<http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/n0002100-01> (дата обращения: 01.04.18).
- 39.Правительство Януковича не будет исполнять указ Ющенко о реабилитации украинских националистов [Электронный ресурс] // Интернет-издание NEWSru.com – Режим доступа:
<http://www.newsru.com/world/19oct2006/yanukovich.html> (дата обращения: 01.04.18)
- 40.Президент Украины поздравил националистов с годовщиной создания повстанческой армии [Электронный ресурс] // Интернет-издание NEWSru.com – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/14oct2006/ushen.html> (дата обращения: 01.04.18).
- 41.Президент Украины приравнял бандеровцев к ветеранам ВОВ. Левые в шоке [Электронный ресурс] // Интернет-издание NEWSru.com – Режим доступа:
<http://www.newsru.com/world/16oct2006/viktor.html> (дата обращения: 01.04.18).

- 42.Россия назвала позорным присвоение Бандере Героя Украины [Электронный ресурс] // ІНА "Українські Новини" – Режим доступа: <https://ukranews.com/news/24115-rossyya-nazvala-pozornym-prysvoenye-bandere-geroya-ukrayny> (дата обращения: 01.04.18).
- 43.Русско-украинский диалог: продолжать нельзя прекращать [Электронный ресурс] // Газета 2000 – Режим доступа: <http://www.2000.ua/mnenija/intervyu/russko-ukrainskii-dialog-prodolzhat-nelzja-prekrashat.htm> (дата обращения: 01.04.18).
- 44.С осени официальная пропаганда относительно Голодомора-геноцида и деятельности ОУН-УПА будет усилена // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». - 2009. - №11-12. - С. 3.
- 45.СБУ возбудила уголовное дело по факту совершения Геноцида [Электронный ресурс] // ИА Уніан – Режим доступа: <https://www.unian.net/politics/225116-sbu-vozbudila-ugolovnoe-delo-po-faktu-soversheniya-genotsida-dopolnennaya.html> (дата обращения: 01.04.18)
- 46.Сегодня в Сватово открыли памятник жертвам ОУН-УПА [Электронный ресурс] // CXID.info - Режим доступа: <http://cxid.info/segodnya-v-svatovo-otkryli-pamyatnik-jertvam-oun-upa-n50894> (дата обращения: 01.04.18).
- 47.Спикер Рады заявил о заселении востока Украины миллионами «московских оккупантов» [Электронный ресурс] // Интернет-издание Lenta.ru – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/06/02/parubiy/> (дата обращения: 01.04.18).
- 48.Толокин В. Выстрел в спину [Электронный ресурс] // Газета Правда - Режим доступа: <https://kprf.ru/pravda/issues/2007/104/article-18285/> (дата обращения: 01.04.18)
- 49.Тризубовцам», взорвавшим Сталина в Запорожье, придется раскошелиться на нового вождя. Повезло, что дали условные сроки [Электронный ресурс] // Фраза.ua - Режим доступа: https://fraza.ua/news/130679-«trizubovtsam»_vzorvavshim_stalina_v_zaporozhe_pridetsja_raskoshelitsja_na_novogo_vozhdja_povezlo_cho_dali_uslovnye_sroki (дата обращения: 01.04.18).

50. Українці стали менш довірливими і терпимими. // Газета «Сегодня». 2016 - Режим доступа: <http://ukr.segodnya.ua/ukraine/ukraincy-stali-menee-doverchivymi-i-terpimymi-655953.html> (дата обращения: 01.04.18).
51. Школьников и студентов на Украине обязали зажечь свечи в память о голоде 1932-1933 годов // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». – 2008. - №14. - С. 2.
52. Щорічне Послання Президента до Верховної Ради «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у 2016 році» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Украины – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/shorichneposlannya-prezidenta-do-verhovnoyi-radi-pro-vnutri-38077> (дата обращения: 01.04.18).
53. Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/shorichne-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-radi-u-35412> (дата обращения: 01.04.18).
54. Ющенко выиграл суд у Витренко [Электронный ресурс] // Информационное агентство ЛІГА Бізнес Інформ – Режим доступа: <http://news.liga.net/news/politics/543373-yushchenko-vyigral-sud-u-vitrenko.htm> (дата обращения: 01.04.18).
55. Ющенко откроет Музей оккупации [Электронный ресурс] // Интернет-газета Взгляд – Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2007/3/2/70721.html> (дата обращения: 01.04.18)
56. Ющенко передаст свой партбилет в музей советской оккупации? [Электронный ресурс] // РИА «Новый день» – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/kiiev/123762.html> (дата обращения: 01.04.18).
57. Ющенко: Украина - посттоталитарное, постколониальное и постгеноцидное государство [Электронный ресурс] // ИА REGNUM – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1198886.html> (дата обращения: 01.04.18).

- 58.Ющенко: Україна має очиститися від комуністичних символів вбивства [Електронний ресурс] // Українська Правда - Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/news/2009/05/17/3946930/> (дата обращения: 01.04.18).
- 59.Янукович призывает украинцев перестать жаловаться и унижаться [Електронний ресурс] // ИА Уніан – Режим доступа: <http://www.unian.net/politics/480809-yanukovich-prizyivaet-ukraintsev-perestat-jalovatsya-i-unijatsya.html> (дата обращения: 01.04.18).
- 60.Янукович сказал депутатам ПАРЄ, що Голодомор – не геноцид [Електронний ресурс] // Уніан - Режим доступа: –<http://eunews.unian.ua/352130-yanukovich-skazav-deputatam-pare-scho-golodomor-ne-genotsid.html> (дата обращения: 01.04.18).
- 61.Kiev’s botched airstrike fuels the rebellion in east Ukraine [Електронний ресурс] // The Times Newspapers – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/kievs-botched-airstrike-fuels-the-rebellion-in-east-ukraine-h6hl988jf2k> (дата обращения: 01.04.18).

Полевые наблюдения и материалы

1. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 17.01.2017 г. В.В., 1993 г.р.
2. Полевой материал экспедиции автора в г. Житомир, Украина, 25.01.2017 г. О.А. 1984 г.р.
3. Полевой материал экспедиции автора в с. Брусница, Черновицкая область, Украина, 28.01.2017 г. В.П., 1995 г.р.
4. Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий, Украина, 07.04.2017 г. М.Н., 1996 г.р.
5. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 6.04.2017 г. Д.А., 1980 г.р.
6. Полевой материал экспедиции автора в г. Борщёв, Тернопольская область, Украина, 24.04.2017 А.А. г., 1999 г.р.
7. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 7.04.2017 г. М.К., 1996 г.р.
8. Полевой материал экспедиции автора в с. Турка, Львовская область, Украина, 17.04.2017 Х.Я. 1998 г.р.
9. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 8.04.2017 г. Д.А., 1995 г.р.
10. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 8.04.2017 г. Я.А., 1996 г.р.

11. Полевой материал экспедиции автора в пгт. Берегомет, Черновицкая область, Украина, 25.04.2017 А.А., 1998 г.р.
12. Полевой материал экспедиции автора в г. Москва, Россия, 25.03.2017 г. И.Ф. 1987 г.р.
13. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 20.05.2017 г, П.Б. 1962 г.р.
14. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017, Л.Г. 1947 г.р.
15. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 21.05.2017, В. К.
16. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 22.05.2017, А.Ф. 1992 г.р.
17. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 23.05.2017, А.Г. 1989 г.р.
18. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 23.05.2017, Д.Ф. 1988 г.р.
19. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, 24.05.2017, Гайдукевич Анастасия Віталіївна начальник відділу музейної справи Управління інституційного забезпечення політики національної пам'яті, Щорічна в г. Киев, Украина, 1982 г.р.
20. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 24.05.2017 Я.В., 1963 г.р.
21. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 24.05.2017, Д.П. 1992 г.р.
22. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 25.05.2017, Пошивайло Ігор Володимирович директор Национального мемориального комплекса Героев Небесной Сотни — Музея Революции Достоинства, 1967 г.р.

- 22.1 Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 16.06.2017, Пошивайло Ігор Володимирович директор Национального мемориального комплекса Героев Небесной Сотни — Музея Революции Достоинства, 1967 г.р.
23. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 25.05.2017 г.р., Вятрович Владимир Михайлович Директор Украинского института национальной памяти, 1977 г.р. выступление в Дискуссионном клубе координационной рады «Реанімаційний пакет реформ»
24. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 29.05.2017, М.А., 1993 г.р.
25. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 30.05.2017, Т.А., 1999 г.р.
26. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 30.05.2017, Д.Р. 1993 г.р.
27. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 31.05.2017, В.В.
- 27.1 Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 1.06.2017, В.В.
28. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 31.05.2017, Т.А.
29. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 1.06.2017, С.А., А.А.
30. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 2.06.2017, Л.А. 1954 г.р.
31. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 2.06.2017, А.И.
32. Полевой материал экспедиции автора в г. Черновцы, Украина, 1.06.2017, В.А., 1950
33. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 6.06.2017, А.А.

34. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 6.06.2017, А.Д. 1991 г.р.
35. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 4.06.2017, А.Ф. 1983 г.р.
36. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 7.06.2017, Д.Б. 1992 г.р.
37. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 7.06.2017, Антон Евгеньевич Финько к.ф.н. эксперт Киевского Центра политических исследований и конфликтологии политолог 1971 г.р.
38. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 10.06.2017, Д.Х. 1986 г.р.
39. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 9.06.2017, Катерина Чуева, Заместитель генерального директора Национального музея искусств Богдана и Варвары Ханенко, куратор коллекции искусства Древнего Египта, Греции и Рима, член правления Украинского комитета ICOM.
40. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 11.06.2017, И.Х. 1966 г.р.
41. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 12.06.2017, Т.Б. 1948 г.р.
42. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 12.06.2017, Ю.Г.
43. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 13.06.2017, Д.К. 1969 г.р.
44. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 14.06.2017, Н.Ш.1989 г.р.

45. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 14.06.2017, А.В. 1995 г.р.
46. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, А.Д. 1947 г.р.
47. Полевой материал экспедиции автора в г. Киев, Украина, 15.06.2017, Максим Буткевич 1977 г.р. координатор проекту «Без кордонів».
48. Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 17.06.2017, Е.А. 1997 г.р.
49. Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 17.06.2017, А.В. 1999
50. Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 18.06.2017, Я.С. 1997 г.р.
51. Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 18.06.2017, Д.В. г.р.
52. Полевой материал экспедиции автора в г. Кропивницкий (Кировоград), Украина, 18.06.2017, Ж.М. 1968 г.р.
53. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 19.06.2017, О.О. 1994 г.р.
54. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков), Украина, 19.06.2017, Л.К., 1993 г.р.
55. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 21.06.2017, П.А. 1959 г.р.
56. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 21.06.2017, Л.А.1993 г.р.
57. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, А.Т. 1996 г.р.
58. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, М.А.1996 г.р.

59. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, Д.М. 1995 г.р.
60. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 22.06.2017, П.П., 1987 г.р.
61. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 26.06.2017, М.В. 1989 г.р.
62. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 19.06.2017, А.Г. 1995 г.р.
63. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 25.06.2017, М.В.1957 г.р.
64. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 26.06.2017, А.А., 1995 г.р.
65. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 26.06.2017, К.А., 1995 г.р.
66. Полевой материал экспедиции автора в г. Харьков, Украина, 26.06.2017, Н.А., 1996 г.р.

Список используемой литературы

1. 20 років Незалежності: Ленін все ніяк не Goodbye! [Електронний ресурс] // Інформаційний портал ТЕКСТИ.ORG.UA - Режим доступа: <http://texty.org.ua/pg/article/devrand/read/37123/> (дата обращения: 01.04.18).
2. Авербух С.Л. Новый антисемитизм в Украине. – Киев: Ассоциация национальных и культурных объединений Украины, Еврейский культурный фонд, 2005. — 255 с.
3. Агресія Росії проти України: історичні передумови та сучасні виклики – Київ: «МП Леся», 2016. — 586 с.
4. Алексеевский М.Д., Козлова И.В. Праздник не праздник, а так... // Живая старина. - 2009. - № 3. — С. 43□45.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
6. Андрущенко П. Симон Петлюра. Річниця загибелі // Орієнтири. – 2001. — №2. — С. 9
7. Андрущенко Е.С. Конфлікти, розколи і спроби об'єднання в українському націоналістичному русі (1990 - 2005 рр.) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2012. — Вип. 32. — С. 297-302.
8. Андрущенко Е.С. Об'єднання «Державна самостійність України» у політичному житті 1989-2003 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2012. — Вип. 29. — С. 232-238.
9. Андрущенко Е.С. Українські праворадикальні організації у контексті суспільно-політичних процесів (кінець 1980-х - 2015 рр.): автореф. дис. ... канд.

іст. наук : (07.00.01) / Е. С. Андрющенко; Запоріз. нац. ун-т. - Запоріжжя, 2015.
— 20 с.

10. Андрющенко Е.С. Участь українських національних організацій у парламентських виборах 1994-2002 рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. - 2011. - Вип. 31. — С. 219-224.
11. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — М.: Европа, 2007. — 612 с.
12. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 496 с.
13. Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 208 с.
14. Антропология социальных перемен / Отв. ред. Э. Гучинова, Г. Комарова. — М.: РОССПЭН, 2011. — 758 с.
15. Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 368 с.
16. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
17. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. - М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с.
18. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
19. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2013. — № 4(69). — С. 106-123.

20. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – Вып. 1. — С. 126-148.
21. Бабенко В.Н. Украина в паутине национализма: политические и правовые последствия // Журнал «Россия и современный мир». — 2014. — № 2В(83). — С. 211-221.
22. Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух історія та ідеї [Электронный ресурс] // E-libra.ru. Электронная библиотека. – Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/225495-naconalzm-naconalstichnij-rux.html> (дата обращения: 01.04.18).
23. Баган О.Р. Націоналізм і націоналістичний рух: історія та ідеї. – Львів: Піраміда, 2015. – 250 с.
24. Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник истории и государственная политика. - М.: Научный эксперт, 2009. — 376 с.
25. Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. - М.: Мысль, 1987. — 348 с.
26. Баханов К.О. Сучасна шкільна історична освіта: інноваційні аспекти — Донецьк: Юго-Восток, 2005. – 384 с.
27. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
28. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.
29. Березняков Д. В., Козлов С. В. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 4. — С. 34-45.

- 30.Березняков Д.В., Козлов С.В. Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим»? // Символическая политика. – М.: ИНИОН, 2015. – Вып. 3: Политические функции мифов. – С. 171-191.
- 31.Білецький А.Є. Слово Білого Вождя. - Харків: Самиздат, 2013. — 41 с.
- 32.Більше половини українців не вважають День Конституції святом [Електронний ресурс] // Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=100 (дата обращения: 01.04.18)
- 33.Бобкова М.С. «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. - М.: ИВИ РАН, 2010. – 339 с.
- 34.Бобкова М.С. У истоков формирования исторического сознания западноевропейского общества Нового времени // Новая и новейшая история. — 2008. — №6. — С. 24-34.
- 35.Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т.20. Плата - Проб. / Гл. ред. А.М. Прохоров. -3 - е изд. - М.: Сов. энциклопедия, 1975. — 608 с.
- 36.Бондаренко Д. Идеологические основы учебников по истории Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2010. — №1. — С. 34-36.
- 37.Борозняк А.И. «Это была преступная расово-идеологическая война». Нацистская агрессия против СССР в исторической памяти современных немцев // Российская история. — 2012. — № 3. — С. 174-188.
- 38.Борозняк А.И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. - М.: РОССПЭН, 2014. — 352 с.
- 39.Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2-3. — С. 58-65.

- 40.Брехуненко В., Ковальчук В., Ковальчук М., Корнієнко В. "Братня" навала. Війни Росії проти України XII - XXI ст. – Київ: 2016. — 248 с.
- 41.Буганов А.В. Героическое в историческом фольклоре и народном сознании русских XIX-XX вв. // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX-начала XX вв. - М.: ИЭА РАН, 2013. — С. 14-29.
- 42.Буганов А.В. Историческая память русского народа об Отечественной войне. - Тула: Гриф и К., 2012. — 240 с.
- 43.Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX — начала XX в.: Историко-этнографическое исследование - М.: Принципиум, 2013. — 296 с.
- 44.Буганов А.В. Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. - М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1992. — 207 с.
- 45.Бурдые П. Социология политики. — М.: SocioLogos, 1993. — 336 с.
- 46.Бурдые П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
- 47.Бутылов Н.В., Шиженский Р.В. Локусы новоязыческого золотого века на примере мировоззренческих дискурсов волхва Велимира (Н. Н. Сперанского) // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2013. — Т.1 — № 3(115). — С. 34-37.
- 48.Был ли «голодомор» в 1933 году? [Электронный ресурс] // News Book. Электронный журнал — Режим доступа: <http://newsbook.name/lenta/byl-li-golodomor-v-1933-godu/> (дата обращения: 01.04.18).
- 49.Быстров Н. Газета «Правда» и закрепление идеологемы «фашизм» в массовом сознании: (пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948-1953 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2008. — № 11. — С. 150-159.

- 50.Бышок С.О. Иллюзия свободы. Куда ведут Украину новые бандеровцы. – М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2013. – 352 с.
- 51.Бышок С.О., Кочетков А.В. Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. – М.: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия», 2014. – 480 с.
- 52.Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013. — 344 с.
- 53.Ваньке А.В. Ландшафты памяти. Парк Победы на Поклонной горе в Москве // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 3(101). — С. 203-220.
- 54.Ваньке А.В., Полухина Е.В. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // ИНТЕР. — 2014. — № 8. — С. 36-51.
- 55.Васильев А.Г. Memory Studies: единство парадигмы — многообразие объектов // Новое литературное обозрение. — 2012. — №5(117). — С. 461-480.
- 56.Васильев А.Г. Теория социальной памяти Аби Варбурга: между философией культуры и историей искусства // Искусствознание. — 2009. — № 1-2. — С. 16-39
- 57.Васильев А.Г. Философия культуры и теория социальной памяти Аби Варбурга // Научные труды МПГУ. Сер. Соц.-ист. науки. – М.: Прометей, 2005. – С. 708-717.
- 58.Васильчук Є.О. Ідеологічні доктрини українських правоекстремістських об'єднань у контексті постмодерністського дискурсу (на прикладі УНА-УНСО) // Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут». Політологія. Соціологія. Право. — 2013. — № 3. — С. 16-20.

59. Ведюшкина И.В. Историческая память домонгольской Руси: религиозные аспекты // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. — М.: Кругъ, 2006. — С. 554-608.
60. Ведюшкина И.В. Самоназвание и «чувство-мы»: формы проявления коллективной идентичности в «Повести временных лет» // Культура исторической памяти: материалы науч. конференции (19–22 сентября 2001 г.). - Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. — С. 18-25.
61. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. І допов.) / Уклад. І голов. Ред. В.Т. Бусел. — Київ.: Ірпінь: Перун, 2005. — 1728 с.
62. Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. — 2014. — №5. — С. 50-67.
63. Верховский А.М. Радикальные националисты в России в начале 2000 года. Доклад, представленный в Университете Калифорнии в Дэвисе 23 февраля 2000 г. [Электронный ресурс] // Информационно-экспертная группа "Панорама" — Режим доступа: <http://www.panorama.ru/works/patr/bp/finrr.html> (дата обращения: 01.04.18).
64. Верховский А.М., Папп А.А., Прибыловский В.В. Политический экстремизм в России. - М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. — 356 с.
65. Війни пам'ятей та політика примирення: зб. наук. праць / Голов. ред. В.Ф. Солдатенко; Укр. ін-т нац. Пам'яті. — Київ: Пріоритети, 2013. — 254 с.
66. Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. - СПб.: Алетейя, 2010. — 384 с.
67. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. — М.: Издательство «Единство», 1998. — 256 с.
68. Вопросы идентичности русскоязычных граждан Украины в контексте вооруженного конфликта на востоке страны // International Alert. — Режим доступа: <http://www.international->

- alert.org/sites/default/files/Ukraine_RussophoneIdentity_RU_2017_1.pdf (дата обращения: 01.04.18).
69. Вундт В. Проблемы психологии народов. — М.: Академический проект, 2010. — 136 с.
70. Выдающиеся украинцы [Электронный ресурс] // Социологическая группа «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/vydayuschiesya_ukraincy.html (дата обращения: 01.04.18).
71. Выдающиеся украинцы всех времен [Электронный ресурс] // Социологическая группа «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/vydayuschiesya_ukraincy_vseh_vremen.html (дата обращения: 01.04.18)
72. Гайдай А.Ю., Любарец А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепропетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник пермского университета. — 2016. — Выпуск 2 (33). — С. 28-41.
73. Гай-Нижник П.П. Росія проти України (1990–2016 рр.): від політики шантажу і примусу до війни на поглинання та спроби знищення. — Київ: «МП Леся», 2017. — 332 с.
74. Геллнер Э. Нации и национализм. - М.: Прогресс. 1991. — 320 с.
75. Героизация бандеровцев не поддерживается народом // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2007. — №5. — С. 31.
76. Голобуцький О., Кулик В. Ультраправі партії [Электронный ресурс] // Официальный сайт Голобуцкого О. по изданию Політичні партії України / О. П. Голобуцький [та ін.]; ред. В. М. Якушик; Національний ун-т «Києво-Могилянська академія», Центр суспільно-політичних досліджень. — Київ: Кобза, 1996. — 144 с. — Режим доступа: <http://golob.narod.ru/glvtultrapravi.html> (дата обращения: 01.04.18).

77. Голодомор – геноцид: подмена понятий // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2007. — №5 — С. 29.
78. Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція. Київ, 9-10 вересня 1993 р.: матеріали. — Київ: Інститут історії України НАН України, 1995. — 199 с.
79. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 408 с.
80. Грабович Г. Слідами національних містифікацій // Критика. — 2001. — №6(44). — С. 14-23.
81. Грабовский С.И. Существует ли та победа, которая объединит Украину? [Электронный ресурс] // Українська правда — Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2007/11/28/4428270/> (дата обращения: 01.04.18).
82. Григорьев М.С. Евромайдан. — М.: Кучково поле, 2014. — 464 с.
83. Грицак Я.И. 26-й процет, або Як подолати історію. Киев, 2014. — 136 с.
84. Грицак Я.И. Страсті за націоналізмом. Стара історія на новий лад. — Київ: Критика, 2011. — 350 с.
85. Губарев П. Факел Новороссии. — СПб.: Питер, 2016. — 416 с.
86. Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас — 2005. — №2-3(40-41). — С. 46-57.
87. Гудков Л.Д. 1917 год в структуре легитимности российской власти // Неприкосновенный запас. — 2017. — №6. — С. 154-172.
88. Гудков Л.Д. Время и история в сознании россиян (часть I) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2009. — Т. 101. — №3. — С. 84-102.

- 89.Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. - Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005 – 282 с.
- 90.Гущин А.В. Украина: двадцать пять лет упущенных возможностей // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: НП РСМД, 2017 - С. 194-214.
- 91.Данилов А.А., Филиппов А.В. и др. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. - М.: Государственный Клуб, 2009. — 389 с.
- 92.Данто А. Аналитическая философия истории. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 292 с.
- 93.Декомунізація [Электронный ресурс] // Український інститут національної пам'яті - Режим доступа: <http://www.memory.gov.ua/page/dekomunizatsiya-0> (дата обращения: 01.04.18).
- 94.Денисов Д.О. Восприятие голода 1932-33 годов жителями Украины // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2009. — №2. — С. 32-34.
- 95.Держава, влада та громадянське суспільство у документах політичних партій України (кінець 1980-х – перша половина 2011 рр.). – Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2011. – 808 с.
- 96.Диалог со временем. Вып.10 : Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 408 с.
- 97.Диалог со временем. Вып.16 : Альманах интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 400 с.
- 98.Динаміка ностальгії за СРСР 2014 р. [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/nostalgia_po_ssr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html (дата обращения: 01.04.18).
- 99.Динаміка ностальгії за СРСР 2016 р.[Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа:

<http://ratinggroup.ua/research/ukraine/c910ad1d40079f7a2a28377c27494738.html>

(дата обращения: 01.04.18).

100. Динаміка ставлення до визнання ОУН –УПА [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_priznaniyu_oun-ura.html (дата обращения: 01.04.18).
101. Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2013 [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2013.html (дата обращения: 01.04.18).
102. Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2014 [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2014.html (дата обращения: 01.04.18).
103. Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2015 [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru_noyabr_2015.html (дата обращения: 01.04.18).
104. Динаміка ставлення до Голодомору: листопад 2016 [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/dinamika_otnosheniya_k_golodomoru.html (дата обращения: 01.04.18).
105. Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. — 2004. — №5(20). — С. 68-84.
106. Дубин Б.В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. — 2008. — № 4(43). — С. 6-21.
107. Думки населення України щодо визнання голодомору 1932-33 рр. Геноцидом [Електронний ресурс] // Київський міжнародний інститут

108. Дюркгейм Э.О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1991. — 576 с.
109. Енциклопедія українознавства: Словникова частина. — Париж - Нью-Йорк: Молоде життя, 1966. — Т. 5. — С. 1600-2000.
110. Еремина Н.В., Середенко С.Н. Правый радикализм в партийно-политических системах современных европейских государств. — СПб.: Алетейя, 2016. — 302 с.
111. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России в XVI века // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. - М.: Кругъ, 2006. — С. 609-634.
112. Ерусалимский К.Ю. Понятие «История» в русском историописании XVI века // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. - М.: Кругъ, 2003. — С. 365-401.
113. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики // Символическая политика: Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего. — М.: РАН ИНИОН, 2013. — С. 66-79.
114. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2014. — Вып. 2. — С. 66-79.
115. Ефремова В.Н. День народного единства: изобретение праздника // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2012. — Вып. 1. — С. 286-300.

116. Ефремова В.Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2011. — № 3. — С. 53-65.
117. Євтух В.Б. Про національну ідею, етнічні меншини, міграції. — Київ: Стилос, 2000. — 236 с.
118. Євтух В.Б. Центри етнічної проблематики. — Київ: Інтерсервіс, 2014. — 253 с.
119. Єсельчик С. Імперія пам'яті: російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. — Київ: Часопис «Критика», 2008. — 304 с.
120. Женские и мужские праздники [Электронный ресурс] // Социологическая группа Рейтинг — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/zhenskie_i_muzhskie_prazdniki.html (дата обращения: 01.04.18).
121. Жиляєв І.Б. Послання Президента України як інструмент державної політики // Стратегічні пріоритети. — 2007. — №1(2). — С. 24-33.
122. Жиромская В.Б. Голод 1932-1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2009. — № 14. — С. 92-101.
123. Журженко Т.Ю. Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства. — Вильнюс: ЕГУ, 2008. — 256 с.
124. Журухина А.А. Политизация истории на постсоветском пространстве (на примере украинских учебников истории) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2010. — № 1(44). — С. 180-192.
125. Журухина, А.А. Политический дискурс национальной истории Украины: 1996-2011 гг.: автореф. дис. ... канд. политич. наук / А.А. Журухина. — Москва, 2012. — 25 с.

126. За лаштунками Правого сектору [Электронный ресурс] // Українська правда – Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/articles/2014/04/1/7020952/> (дата обращения: 01.04.18).
127. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. – 992 с.
128. Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей / Науч. ред. А.М. Семенов, И.В. Герасимов, М.Б. Могильнер. — М.: Новое издательство, 2011.— 416 с.
129. Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе: Сборник статей. — М. Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. —320 с.
130. Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. — 2009. — № 2. — С. 33-60.
131. Ионов И.Н. Образы пространства и времени в имперском колониальном и постколониальном дискурсах // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. - М.: Кругъ, 2008. — С. 337–370.
132. Ионов И.Н. Стратегии деисторизации // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад. - М.: Кругъ, 2010. – С. 48-65.
133. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков: Гуманитарный центр, 2008. — 352 с.
134. Историческая политика в XXI веке. / Под редакцией: А. Миллер, М. Липман. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 648 с.
135. История и коллективная память: сборник статей по еврейской историографии. - М.: Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2008. — 232 с.

136. История и политика: как наше настоящее и будущее связаны с нашим прошлым? (Тридцатые Губернаторские чтения. Тюмень, 10 октября 2017 г.) // Полития. — 2017. — № 4. — С. 150-177.
137. История понятий, история дискурса, история метафор. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 328 с.
138. Іванишин В. Українська ідея: вибрані твори. — Дрогобич: Посвіт, 2014. — 928 с.
139. Ідентичність громадян України в нових умовах: стан, тенденції, регіональні особливості Інформаційно-аналітичні матеріали до Фахової дискусії «Формування спільної ідентичності громадян України: перспективи та виклики» 7 червня 2016 р. [Електронний ресурс] // Центр Разумкова – Режим доступа: <http://razumkov.org.ua/upload/Identi-2016.pdf> (дата обращения: 01.04.18).
140. Історик і Влада / Відп. ред. В. Смолій. НАН України. Інститут історії України. — Київ: Інститут історії України НАН України, 2016. — 543 с.
141. Калинин И.А. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. — 2013. — № 2(88). — С. 200-214.
142. Кантор В.К. Карамзин: самопознание, или Сотворение европейской России // Вопросы философии. — 2016. — № 12. — С. 123-128.
143. Касьянов В.Г. Історична пам'ять та історична політика: до питання про термінологію й генеалогію понять // Український історичний журнал. — 2016. — № 2. — С. 118-137.
144. Касьянов Г.В. Danse macabre: голод 1932-1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). — Київ: Наш час, 2010. — 271 с.

145. Касьянов Г.В. Голодомор и строительство нации // Pro et contra. — 2009. — № 3-4. — С. 24-42.
146. Касьянов Г.В. Историческая политика в Украине и Голодомор // Прошлый век. — М.: ИНИОН РАН, 2013. - С. 277-337.
147. Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая Экспертиза. — 2016. — №2. — С. 28-55.
148. Касьянов Г.В. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006 – 2016) [Электронный ресурс] // Интернет-мережа гуманітаріїв в Україні і світі – Режим доступа: <http://historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiiyu-ukrainskogo-institutu-natsional-noj-pamyati-2006-2016> (дата обращения: 01.04.18).
149. Касьянов Г.В. Освітня система України 1990 – 2014 Аналітичний огляд. – Київ: ТАКСОН, 2015. – 52 с.
150. Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму — Київ: Либідь, 1999. – 352 с.
151. Касьянов Г.В. Украина – 1990: «бои за историю» // Новое литературное обозрение – 2007. — №1(83). — С. 76-93.
152. Касьянов Г.В. Украина 1991-2007: очерки новейшей истории. — Киев: Наш час, 2008. — 480 с.
153. Касьянов Г.В. Украина: прощай, гомо советикус [Электронный ресурс] // Newsland. Информационно-дискуссионный портал. – Режим доступа: <https://newsland.com/user/4297789135/content/ukraina-proshchai-gomo-sovetikus/5586024> (дата обращения: 01.04.18).
154. Касьянов Г.В., Миллер А.И. Россия – Украина: как пишется история. Диалоги – лекции – статьи. — М.: РГГУ, 2011. — 311 с.
155. Касьянов Г.В. Теорії нації та націоналізму. — Київ: Либідь, 1999. – 352 с.
156. Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ - М.: РОССПЭН, 2012. — 164 с.

157. Киридон А.М. Гетеротопії пам'яті: Теоретико-методологічні проблеми студій пам'яті. – Київ: Ніка-Центр, 2016. – 320 с.
158. Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание в России. - СПб.: тип. М. Акинфиева, 1912. – 394 с.
159. Коваль Р. Підстави націократії - Київ: Вища школа, 1994. – 55 с.
160. Коваль Р. Філософія сили: есеї. — Київ: Мена Домінант, 2016. — 88 с.
161. Коваль Р. Філософія українства. – Київ: Освіта, 1995. – 64 с.
162. Коваль Р. Чи можливе україно-російське замирення? — Стрий: Видавництво ім. ген. Мирона Тарнавського, 1991. — 86 с.
163. Ковальчук М. Битва двох революцій: Перша війна Української Народної Республіки з Радянською Росією. 1917–1918 рр. – Т. 1. – Київ: Видавничий дім «Стилос», 2015. – 608 с.
164. Кожевникова Г.В., Шеховцов А.В. и др. Радикальный русский национализм: структуры, идеи, лица – М.: Центр «Сова», 2009. – 410 с.
165. Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. - М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 664 с.
166. Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. - Київ: Ніка-Центр, 2004. — 184 с.
167. Концепція та програми викладання історії України в школі (проект). – Київ: ВД «Стилос», 2009. – 87 с.
168. Концепція та програми викладання історії України в школі (проекти): Матеріали IV та V Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України «Концепція історичної освіти». – Київ: ВД «Стилос», 2009. — 126 с.
169. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.

170. Корнилов В.В. Трупный синод: о том, как на Украине виновников Голодомора «судили // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2010. — №2. — С. 29-34.
171. Корнилов В.В. Шестипроцентный праздник // Информационно-аналитический мониторинг «Украина» — 2008. — №12. — С. 31-35.
172. Кравченко В.В. Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // *Ab imperio*. — 2004. — №2. — С. 329-367.
173. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / Под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. - М.: Весь Мир, 2013. — 400 с.
174. Кудинов Д.С. Памятники Ленину, снесённые на Украине с декабря 2013 года (список, фотографии) [Электронный ресурс] // Памятники Ленину — Режим доступа: <http://leninstatues.ru/leninopad> (дата обращения: 01.04.18).
175. Кудинов Д.С. Сколько всего памятников Ленину? [Электронный ресурс] // Памятники Ленину - Режим доступа: <http://lenin.tilda.ws/skolko> (дата обращения: 01.04.18).
176. Кулик В.М. Націоналістичне проти радянського: історична пам'ять у незалежній Україні [Электронный ресурс] // Інтернет-мережа гуманітаріїв в Україні і світі — Режим доступа: <http://historians.in.ua/index.php/en/istoriya-i-pamyat-vazhki-pitannya/379-volodymyr-kulyk-natsionalistychne-proty-radianskoho-istorychna-pamiat-u-nezalezhnii-ukraini> (дата обращения: 01.04.18).
177. Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / Ю. Шаповал, Л. Нагорна, О. Бойко та ін.; за загальною редакцією Ю.Шаповала. — Київ: ІПЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2013. — 600 с.
178. Культурная сложность современных наций / Отв. ред. В.А. Тишков, Е. И. Филиппова; ИЭА РАН. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 384 с.

179. Курилла И.И. История, или Прошлое в настоящем. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 168 с.
180. Кутявин Н.А. Неоязыческий миф о князе Святославе // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура. Материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. — С. 17-30
181. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. – 560 с.
182. Кучма Л.Д. Послання Президента України до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України у 1996 році. - Київ: Преса України, 1997. – 143 с.
183. Лаврикова И.Н. Сфера праздничного – зона идеологического // Свободная мысль. — 2012. — № 3-4. — С. 187-194.
184. Лангеноль А. Официальные визиты. Интернационализация памяти о Второй мировой войне в России и Германии // Неприкосновенный запас – 2005. — № 2-3(40-41). – С. 403-418.
185. Ле Гофф Ж. История и память. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 303 с.
186. Лебон Г. Психология народов и масс. — М.: Академический проект, 2011. — 238 с.
187. Лебон Г., Тард Г. Психология толп. — М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. — 416 с.
188. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. — СПб.: «Европейский Дом», 2002. — 400 с.
189. Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985. — 536 с.
190. Леви-Стросс К. Мифологии: Т.3: Происхождение застольных обычаев. — М.: Университетская книга, 2000. – 461 с.
191. Лефорт К. Формы истории: очерки политической антропологии. - СПб.: Наука, 2007. — 341 с.

192. Лихачев В.А. Антисемитизм как политтехнология (на примере президентских выборов в Украине) // Тирош: труды по иудаике. — 2005. — Вып. VII. — С. 220-235
193. Лихачев В.А. Укрощение строптивых: антисемитизм как PR-стратегия [Электронный ресурс] // Газета Хадашот. — 2004. — №2(108). — Режим доступа: <http://old.vaadua.org/Hadasot/Had108/07.htm>(дата обращения: 01.04.18)
194. Лотман М.Ю. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // История и типология русской культуры. - СПб.: Искусство, 2002. — С. 5–20
195. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. — СПб.: Искусство-СПб., 2001. — 703 с.
196. Лоуэнталь Д. Прошлое - чужая страна. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 624 с.
197. Лукин П.В. Восточнославянские «племена» в русских летописях: историческая память и реальность // Образы прошлого. Коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. - М. Кругъ, 2003. — С. 257-285.
198. Лупиніс А.І. Бунт має рацію. — Чернігів: «Факел», 2004. — 218 с.
199. Любів Б. Український військовий однострій початку та середини ХХ століття // Орієнтири. — 1999. — №2. — С. 48-51
200. Ляшенко О. Історична пам'ять українців: точки зближення і розриву. Частина 1. Історичні особистості [Электронный ресурс] // Research & Branding Group — Режим доступа: <http://rb.com.ua/ukr/analitics/socyum/7285/> (дата обращения: 01.04.18).
201. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление - М.: Наука, 1978. — 392 с.

202. Макаркин А.В. Противоречивые праздники новой России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — 2015. — №3(101). — С. 262-273.
203. Малахов В.С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. - М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. — 272 с.
204. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. — М.: Книжный дом «Университет», 2010. — 318 с.
205. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. 2-е изд. — М.: Книжный дом «Университет», 2010. — 318 с.
206. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 207 с.
207. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России - М.: ИНИОН РАН, 2013. — 421 с.
208. Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. — 2016. — №6. — С. 139-158.
209. Мальцев В.В. Россия - извечный враг Украины. Современный украинский праворадикальный национализм // Вопросы национализма. — 2014. — №18. — С. 48-67.
210. Мартиненко О.А. Расизм та ксенофобія як нове фонове явище злочинності в Україні // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. — 2008. — №43. — С.80-83.
211. Мартинюк Л. «Іду на ви» Портрет досконалого володаря // Правий напрям. Статті з газети «Соціал-націоналіст». — Львів: Ліга-прес, 1998. — С. 20-22.

212. Мартынов А.А. Фальсификация истории: синдром украинской гуманитарной науки // Информационно-аналитический мониторинг «Украина». — 2009. — №6 (26). — С.35-39.
213. Марчуков А. Операция «голодомор» // Родина. — 2007. — № 1. — С. 60-68.
214. Масенко Л. Як позбутися радянської спадщини в топонімії [Электронный ресурс] // Газета «День» - Режим доступа: <https://day.kyiv.ua/uk/article/podrobici/yak-pozbutisya-radyanskoyi-spadshchini-v-toponimiyi> (дата обращения: 01.04.18).
215. Медуниця О. Українська справа виграла битву за українську молодь // Терен-Україна. — 2010. — № 2(27). — С. 3.
216. Миллер А.И. Вызов из прошлого. Историческая политика: витки спирали в Восточной Европе начала XXI века // Россия в глобальной политике — 2011 — № 5 — С. 18-32.
217. Миллер А.И. Дебаты об истории и немецкая идентичность // Политическая наука. — 2005. — № 3. — С. 66-75.
218. Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине [Электронный ресурс] // Журнал «Отечественные записки» — 2007. — №1. — Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraine#_ftnref1 (дата обращения: 01.04.18).
219. Миллер А.И. Лабиринты исторической политики // Россия в глобальной политике. — 2011. — Т. 9. — № 3.— С. 49-62.
220. Миллер А.И. Нация, или Могущество мифа. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 146 с.
221. Миллер А.И. Образ России и русских в западноукраинской прессе // Полис. Политические исследования. — 1995. — № 3. — С. 124-132.

222. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. — 2009. — Т. 13. — №3-4. — С. 6-23.
223. Миллер А.И. Украинский вопрос в Российской империи. — Киев: Laurus, 2013. — 416 с.
224. Мірчук П. Нарис історії ОУН. 1920-1939 роки. — Київ: Українська видавнича спілка, 2007. — 1008 с.
225. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 4 (42). Март [Электронный ресурс] // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, РАНХиГС при Президенте РФ, Всероссийская академия внешней торговли. — Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2017_4-42_March.pdf (дата обращения: 01.04.18).
226. Мороз О.В., Суверина Е.В. Trauma Studies: история, репрезентация, свидетель. // Новое литературное обозрение. — 2014. — №125. — С. 59–74.
227. Мосионжик Л.А. Технология исторического мифа. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 416 с.
228. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. — М.: КДУ, 2011. — 416 с.
229. Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. - М.: Наука, 2007. — 601 с.
230. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т.2. Национализм в национальных государствах / Под ред. Э. Яна. - М.: РОССПЭН, 2010. — 695 с.
231. Національна та історична пам'ять: словник ключових термінів / Кер. авт. кол. А. М. Киридон. — Київ: ДП« НВЦ «Пріоритети». — 2013. — 436 с.

232. Неменский О.Б. Эволюция русской и украинской идентичности на Украине после Евромайдана [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований – Режим доступа: <https://riss.ru/smi/31190/> (дата обращения: 01.04.18).
233. Несвяткові думки про свято до шостої річниці конституції України [Электронный ресурс] // Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/article.php?news_id=217 (дата обращения: 01.04.18)
234. Никулин А.М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология — 2003. — №4-5. — С. 148-158.
235. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный Запас. — 2005. — № 2-3(40–41). — С. 391–403.
236. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. — 2010. — № 1-2. — С. 181-188.
237. Нора П. Теперішнє, нація, пам'ять. – Київ: Кліо, 2014. – 272 с.
238. Нора П. Франция - память. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
239. Ностальгія за СРСР та ставлення до окремих постатей [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» – Режим доступа: http://ratinggroup.ua/research/ukraine/nostalgiya_po_ssr_i_otnoshenie_k_otdelnym_lichnostyam.html (дата обращения: 01.04.18).
240. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.

241. Олександр Сич: Українська національна революція завершиться, коли ми наповнимо державу національним змістом [Електронний ресурс] // ВО Свобода – Режим доступа: <http://svoboda.org.ua/news/comments/00014841/> (дата обращения: 01.04.18).
242. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. — 2012. — Т.11. — №1. — С. 40-74.
243. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 784 с.
244. Панковский Р. Расизм и популярная культура. - Варшава; Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2014. – 204 с.
245. Панько П. Євген Коновалець - символ доби // Орієнтири. — 2001 — №4 — С. 9
246. Парубій А. Погляд справа. Статті, виступи, інтерв'ю. — Львів: Орієнтири, 1999. — 44 с.
247. Плав'юк М. Україна - життя моє Т.1: Від селянського сина - до державника [Електронний ресурс] // Електронна бібліотека – Режим доступа: <http://ukrlife.org/main/evshan/plaviuk2.htm> (дата обращения: 01.04.18).
248. Плохий С. Национализация украинского казачества в XVII – XVIII вв. // Ab Imperio. – 2004. – № 2. – С. 567-596.
249. Плохий С.М. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. — Київ: Laurus, 2013. – 440 с.
250. Победа - одна на всех: материалы Международной научно-практической конференции, Витебск, 24 апреля 2014 г. - Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014 — 373 с.

251. Подорога В.А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. - М.: Рипол классик, 2017 — 268 с.
252. Подорога В.А. Дерево мертвых: Варлам Шаламов и время Гулага: опыт отрицательной антропологии // Новое литературное обозрение. — 2013. — № 2. — С. 193-224.
253. Подорога В.А. Память и забвение. Т.В. Адорно и время «после Освенцима» // Новое литературное обозрение — 2012. — № 116. — С. 123–148.
254. Політичні партії України у взаємодії зі структурами влади [Электронный ресурс] // Киевский центр политических исследований и конфликтологии — Режим доступа: <http://analitik.org.ua/publications/joint/3dd12dea/3dd13f15/> (дата обращения: 01.04.18).
255. Полещук В.В. «Война памятников» в Эстонии: этнический аспект // Этнографическое обозрение. — 2008. — №3. — С. 103-118.
256. Полищук В.В. Проблемы этики в доктрине Д. Донцова // Журнал «“Политическая экспертиза”: “ПОЛИТЭКС”» — 2009. — №1. — С. 232-254.
257. Політичні партії України у взаємодії зі структурами влади [Электронный ресурс] // Киевский центр политических исследований и конфликтологии — Режим доступа: <http://analitik.org.ua/publications/joint/3dd12dea/3dd13f15/> (дата обращения: 01.04.18).
258. Половина украинцев не знает, что Украина уже 7 лет живет с Конституцией [Электронный ресурс] // Украинская Правда — Режим доступа: <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2003/06/27/4373313/> (дата обращения: 01.04.18)
259. Полян П.М. Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте. - М.: АСТ, 2016. — 624 с.

260. Полян П.М. Юбилей à la Glavpou? Российский организационный комитет «Победа» как естественная монополия // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 40-41. — С. 162-169.
261. Портнов А.В. Terra hostica. Образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года. // Неприкосновенный запас — 2004. — № 36(4). — С. 86-91.
262. Портнов А.В. Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. - Київ: Критика, 2013. — 344 с.
263. Портнов А.В. Історії істориків. Обличчя й образи української історіографії ХХ століття. - Київ: Критика, 2011. — 245 с.
264. Портнов А.В. Між «Центральною Європою» та «Русским миром»: Сучасна Україна у просторі міжнародних інтелектуальних дискусій. — Київ: НІСД, 2009. — 160 с.
265. Потебня А.А. Мысль и язык. Язык и народность. О национализме. — Харьков: Типография «Мирный труд», 1913. — 225 с.
266. Признание голодомора: результаты последних исследований [Электронный ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступа: http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/priznanie_golodomora_rezultaty_poslednih_issledovaniy.html (дата обращения: 01.04.18)
267. Програма реалізації української національної ідеї у процесі державотворення розроблена Провідником ВО “Тризуб” ім. С. Бандери Василем Іванишином у 2003 році. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RuLit— Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/naciya-i-revoluciya-read-339631-28.html> (дата обращения: 01.04.18).
268. Пронюк Н. Цивілізаційне протистояння: Європа — Азія, Україна — Росія // Орієнтири. — 2000. — № 3. — С. 13-15.

269. Пропозиції до концепції історичної освіти в Україні. III робоча нарада з моніторингу шкільних підручників з історії України // Історія та правознавство. — 2009. — № 22-24. — С. 21-29.
270. Пропозиції до концепції історичної освіти в Україні: Матеріали II круглого столу Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України (Київ, 18 жовтня 2008 року). — Київ: 2009. — 28 с.
271. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. — М.: Лабиринт, 2009. — 176 с.
272. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в десяти томах. — М.: Государственное издательство Художественной Литературы. — Т. 6. Критика и публицистика. — 507 с.
273. Работяжев Н.В. Парламентские выборы на Украине: поворот на запад // Россия и новые государства Евразии. — 2015. — № 1(26). — С. 9-23.
274. Радикализм [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия — Режим доступа: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HAS_H01c5f2fc88579f33e24aabc5 (дата обращения: 01.04.18).
275. Радикальна партія Олега Ляшка. Передвиборчий ролик [Электронный ресурс] // Youtube канал Олега Ляшка — 1 октября 2014 г. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iVYrjFJp-g4> (дата обращения: 01.04.18).
276. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... / Сб. статей; сост. и отв. ред. Екатерина Деминцева. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 384 с.
277. Ренан Э. Что такое нация? // Собрание сочинений в 12-ти томах. Т.6. — Киев: Издание Б.К. Фукса, 1902. — С. 87-101.

278. Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 3. - М.: Едиториал УРСС, 2003. — С. 5-14.
279. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика - М.: Кругъ, 2011. — 560 с.
280. Репина Л.П. Историческая память и история историков // Исторические записки. — 2010. — №13 (131) — С. 154-164.
281. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. — 2004. — №5. — С. 39-52.
282. Репина Л.П. Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник Российской нации. — 2010. — №3. — С. 65-77.
283. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. - М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 3-37.
284. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. — 2011. — Т. 153: Серия: Гуманитарные науки. Кн. 3. — С. 191-201.
285. Республіканська програма розвитку історичних досліджень, поліпшення вивчення і пропаганди історії Української РСР // Український історичний журнал. – 1990. – № 11. – С. 3-9.
286. Рикёр П.М. Память, история, забвение. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.
287. Рог В. «Українофобія» п'ята колона», і її ляльководи // Онлайн бібліотека e-Reading — Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1001842/Rog_Viktor_-_Ukrainofobiya_5_kolona_ta_ii_lyalkovodi.html (дата обращения: 01.04.18).

288. Рождественская Е.Ю. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // Логос. — 2017. — № 5(120). — С. 87-114.
289. Рольф М. Советские массовые праздники. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. — 439 с.
290. Романовский Н.В. Новое в социологии - Бум памяти // Социологические исследования. — 2011. — №6. — С. 13-23.
291. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2014. — №2. — С. 106-126.
292. Русско-украинский исторический разговорник. Опыты общей истории. - М.: Новое издательство, 2017. — 182 с.
293. Рябчук М.Ю. Культура памяти и политика забвения // Отечественные записки. — 2007. — №1 (34). — С. 42-55.
294. Савельева И.М. Концептуальные проблемы современного исторического образования в Европе и США // Вопросы образования. — 2006. — № 4. — С. 114–123.
295. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1. — СПб.: Наука, 2003. — 632 с.
296. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.2. — СПб.: Наука, 2006. — 751 с.
297. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. - М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 456 с.
298. Сарайкина Д.Ю. Политический праздник как механизм интерпретации политической реальности // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. — 2011. — № 3. — С. 145-149.

299. Сенкевич Г.А. Новый подход к исполнению государственных социальных обязательств в Украине в период реформ 2015-2016 годов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук — №1(4). — С. 79-83.
300. Серета В.В. Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. - Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. — С. 69-96.
301. Серета В.В. Означення героїчного минулого і політика національної ідентичності: за матеріалами львівського дослідження // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць. — Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім В.Н. Каразіна, 2004. — С. 353-356.
302. Серета В.В. Регіональні виміри українського соціуму: історичне минуле і національні ідентичності // Агора. Україна – регіональний вимір. Випуск 3. — Київ: Стіло, 2006. — С. 29-41.
303. Середницький Я.А. Павло Шандрук. Перша світова і три Російсько-Українські війни. — Тернопіль: Мандрівець, 2015. — 224 с.
304. Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. - СПб.: Издание Ф. Павленкова; Типография Ю.Н. Эрлих, 1893. — 120 с.
305. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 66. — С. 55-66.
306. Скляр С.А. Эволюция всеукраинского объединения «свобода» в 1991 – 2006 годах: от радикального социал-национализма к парламентаризму // Труд и социальные отношения. — 2011. — №12. — С. 75-91.

307. Скринник Д. Шевченко: погляд з-під бронзового монументу // Орієнтири. — 2001 — №2 — С. 8.
308. Словник української мови: в 11 т. / Ред. колег. І. К. Білодід (голова) та ін. — К.: Наукова думка, 1970 — 1980. — Т. 5: Н — О / Ред. А. А. Бурячок, Г. М. Гнатюк, П. П. Доценко. — Київ: Наукова думка, 1974. — 840 с.
309. Снежкова И.А. Формирование этнических представлений украинских и русских школьников // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 83-89.
310. Снежкова И.А., Москаленко Н.П., Чебанюк Е.Ю. Образ России и Украины в контексте геополитических изменений // Этнографическое обозрение. — 2009. — № 2. — С. 75-92.
311. Солдатенко В.Ф. Національна пам'ять (ресурси та наголоси): збірник наукових праць. — Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети»», 2016. — 304 с.
312. Социальное согласие против правового экстремизма / Отв. ред. Л.Я. Дадиани, Г.М. Денисовский. - М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. — 405 с.
313. Ставлення до окремих історичних постатей та процесу декомунізації в Україні [Електронний ресурс] // Соціологічна група «Рейтинг» — Режим доступу:
http://ratinggroup.ua/research/ukraine/otnoshenie_k_otdelnym_istoricheskim_lichnostyam_i_processu_dekommunizacii_v_ukraine.html (дата обращения: 01.04.18).
314. Суни Р. Диалог о Геноциде: Усилия армянских и турецких ученых по осмыслению депортаций и резни армян во время Первой мировой войны // Ab Imperio. — 2004. — № 4. — С. 87-131.
315. Сюни Р.Г. Конструируя примордиализм: старые истории для новых наций // Антропология социальных перемен. - М.: РОССПЕН, 2011. — С. 52-86.

316. Тимонин Л.В. Идеология популизма в политическом процессе на Украине // Вестник Российской нации. — 2016. — № 2. — С. 168-180.
317. Тихонович В.А. Украина как субъективная социальная реальность // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — №4. — С. 134-155.
318. Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. — 2011. — №2. — С. 4-16.
319. Тишков В.А. Новая историческая культура // Новая и новейшая история. — 2011. — № 2. — С. 3-23.
320. Тишков В.А. Новая историческая культура. - М.: Издательство МГОУ, 2011. — 60 с.
321. Тишков В.А. Новая политическая антропология // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. Власть в Антропологическом дискурсе. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 2006. — С. 49-56.
322. Тишков В.А. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Вестник Российской нации. — 2010. — №12-13. — С. 12-25.
323. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука. 2003. — 544 с.
324. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность [Электронный ресурс] // Журнал Россия в глобальной политике — Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11152 (дата обращения: 01.04.18).
325. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.
326. Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. — Киев: Laugus, 2012. — 256 с.

327. Томайчук Л.В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — №3. — С. 52-55.
328. Топычканов А.В. История понятий как политологическая дисциплина (к выходу перевода "Словаря основных исторических понятий") // Полис. Политические исследования. — 2016. — №3. — С. 181-191.
329. Турченко Ф. Г. Як створювалися перші підручники з історії України // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2016. — Вип. 46. — С. 177-191.
330. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. — Екатеринбург, 2002. - 528 с.
331. Україна: рік після виборів. Моніторинг регіонів — Київ-Львів.: Видавництво «Мс», 2007. — 336 с.
332. Українське суспільство 1994-2004: соціологічний моніторинг. - Київ: "Заповіт", 2004. - 64 с.
333. Український Соціальний Націоналізм. Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. Випуск 2. — Київ: Видавництво «Спадщина», 2012. — 36 с.
334. Український соціальний націоналізм. Збірка ідеологічних робіт та програмових документів. — Харків: Патріот України, 2007. — 36 с.
335. Умланд А. Исследования современных украинских ультранационалистических партий — с чистого листа: четыре причины недостаточного изучения постсоветских правоэкстремистских движений в Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. — 2013. — № 1. — С. 7-21.

336. Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994-2009 гг. // *Ab Imperio*. — 2010. — № 2. — С. 219-247.
337. Усачев А.С. Древнейший период русской истории в исторической памяти Московского царства // *История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени* - М.: Кругъ, 2006. — С. 609-634
338. Усачев А.С. Образ языческой Руси в Степенной книге // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*. - М.: Кругъ, 2003. — С. 349-364.
339. Ушакин С.А. Место утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России - М.: Новое литературное обозрение, 2009. — С. 306-345.
340. Ушакин С.А. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // *Неприкосновенный запас*. — 2011. — №6 (80). — С. 10-16.
341. Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: Сб. тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции / Сост.: А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев, Н.Н. Рычкова. - М.: РГГУ, 2017. — 120 с.
342. Февр Л. Бои за историю. - М.: Наука, 1991. — 629 с.
343. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. - М.: Книжный клуб 36.6, 2010. — 480 с.
344. Филиппова Е.И. Перезагрузка памяти // *Этнографическое обозрение*. - 2010. — № 4. — С. 78-91.
345. Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Скованные одной цепью. Память о рабстве и национальная история Франции // *Новое литературное обозрение*. — 2016. — № 6(142). — С. 110-128.

346. Фомин А.И. Украина меняет героев // Свободная мысль. — 2008. — №11. — С. 121-134.
347. Фурман Д.Е. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // Свободная мысль. — 2004. — Т. XXI. — №10. — С. 14-25.
348. Фурман Д.Е. Украина и мы. Национальное самосознание и политическое развитие // Свободная мысль. — 1995. — №1. — С. 69-83.
349. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти - М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.
350. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. — М.: Прогресс, 1992. — 462 с.
351. Химка І.-П. Воєнні злочини: біла пляма у колективній пам'яті північноамериканської української діаспори // Україна модерна. — 2006. — Ч.10. — С. 95-106.
352. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. — 2000. — №1(8). — С. 47-62.
353. Чупрій Л. Історична освіта в Україні як складова державної політики пам'яті // Політичний менеджмент. — 2011. — №4. — С. 18-26.
354. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. — М.: Культура, 1993. — 761 с.
355. Шкільна історія очима-істориків науковців: матеріали Робочої наради з моніторингу шкільних підручників історії України. - Київ: Український інститут національної пам'яті, 2008. — 121 с.
356. Шлях воїна. — Львів: Патріот України, 1999. — 20 с.
357. Шмитт К. Понятие политического. — СПб.: Наука, 2016. — 567 с.

358. Шнирельман В. А. Неоязычество и национализм. Восточноевропейский ареал. - М.: ИЭА РАН, 1998. - 25 с.
359. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. Т. 2. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 440 с.
360. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье - М.: «Академкнига», 2003. — 592 с.
361. Шнирельман В.А. Конспирология и оккультные силы // Историческая экспертиза. — 2016. — № 1. — С. 220-240.
362. Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение — 1995. — №6. — С. 3-13.
363. Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2012. – 312 с.
364. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. Вып. 1. - М.: Государственная академия художественных наук, 1927. — 147 с.
365. Штырков С.А. «Борьба асов с дэвами пронизывает все наше бытие»: конспирологическое воображение североосетинских интеллектуалов в поисках смысла национальной истории // Антропологический форум. — 2015. — № 27. — С. 176-202.
366. Щербаківський В. Формація української нації. – Київ: «Стародавній Світ», 2013. – 144 с.
367. Щербакова И.Л. Карта памяти о ГУЛАГе - проблемы и лакуны // Laboratorium. Журнал социальных исследований. — 2015. — № 1. — С. 114-121.
368. Щербакова И.Л. Над картой памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 195-221.

369. Що об'єднує та роз'єднує українців [Електронний ресурс] // Фонд «Демократичні ініціативи» ім. Ілька Кучеріва – Режим доступа: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:IHhXKWHV0eIJ:dif.org.ua/article/shcho-obednue-ta-rozednue-ukraintsiv+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 01.04.18).
370. Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. – М.: НП РСМД, 2017 — 384 с.
371. Экспертный доклад «Экстремизм в украинской политике, обществе, СМИ и силовых структурах». Выпуск I. – М.: Международная организация по наблюдению за выборами CIS-ЕМО, 2015. — 256 с.
372. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Инвест-ППП, 1995. — 240 с.
373. Эльфонд И.Я. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. - М.: Наука, 2008. — С. 423-449.
374. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб.: Типография Акц. Общ. «Издат. дѣло, бывшее Брокгаузь-Ефронъ», 1899. – Т. 26. – 480 с.
375. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.
376. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. - М.: Наука, 1988. — 224 с.
377. Этциони А. Праздники: забытая колыбель добродетели // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 2(100). — С. 15-30.
378. Як Ви ставитеся до Дня Конституції України? (динаміка, 2003-2008) [Електронний ресурс] // Український центр економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова – Режим доступа: http://old.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=150 (дата обращения: 01.04.18).

379. Яковенко Н.М. Вступ до історії. — Київ: Критика, 2007. — 376 с.
380. Яковенко Н.М. Образ сусіда в наших підручниках з історії [Електронний ресурс] // Українська правда, Історична правда — Режим доступа: http://www.istpravda.com.ua/research/2010/12/15/8970/view_print/ (дата обращения: 01.04.18).
381. Ямпольский М.Б. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. - М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 800 с.
382. Ян Э. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 359 с.
383. Ярош Д. Українська революція: ХХІ століття [Електронний ресурс] // Електронна бібліотека RuLit — Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/naciya-i-revolyuciya-read-339631-3.html> (дата обращения: 01.04.18).
384. Ярош Д.А. Нація и революція [Електронний ресурс] // Електронна бібліотека rubooks.org — Режим доступа: <http://rubooks.org/book.php?book=2736&page=13> (дата обращения: 01.04.18).
385. Berliner D.C. The Abuses of Memory: Reflections on the Memory Boom in Anthropology // Anthropological Quarterly. — 2005. — Vol. 78. — №1. — P. 197-211.
386. Billig M. Banal Nationalism. London: SAGE Publications, 1995. - 208 p.
387. Blacker U., Etkind A., Fedor J. (eds.). Memory and Theory in Eastern Europe. - New York: Palgrave Macmillan, 2013. — 279 p.
388. Blondel C. Introduction A La Psychologie Collective. - Paris: A.Colin, 1928. - 210 p.
389. Carter E.L. The Extreme Right in Western Europe: Success or Failure? — Manchester: Manchester University Press, 2005. — 271 p.

390. Durkheim E. *The Elementary Forms of Religious Life*. - New York: Free Press, 1995. — 464 p.
391. Fouillee A. *Esquisse psychologique des peuples européens*. - Paris: Félix Alcan, 1903. — 550 p.
392. Funke M., Schularick M., Trebesch C. Going to extremes: Politics after financial crises, 1870-2014 // *European Economic Review*. —2016. — Vol. 88(c). — P. 227-260.
393. *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politischsozialen Sprache in Deutschland*. (Hrsg.). O.Brunner, W. Conze, R. Koselleck. — 8 Bde., — Stuttgart: Klett-Cotta, 1972-1992.
394. Griffin R. Interregnum or Endgame? The Radical Right in the "Post-Fascist" Era // *Journal of Political Ideologies*. — 2000. — Vol.5. — №2. — P. 163-178.
395. Halevy E. *The Liberal Awakening (1815 – 1830)*. - New-York: Barnes & Noble inc, 1961. — 350 p.
396. Himka J.-P. Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History // *The Convolutions of Historical Politics*. Budapest, 2012. – P. 211-238.
397. Himka J.P. War Criminality: A Blank Spot in the Collective Memory of the Ukrainian Diaspora // *Spaces of identity* — 2005. — Vol.5 — №1. – P. 9-24.
398. Hobsbawm E. Terence Ranger *The Invention of Tradition*. - Cambridge: CUP, 1983. — 327 p.
399. Ivakhiv A. In Search of Deeper Identities Neopaganism and «Native Faith» in Contemporary Ukraine // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. — 2005. — Vol. 8. — №3 — P. 7-38.
400. Kolstø P. *Political construction sites: Nation-building in Russia and the post-Soviet States*. Boulder, Colorado: Westview press 2000. — 320 p.
401. Kuzio T. Populist-Nationalists in Ukraine // *Ukraine Analyst*. — 2009. — Vol. 1. — №16. — P. 1-4.

402. Kuzio T. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence. The Right and its Politics, 1989–1994 // Nationalities Papers. — 1997. — № 2. — P. 211-242.
403. Legacy of the Famine: Ukraine as a post genocidal society [Электронный ресурс] // Газета «День» – Режим доступа: <http://day.kyiv.ua/en/article/close/legacy-famine-ukraine-postgenocidal-society> (дата обращения: 01.04.18).
404. Loewen J.W. Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong. - New York: The New Press, 1995. – 383 p.
405. Miller A., Lipman M. (eds).The Convolutions of Historical Politics. - N.Y.-Budapest: Central European University Press, 2012. – 354 p.
406. Motyl A.J. The turn to the right: the ideological origins and development of Ukrainian nationalism, 1919-1929. – New York: Boulder, 1980 – 212 p.
407. Mudde C. Populist Radical Right Parties in Europe. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 404 p.
408. Mudde C. Three decades of populist radical right parties in Western Europe: So what? // European Journal of Political Research — 2013. — Vol. 52. – Issue 1. – P. 1-19.
409. Norris P. Radical Right: Voters and Parties in the Electoral Market. - New York: Cambridge University Press, 2005. – 349 p.
410. Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility, New York – London, 2007 – 238 p.
411. Olick J.K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. - New York: Routledge, 2007 – 229 p.
412. Open Letter from Scholars and Experts on Ukraine Re. the So-Called "Anti-Communist Law" [Электронный ресурс] // Krytyka magazine – Режим доступа:

<https://krytyka.com/en/articles/open-letter-scholars-and-experts-ukraine-re-so-called-anti-communist-law> (дата обращения: 01.04.18).

413. Penrose J. Nations, states and homelands: territory and territoriality in nationalist thought // Nations and Nationalism. — 2002. — Vol. 8. — № 3. — P. 277-297.
414. Pocock J. G. A. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. - Cambridge: Cambridge University Press, 2009. - 278 p.
415. Poliszczuk W. Pojęcie Integralnego Nacjonalizmu Ukraińskiego. - Warszawa: Wydawnictwo ANTYK Marcin Dybowski, 1997 – 36 s.
416. Roediger H.L. Ill, Wertsch J. V. Creating a new discipline of memory studies // Memory Studies. — 2008. — Vol. 1. — №1. — P. 9-22.
417. Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaya I., Kozela K. (eds). Collective Memories in War. - London: Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. — 196 p.
418. Rudling A. Multiculturalism, Memory, and Ritualization: Ukrainian Nationalist Monuments in Edmonton, Alberta // Nationalities Papers — 2011. — Vol. 39 — № 5 — P. 733-768.
419. Rudling A. Theory and Practice: Historical Representation of the War Time Activities of the OUN-UPA (the Organization of Ukrainian Nationalists — the Ukrainian Insurgent Army) // East European Jewish Affairs. — 2006. — Vol. 36. — №2. — P. 163-189.
420. Rudling P.A. Organized Anti-Semitism in Contemporary Ukraine: Structure, Influence and Ideology // Canadian-Slavonic Papers. — 2006. — Vol. 48. — № 1— 2. — P. 81-119.
421. Smith J. Red Nations: The Nationalities Experience In And After The USSR. — Cambridge: University Press, 2013. — 412 p.

422. Suny R.G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. - Stanford: Stanford University Press, 1993. — 200 p.
423. The Convolutions of Historical Politics. Budapest: Central European University Press, 2012. — 362 s.
424. Troebst S. Erinnerungskultur – Kulturgeschichte – Geschichtsregion. Ostmitteleuropa in Europa. - Stuttgart: Steiner, 2013. — 440 s.
425. Wanner C. Burden of Dreams: History and Identity in Post-Soviet Ukraine. - University Park: Pennsylvania State University Press, 1998. — 255 p.
426. Warburg A.M. Ausgewählte Schriften und Würdigungen. – Baden-Baden: Verlag V. Koerner, 1980. – 619 s.
427. White H. The Practical Past Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014. — 118 p.
428. Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // Critical Studies in Mass Communication. — 1995. — №2. — Vol.12. — P. 214-239.
429. Zizek S. The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity. - Cambridge: MIT Press, 2003. — 188 p.